

Женский обычай „Биди-сешанбе“.
Группа женщин за дастарханом.

Рис. 9. Туркестанский альбом. Группа женщин за дастарханом
Оседлое население Западного Туркестана. МАЭ РАН. И-1718–252

ГЛАВА III ПЕРИОД «БУРИ И НАТИСКА»

III.1. Проблема подбора профессиональных кадров. История становления творческого коллектива МАЭ

«Если мы оглянемся на последнее двенадцатилетие истории Музея антропологии и этнографии — период деятельности В.В. Радлова в качестве его директора, то не можем не удивляться, какими ничтожными материальными средствами достигнуты столь значительные научные результаты»¹.

Без полноценного научного коллектива (рис. 1, 2) реализовать задуманное В.В. Радловым было просто невозможно. Приняв музей в 1894 г. и возглавляя его четверть века, он проявил себя как выдающийся администратор. Реорганизация музея требовала неотложных действий в области обеспечения финансирования, увеличения экспозиционных площадей и хранилищ, но главное — расширения кадрового состава. В обстановке острейшего дефицита научных кадров он нашел решение проблемы. По сути, В.В. Радлов в высшей степени умело воспользовался той ситуацией, которая сложилась в России к этому моменту: подъем революционного движения, угроза изменений в политической ситуации вызывали самые жесткие меры со стороны правительства, которое ссылало в отдаленные места Сибири людей «неблагонадежных». Не имея специального образования, но долгие годы соприкасаясь с культурой

¹ Ко дню 70-летия В.В. Радлова 1907: 59.

и бытом местного населения, они постепенно становились первоклассными специалистами в области этнографии². В.В. Радлов обладал широкими научными связями в Европе, пользовался глубоким уважением в околоправительственных и деловых кругах, но при этом, являясь человеком подлинно широких взглядов, был готов к необычным кадровым решениям. Он не только сам закрывал глаза на политическое прошлое и взгляды коллег, но еще и брался добиться того же от представителей государства и академической администрации. Он не просто решил проблему научных кадров, но сделал это так, что МАЭ его периода стал одним из «законодателей мод» не только в отечественной, но и в мировой этнографии. «Свита делает короля»: образ В.В. Радлова, его достижения немислимы сегодня без тех, кто работал в МАЭ вместе с ним.

27 апреля 1890 г. великий князь Константин Константинович направил В.В. Радлову письмо следующего содержания: «Избрав ваше превосходительство в члены комиссии, назначенной мною для разработки изменений устава и штатов академии, прошу Вас принять участие в трудах этой комиссии и пригласить Вас пожаловать в первое заседание оной, назначенное в субботу, 28 сего апреля, в 3 часа дня в малой конференц-зале академии»³. С этого дня началась активная работа В.В. Радлова по созданию *музея общечеловеческой культуры*, и первые шаги, несомненно, были связаны с гениальным подбором «команды», сумевшей стать с ним единым целым в процессе реализации этой новаторской для своего времени идеи.

Чтобы понять проблемы, с которыми столкнулся В.В. Радлов в ходе реформирования МАЭ, необходимо кратко представить ситуацию с развитием этнографической науки в России на рубеже XIX–XX вв.

На протяжении длительного времени основным учреждением, которое организовывало экспедиции, в том числе и этнографические, являлось Императорское русское географическое общество, имевшее отделы на местах (Омск, Иркутск, Оренбург, Тифлис). В составе РГО функционировало отделение этнографии, а статьи этнографического характера печатались в изданиях РГО. Существовали и научные общества, в рамках деятельности которых осуществлялся сбор этнографических материалов (Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском

² Выдающиеся отечественные этнологи 2004.

³ СПФ АРАН. Ф. 177. Оп. 3 (1890–1898). Д. 28. Л. 3.

университете, Общество истории, археологии и этнографии при Казанском университете). В 80-х годах XIX в. в Московском, Петербургском и Казанском университетах на физико-математических факультетах были открыты кафедры географии и этнографии (их возглавили соответственно Д.Н. Анучин, Б.Э. Петри и П.И. Кротов)⁴. Во многом благодаря этому шагу стала возможной профессиональная подготовка этнографов. Перед отечественной этнографией стояли поистине грандиозные задачи, но для такой громадной многонациональной и многоконфессиональной страны всего этого было явно недостаточно.

Численность персонала росла параллельно росту бюджета. Как говорилось выше, с 1889 по 1896 г. персонал МАЭ включал директора и хранителя. В 1896 г. музей получил еще одного штатного хранителя от упраздненного музея классической археологии, с таким же скудным окладом в 750 руб. В 1891 г. ввиду ожидания новых штатов эту должность принял известный сибирский этнограф, участник Орхонской экспедиции **Дмитрий Александрович Клеменц**⁵ (1847–1914). В.В. Радлов привлек к работе этого этнографа и археолога, ссыльного народовольца, так как хорошо знал его по совместной работе в Орхонской экспедиции. Д.А. Клеменц был геологом, географом, этнографом, ему принадлежит одно из первых мест в ряду исследователей, посвятивших себя изучению труднодоступных и практически неизученных областей Сибири и Монголии. В 1879 г. Д.А. Клеменц был арестован и приговорен к ссылке в Сибирь, где началась его научно-исследовательская деятельность. С 1897 г. он жил в Петербурге, работал старшим этнографом Музея антропологии и этнографии, с 1902 г. заведовал этнографическим отделом Русского музея. Являясь участником и руководителем ряда экспедиций по Сибири и Монголии, организованных в том числе на средства Русского географического общества, Д.А. Клеменц составил ценные географические, геологические и этнографические характеристики мест, в которые до него не ступала нога исследователя; коллекции, собранные его экспедициями, впоследствии были переданы в Петербургский университет, Ботанический сад, а также частично в музей Минусинска, Томска и Иркутска. В 1891 г. он работал в Орхонской

⁴ Кисляков 1987; 2012.

⁵ Могилянский 1914; Ольденбург 1915: 169–172; Конаков 1968: 45–61; Решетов 1998: 59–94.

экспедиции В.В. Радлова, а в 1894–1896 гг. осуществил ряд самостоятельных экспедиций в этот регион. В 1897 г. Д. А. Клеменц вместе со своей супругой на берегу р. Селенги открыл еще один памятник, который был издан В.В. Радловым в 1899 г. с транскрипцией и переводом. Эти находки стали сенсацией в мировой тюркологии — началась эпоха выявления, расшифровки и издания рунических памятников, и огромную роль в этом сыграл В.В. Радлов. Д.А. Клеменц напишет В.В. Радлову в ответ на его предложение принять должность хранителя: «Перехожу к Вашему предложению <...> скажу Вам откровенно, что на первое время по крайней мере я буду плохим работником. Я и теперь чувствую, что сильно нуждаюсь в отдыхе <...> в продолжение <...> пяти лет у меня не было свободной недели, когда бы у меня не было сплошной работы <...> Предложенное место я готов принять <...> Смогу ли я что-нибудь сделать для расширения коллекций музея? Я наводил справки о Вашем музее и признаюсь, не узнал ничего»⁶.

В 1899 г. были введены штаты этнографов — одного старшего с окладом в 2800 руб. и одного младшего с окладом в 1500 руб. На наем персонала и прочие нужды выделялась еще одна сумма — 3850 руб. Для того чтобы в 1901 г. принять на работу Л.Я. Штернберга, Академия наук выхлопотала ему трехмесячное право жительство в столице: «И каждые три месяца академик В.В. Радлов или академик К.Г. Залеман отправлялись в тогдашнее Охранное отделение хлопотать о продлении разрешения, — дело в том, что на нем лежало тогда два несмыслимых „позорных пятна“: он был революционер, политический преступник, а во-вторых, еврей без диплома высшего учебного заведения»⁷. «Академик Радлов довел до сведения отделения <...> что в настоящее время вследствие расширения помещения академического Музея по антропологии и этнографии требуется усиленный штат работников для установки и перераспределения коллекций, — он пригласил с 1 января 1902 года временно исправляющим должность младшего этнографа, по вольному найму, бывшего студента Льва Яковлевича Штернберга и просил о разрешении выдавать г. Штернбергу жалованье, в размере ста рублей в месяц, считая с 1 января сего года»⁸.

⁶ СПФ АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Д. 128. Л. 54.

⁷ Ратнер-Штернберг 1928: 32–33.

⁸ СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 823. Л. 9.

Л.Я. Штернберг: «1903 года мая 20 дня. Я, нижеподписавшийся, дал сию расписку в том, что я ни к каким масонским ложам и другим тайным обществам, под какими бы они названиями ни существовали, ни внутри империи, ни вне ее, не принадлежал, не принадлежу и впредь к оным обязываюсь не принадлежать»⁹. **Лев (Хаим-Лейба) Яковлевич Штернберг (Штеренберг)**¹⁰ (1861–1927) (рис. 3) «в метрических книгах о родившихся евреях из мещан за 1901 год, в записи о рождении сына Аркадия, сделано надлежащее исправление имени просителя: „Лейба“ и фамилия „Штеренберг“ на имя „Лев“ и фамилию „Штернберг“»¹¹.

Российский и впоследствии советский этнограф, с 1924 г. член-корреспондент АН СССР, профессор Петроградского университета стал ближайшим сподвижником В.В. Радлова в деле создания нового музея¹². Еще будучи студентом физико-математического факультета Петербургского университета, а потом юридического факультета Новороссийского университета, Л.Я. Штернберг принимал участие в работе революционных кружков и в работе партии народолюбцев, за что и был арестован в 1886 г., а весной 1889 г. после трехлетнего пребывания в одесской центральной тюрьме был сослан на Сахалин, где пробыл с 1889 по 1897 г. Во время этой ссылки ему удалось исследовать общественный строй и религиозные воззрения нивхов (гиляков), сахалинских и амурских айнов, а также различных тунгусо-маньчжурских племен, подробно описать систему родства гиляков и орочей. Впоследствии Л.Я. Штернберг преподавал на этнографическом отделении Государственного географического института, а позже Ленинградского института истории и литературы¹³.

После серии арестов за участие в революционном движении и ссылки в Сибирь разрешение на проживание в Петербурге с целью поступления в Академию художеств по ходатайству В.В. Радлова получил **Самуил**

⁹ Там же. Л. 21.

¹⁰ Богораз 1927: 269–282; Кап 2009; Лев Штернберг — гражданин, ученый, педагог 2012; Корсун 2012: 65–82; Корсун 2013: 181–188. Л.Я. Штернберг похоронен на Преображенском еврейском кладбище Санкт-Петербурга.

¹¹ СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 823. Л. 129.

¹² Там же. Л. 8.

¹³ В Фонограммархиве ИРЛИ РАН хранятся записи, сделанные Л.Я. Штернбергом: Ф. 20 Ф. Д. 43. Зап. 43. Дата созд. 1910, дата поступл. 1931. Иркутск.

Мартынович Дудин¹⁴ (1863–1929) (см. рис. 2), который в 1891 г. в качестве рисовальщика ездил с экспедицией В.В. Радлова в Монголию.

С.М. Дудин родился в 1863 г. в местечке Ровное Херсонской губернии, и об этом сохранилась запись в метрической книге: «Свидетельство. 1863 года октября 4 дня по указу его императорского величества местечка Ровного Николаевской церкви священно- и церковнослужители сим удостоверяем, что в метрической книге, хранящейся при сей церкви, состоит записан под № 116 акт следующего содержания: 1863 года августа 19-го родился и 20 крещен Самуил, коего родители: Казанского драгунского полка 3 эскадрона квартирмейстер Мартын Тихонов Дудин и законная его жена Ольга Дементьева, православного вероисповедания. Восприемники были: волостной местечка Ровного фельдшер Иван Иванов Новиков и Анастасия Станиславовна жена Безкровного»¹⁵.

С.М. Дудин учился в Елисаветградском реальном училище, откуда был отчислен в 1881 г. за неуспеваемость. Осенью 1882 г. был принят в народовольческий кружок, в деятельности которого принимал самое разнообразное участие: был кассиром, изготавливал печати революционных организаций и правительственных учреждений, изучал способы изготовления взрывчатых веществ. В 1884 г. началось его преследование, поводом к которому послужило сходство его почерка с тем, которым была написана брошюра «К русскому обществу от русских революционеров», обнаруженная на улицах Елисаветграда. У С.М. Дудина был произведен обыск, в ходе которого у него нашли нелегальную литературу. Он был арестован в августе 1884 г. и до начала 1885 г. содержался под стражей, а затем был освобожден под подписку о невыезде; в декабре 1886 г. был выслан на три года в Восточную Сибирь, с марта 1889 г. жил в г. Троицкосавске. В 1891 г. впервые в качестве рисовальщика отправился с экспедицией В.В. Радлова в Монголию, а затем по ходатайству последнего ему было разрешено жить в Петербурге, где он поступает в Академию художеств.

«Прошение. Желая поступить в число сотрудников Петербургской академии художеств имею честь покорнейше просить подвергнуть меня

установленному испытанию. Ввиду того, что в настоящее время я состою в качестве рисовальщика при Орхонской экспедиции академика В.В. Радлова в Монголии и могу возвратиться и прибыть в Петербург не раньше ноября месяца сего года (1891) позволяю себе просить отсрочить испытания. Необходимые документы обязуюсь предоставить в Академию художеств по прибытии моем в С.-Петербург. При сем приложено ходатайство академика Академии наук Радлова»¹⁶.

Из Департамента полиции, от 4 декабря 1891 г. господину конференц-секретарю Императорской академии художеств: «Вследствие отношения от 30 ноября сего 1891г. за № 2743, департамент полиции имеет честь уведомить ваше сиятельство, что к принятию крестьянина Самуила Мартынова Дудина в число учащихся в Императорской академии художеств, препятствий со стороны департамента не встречается»¹⁷.

Ввиду пребывания в Монголии С.М. Дудин не мог посещать занятия в академии в течение всего семестра, и 11 декабря 1891 г. он обращается в Канцелярию Академии художеств: «Чтобы получить билет на право посещения классов, музея и библиотеки академии я должен внести плату за оба полугодия, между тем вносить деньги только за десять дней первого полугодия для меня, при недостаточности средств, было бы несколько затруднительно. Поэтому я беру на себя смелость просить канцелярию дозволить мне в декабре месяце посещать академию бесплатно, взяв с меня лишь деньги за следующую половину учебного года»¹⁸. Таким образом, с 1891 г. С.М. Дудин состоит вольнослушателем Высшего художественного училища и занимается в мастерской И.Е. Репина.

Благодаря ходатайству В.В. Радлова и поступлению в Академию художеств С.М. Дудин получает право проживания в Петербурге: в 1893 г. ему было выдано свидетельство из Императорской академии художеств «в том, что он действительно состоит в числе учащихся Академии художеств, и Самуилу Дудину служит видом на жительство, в чем Канцелярия императорской академии художеств свидетельствует подписью с приложением печати»¹⁹. Согласно состоявшемуся 15 ноября

¹⁴ Бартольд 1930: 348–353; Зеленин 1930: 34–35; Ольденбург 1930: 353–357; Пекарский 1930: 344–348; Вишневецкая 1992: 84–106; Дмитриев 2006: 96–106; Прищепова 2011: 608–649.

¹⁵ РГИА. Ф. 789. Оп. 11 — 1891. Д. 164. Л. 5.

¹⁶ Там же. Л. 16.

¹⁷ Там же. Л. 3.

¹⁸ Там же. Л. 7.

¹⁹ Там же. Л. 8.

1895 г. высочайшему повелению С.М. Дудин приобрел право на ношение серебряного академического знака²⁰.

Летом 1895 и 1896 г. С.М. Дудин был «отправлен по России для художественных занятий с натуры и списания видов местностей»²¹. По этому поводу он писал в канцелярию Императорской академии художеств: «Отправляясь на летние работы, прошу канцелярию снабдить меня: 1) свидетельством на право писания этюдов и т.п. 2) свидетельством на льготный проезд на пароходах Волги и Каспийского моря»²². В 1897 г. по окончании академии С.М. Дудин был удостоен звания художника «с предоставлением средств на поездку за границу, с 1 января 1898 г., сроком на один год»²³.

Из Парижа он напишет своему учителю И.Е. Репину: «При отъезде за границу меня интересовали музеи, переполненные картинами старых мастеров, но больше занимали меня новые художники <...> новейшая живопись. Я так много слышал о ней от людей, бывавших за границей. И вот я остался в Париже смотреть на эти частные выставки и присматриваться»²⁴.

Диплом С.М. Дудин получил 30 марта 1899 г.: «Определением Императорской академии художеств <...> бывший ученик Высшего художественного училища при академии Самуил Дудин за отличные познания в живописи и научных предметах, доказанных им во время пребывания в отделении живописи и скульптуры училища, удостоен звания художника, с присвоением этому званию, на основании § 52 Высочайше утвержденного 15 октября 1893 года временного устава Императорской академии художеств, правом на чин X класса при поступлении на государственную службу и с правом преподавания рисования в учебных заведениях. В уверение чего дан Дудину сей диплом, за надлежащим подписанием и с приложением академической печати»²⁵.

В 1911 г. С.М. Дудин был принят на штатную должность фотографа²⁶ МАЭ, а вскоре стал одним из основателей научного направления, из-

²⁰ Там же. Л. 25.

²¹ Там же. Л. 14.

²² Там же. Л. 12.

²³ Там же. Л. 24. Для этого ему был изготовлен заграничный паспорт за № 1595 [Там же. Л. 37].

²⁴ Там же. Л. 26–33.

²⁵ Там же. Л. 34.

²⁶ Никитин 1991.

вестного сегодня как визуальная антропология, и возглавил отдел технической фотографии. После завершения двух туркестанских экспедиций С.Ф. Ольденбурга, участником которых он был, С.М. Дудин стал во главе отдела древностей китайского и русского Туркестана. Согласно распоряжению императора был награжден пожизненной пенсией в размере 900 рублей за двадцатилетнюю непрерывную научную работу и командировки от Императорской академии наук и других научных учреждений.

Летом 1891 г. по поручению МАЭ им были собраны коллекции по этнографии Малороссии, включая альбом фотографий. В 1892 г. по поручению Академии наук он объехал Русский Туркестан по маршруту Самарканд — Ташкент — Верный — окрестности озера Иссык-Куль — укрепления Нарын и долина Арпа с целью осмотра и описания памятников древностей, сделал описания, планы, рисунки и ряд фотографических снимков.

Летом 1895 г. по поручению Императорской археологической комиссии в г. Самарканде им был отснят большой альбом фотографий с изображениями мечетей города. Весной и летом 1899 г. по поручению Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева побывал в Семипалатинской и частично Акмолинской областях и составил большой альбом (около 500 номеров) фотографий и рисунков, представляющий различные виды жилищ и утвари. Во время поездок 1900, 1901 и 1908 гг. (провел в разъездах более 20 месяцев) по поручению управляющего Русского музея императора Александра III С.М. Дудин посетил практически все значимые населенные пункты Закаспийской, Самаркандской, Сырдарьинской, Ферганской, Семиреченской областей, Кашгарский округ и привез богатые этнографические коллекции²⁷, а также альбом фотографий²⁸, дополняющих эти собрания (около 3000 номеров).

В течение лета 1905 г. по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии С.М. Дудиным был выполнен каталог фотографических снимков с мавзолеев Шах-Зинда, всего 181 снимок²⁹. Приблизительно тогда же им было положено начало собиранию коллекций по керамике Средней Азии и изготовлен большой атлас акварелей орнаментики посуды, найденной при раскопках в окрестностях

²⁷ Дудин 1928: 71–166.

²⁸ Дудин 1921: 31–53.

²⁹ РГИА. Ф. 789. Оп. 11 — 1891. Д. 164. Л. 44–49.

г. Самарканд: «Во время моих поездок по Средней Азии я, попутно собирая этнографические коллекции и археологические материалы, собрал и обширный материал по орнаментике народностей, населяющих эту страну. Разнообразие форм и круга предметов, украшавшихся орнаментикой здесь может быть даже больше, чем где бы то ни было <...> однако для собрания этих богатств еще почти ничего не сделано, так как работы Археологической комиссии включили в свой круг только памятники зодчества Тамерлановской эпохи, и из них только один издан, причем в изучении орнаментов отведено более чем мало места. Комитет по изучению Азии собрал фотографические документы декоративных украшений еще нескольких сооружений (Шах-Зинде), но не мог, не располагая средствами, прибавить к этой работе более детальной разработки украшений. Музей Александра III при моей деятельной помощи собрал большее число предметов среднеазиатской художественной старины и промышленности, но преследуя, главным образом, этнографические цели, не мог позволить мне ни громадных закупок, ни ряда работ по собиранию чисто художественных материалов. Понимая всю важность собрания упомянутых материалов, в моих поездках, я постарался заполнить этот пробел и исполнил ряд калек, набросков, заметок и фотографий <...> но недостаток свободного времени не позволяет мне повести эту работу так, как следовало бы»³⁰.

С.М. Дудин обращается в Академию художеств с просьбой помочь ему в этой работе. Он предполагал, что эта помощь может выразиться в выдаче ему пособия на окончание хотя бы части работ, и просит выделить ему на это 600 рублей, что и было сделано, а впоследствии предполагает приобрести этот альбом³¹. Интересно, что 2 апреля 1907 г., еще раз обсудив планы покупки этого альбома, Совет академии сочтет ее невозможной «ввиду того, что представленные орнаменты в большей части по своему содержанию не подходят для академии, а скорее для этнографического музея, о чем внести на благоусмотрение академического собрания»³². Однако в собрании Императорской академии художеств 16 апреля 1907 г. было подано 16 голосов за приобретение альбома и 16 против. Таким образом, ввиду равенства голосов было принято решение о приобретении.

³⁰ Там же. Л. 60–62.

³¹ Там же. Л. 53, 60–62.

³² Там же. Л. 57.

В итоге альбом с 60 акварелями был куплен за 800 рублей (хотя сам художник оценивал их стоимость в 1800 рублей, из расчета 30 рублей за каждую акварельную таблицу)³³. Впоследствии часть этого каталога осмотрел Николай II во время выставки предметов из Восточного Туркестана в Царскосельском дворце (1908 г.), организованной под эгидой Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии.

В 1909 г. С.М. Дудин участвовал в экспедиции академика С.Ф. Ольденбурга в Китайский Туркестан и привез оттуда фотографии³⁴ памятников буддийских монастырей (около 1800 номеров). Из этой же экспедиции он вывез коллекции стенописи, впервые выставленные в МАЭ. В 1914 г. принимал участие во второй экспедиции С.Ф. Ольденбурга, привез альбом снимков (около 900 номеров). Во время всех экспедиций поддерживал тесные связи с МАЭ, где работал в качестве и фотографа, и рисовальщика, и регистратора. С 1907 г. зачислен в МАЭ штатным служащим — фотографом музея и заведующим отделом древностей Русского и Китайского Туркестана³⁵.

С.М. Дудин много работал как иллюстратор для изданий этнографического характера, написал ряд статей по орнаментике, архитектуре и ковровому делу, которые были изданы в «Зодчем», «Известиях Императорской археологической комиссии», «Хрестоматии прикладных искусств» и «Художественном архитектурном еженедельнике»³⁶. 14 апреля 1913 г. С.М. Дудину был пожалован орден Св. Станислава 3-й степени³⁷.

Заведующим Галереей императора Петра I, открытой в 1912 г. в МАЭ, стал Эдуард Карлович Пекарский³⁸ (1858–1934) (см. рис. 2), польский ссыльный в Сибири, знаток якутского фольклора, автор серии трудов по этнографии якутов и эвенков, словаря якутского языка. С 1927 г. член-корреспондент, а с 1931 г. почетный член АН СССР. Работал секретарем отделения этнографии Русского географического общества.

³³ Там же. Л. 57, 63.

³⁴ Фотоколлекции С.М. Дудина хранятся в МАЭ РАН. См. подробнее: Резван 2010б: 80–81, 374–381.

³⁵ Дудин 1918: 21–92.

³⁶ СПФ АРАН. Ф. 177. Оп. 3. Д. 36. Л. 58–60.

³⁷ РГИА. Ф. 789. Оп. 11–1891. Д. 164. Л. 68. Также подробнее о С.М. Дудине см.: Резван 2010б: 2–15; 26–43.

³⁸ Эдуард Карлович Пекарский (к 100-летию со дня рождения) 1958; Оконешников 1972; Грицкевич 1986; Гинев 2003: 249–271.

Э.К. Пекарский происходил из семьи польских дворян Игуменского уезда Минской губернии, в 1877 г. поступил в Харьковский ветеринарный институт. В 1874–1875 гг. примкнул к революционному движению, принимал активное участие в таганрогском кружке, в 1877–1878 гг. — в работе харьковского студенческого кружка, за что был исключен из института. С 1878 г. состоял членом общества «Земля и воля». В 1881 г. Э.К. Пекарский был приговорен к пятнадцати годам каторжных работ, замененных ссылкой в Сибирь. Прибыл в Якутск в ноябре 1881 г., и прожил там около двадцати лет. В эти годы он принимал участие в различных экспедициях, занимался составлением словаря якутского языка (к 1930 г. им было собрано более 25 тысяч слов). С 1905 г. Академия наук ходатайствовала о разрешении Э.К. Пекарскому пребывания в столице, в этом же году он начал работу в МАЭ под руководством В.В. Радлова.

При В.В. Радлове в музее начали работать жена и сын антрополога и народовольца **Эдуарда Юльевича Петри (1854–1899)**, род которого вел свое происхождение от деятеля шведской реформации XVI в. Олауса Петри. Э.Ю. Петри учился в Императорской медико-хирургической академии, был близок к организации «Земля и воля», вследствие чего был арестован и сослан. После бегства из ссылки жил в Швейцарии, где окончил Бернский университет и в 1880 г. защитил докторскую диссертацию по медицине. С 1883 по 1887 г. работал внештатным профессором на факультете философии Бернского университета, читал лекции по географии и антропологии. Его супруга **Евгения Львовна Петри (1858–1923)** (рис. 4), урожденная Гринберг, приняла лютеранство, в их семье было двое сыновей — Бернгард и Георгий, которые впоследствии учились в той же частной немецкой гимназии К.И. Мая³⁹, что и дети В.В. Радлова. Е.Л. Петри окончила Симферопольскую гимназию, два года училась на Женских врачебных курсах в Петербурге, затем — на медицинском факультете Бернского университета. Там же, в Швейцарии, вышла замуж за своего сокурсника Э.Ю. Петри.

³⁹ Петербургская школа Карла Мая — учебное заведение Санкт-Петербурга, основанное в 1856 г. Карлом Ивановичем Маем. В школе учились целые поколения Рерихов, Римских-Корсаковых, Семеновых-Тян-Шанских, Бенуа. Изначально гимназия размещалась во флигеле дома Ершова на 1-й линии Васильевского острова, в доме 56, в 1861 г. она переехала на 10-ю линию, дом 13, а в 1910 г. — на 14-ю линию Васильевского острова, дом 39, где специально для нее было построено четырехэтажное здание по проекту архитектора Германа Гримма.

В 1887 г. после возвращения в Россию Э.Ю. Петри был амнистирован. В 1887–1899 гг. возглавлял кафедру географии и этнографии Петербургского университета, участвовал в экспедициях по Средней Азии, Приуралью, Оренбургской и Уфимской губерниям. Его супруга Е.Л. Петри с 1896 г. была принята на службу в МАЭ, где и проработала до самой смерти в должности заведующей отделом Океании, занималась регистрацией предметов, организацией обмена с музеями, вела музейную переписку.

Когда Э.Ю. Петри умер в возрасте 45 лет, опекунство над его старшим сыном Бернгардом взял на себя В.В. Радлов. Поскольку ближайшее окружение Бернгарда имело самое непосредственное отношение к науке, он естественным образом решает поступать в Петербургский университет на отделение географии, где когда-то преподавал его отец. В 1910–1917 гг. **Бернгард Эдуардович Петри⁴⁰ (1884–1937)** (рис. 5) работает в МАЭ сначала безвозмездно (с 1910 г.), а с 1914 г. в качестве внештатного младшего этнографа⁴¹. Всего им было зарегистрировано около 200 археологических и этнографических коллекций. За годы работы в музее он предпринял ряд экспедиций в Восточную Сибирь, которые финансировались Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии. Весной 1918 г. Б.Э. Петри с супругой выехали в Иркутск, где по стечению обстоятельств остались навсегда. Б.Э. Петри занимал должность профессора Иркутского университета, продолжая числиться сверхштатным сотрудником МАЭ. Он не оставлял надежды вернуться в академию, как и А.М. Мерварт и С.М. Широкогоров, с которыми Б.Э. Петри поддерживал переписку. В 1923 г. Б.Э. Петри написал Л.Я. Штернбергу: «Прошу сохранить за мной высокое звание этнографа АН, которое я носил до сих пор и которым горжусь»⁴².

После образования в 1924 г. при Президиуме ВЦИК Комитета содействия народностям северных окраин Сибири (Комитета Севера) Б.Э. Петри стал выезжать для работы в отдаленные поселки Сибири, где занимался проектированием культбаз и охотничьих хозяйств, однако в ходе экспедиций продолжал собирать этнографические и археологические коллекции. В письме Л.Я. Штернбергу из своей первой экспедиции

⁴⁰ В Фонограммархиве ИРЛИ РАН хранятся фонограммы, записанные Б.Э. Петри: Ф. 24 Ф. Д. 33. Зап. 41. Дата созд. 1912, дата поступл. 1931.

⁴¹ Сирина 1991: 83–92; 1999: 57–80.

⁴² Репрессированные этнографы 2002: 65.

в Прибайкалье он писал: «Хотелось бы пойти в музей и приняться за работу, которую я так люблю: регистрировать коллекции, определять вещи, писать каталог»⁴³. Б.Э. Петри был арестован в 1937 г. по сфабрикованному делу «немецких специалистов» (на заводе тяжелого машиностроения в Иркутске работали немецкие специалисты, большинство которых было арестовано по подозрению в шпионаже). Б.Э. Петри был обвинен в том, что состоял немецким шпионом, завербованным В.В. Радловым (!), а также был агентом германской и английской разведок, по заданию которых занимался шпионской деятельностью и в свою очередь вербовал агентов. Был расстрелян 25 ноября 1937 г., посмертно реабилитирован в 1959 г.

Младший сын Е.Л. Петри Георгий Эдуардович Петри (1888—1942) окончил Санкт-Петербургский университет как историк-медиевист, занимался теорией и практикой музейного и экскурсионного дела. С 1933 г. работал в Музее истории религии и атеизма, где принимал участие в создании нескольких экспозиций.

С 1898 г. с МАЭ сотрудничал народоволец, исследователь культуры народов Северо-Восточной Азии **Владимир (Вениамин) Ильич Иохельсон**⁴⁴ (1855—1937) (рис. 6). Родился в городе Вильно (Вильнюс) в еврейской семье. Он поступает в раввинское училище, а в 1873 г. — в реальное училище. В 1885 г. В.И. Иохельсон был арестован и после двухлетнего заключения в Трубецком бастионе Петропавловской крепости отправлен в ссылку в Якутию. Там он начал изучать быт, язык и культуру якутов. В 1894 г. В.И. Иохельсон вошел в состав экспедиции Императорского географического общества, в которой приняли участие и другие политические ссыльные: Н.А. Виташевский, Э.К. Пекарский, Д.А. Клеменц, В.Г. Богораз, С.В. Ястремский, внесшие громадный вклад в изучение Якутии⁴⁵. Больше двух лет (с 1895 по 1897 г.) В.И. Иохельсон провел среди юкагиров, изучил два диалекта юкагирского языка.

⁴³ Там же: 74.

⁴⁴ Корсун 2004; Слободин 2005: 96—115.

⁴⁵ В Фонограммархиве ИРЛИ РАН хранятся фонограммы, записанные В.И. Иохельсоном (всего 147 е.х., 155 записей): Ф. 29 Ф. 4 Д. 4 зап. Дата созд. 1902, дата поступл. 1931. Якутия; Ф. 33 Ф. 56 Д. 60 зап. Дата созд. 1911, дата поступл. 1931. Камчатка; Ф. 34 Ф. 87 Д. 91 зап. Дата созд. 1911, дата поступл. 1931. Алеутские о-ва.

В 1898 г. В.И. Иохельсон вернулся в Петербург. Руководитель американской Северо-тихоокеанской Деззуповской экспедиции (1897—1902 гг.) Франц Боас предложил ему стать ее участником: экспедиция проводилась для исследования жизни народов северо-востока Сибири. В.И. Иохельсон знал якутский и юкагирский языки, и поэтому был назначен ответственным за работу сибирской части экспедиции. В состав экспедиции вошла и супруга ученого Дина Бродская-Иохельсон⁴⁶. Впоследствии В.И. Иохельсон руководил Алеутско-Камчатской экспедицией Русского географического общества, организованной московским банкиром Ф.П. Рябушинским (1909—1911 гг.), в 1912—1922 гг. работал с В.В. Радловым в Музее антропологии и этнографии в Санкт-Петербурге, а с 1922 г. жил в Нью-Йорке.

Более двадцати лет проработал в МАЭ **Карл Карлович Гильзен (1864—1918)**. Он начал работать в МАЭ еще в 1892 г. как внештатный сотрудник, а в 1893 г. осуществил поездку в США, где познакомился с коллекциями американских музеев и посетил резервацию индейцев сиу. В 1896 г. начал регистрацию североамериканского собрания МАЭ: для каждого предмета сделал карточку, где записал его название, номер временной и постоянной регистрации и этническую принадлежность, сюда же он наклеивал все музейные этикетки, имеющиеся к предмету. С 1903 по 1911 г. К.К. Гильзен жил в Симбирске, затем вернулся в Петербург и с 1912 г. работал в составе постоянного штата МАЭ.

Бронислав Осипович Пилсудский⁴⁷ (1866—1918) происходил из польских дворян Виленской губернии, в 1886 г. закончил гимназию в Петербурге и поступил на юридический факультет университета. В 1887 г., будучи студентом, арестован по делу террористической организации партии «Народная воля», готовившей покушение на императора Александра III. Б.О. Пилсудский был приговорен к длительным

⁴⁶ Медик по образованию, она производила антропометрические замеры, фотографические съемки, записывала устный и музыкальный фольклор и оказывала медицинскую помощь. На базе собранного материала защитила докторскую диссертацию в Цюрихе.

⁴⁷ Подробнее о Брониславе Пилсудском, его жизни на Сахалине и научной деятельности см: Латышев 2008, а также прекрасные серии статей В.М. Латышева и Г.И. Дударец, опубликованные по большей части в «Известиях Института наследия Бронислава Пилсудского». Автор искренне благодарит Г.И. Дударец за предоставленные библиографические материалы. Очень информативными являются дневники Б. Пилсудского: Пилсудский 1998: 89—106; Пилсудский 2011: 12—122.

срокам каторжных работ. В 1891 г. он знакомится с Л.Я. Штернбергом⁴⁸ и начинает изучение сахалинских нивхов: записывает фольклор, собирает этнографические предметы. Вскоре по ходатайству Общества изучения Амурского края ему разрешили переехать во Владивосток: там с 1898 г. Б.О. Пилсудский работает в музее Общества изучения Амурского края. В 1902–1905 гг. по поручению Академии наук он вновь переезжает на Сахалин, где в ходе экспедиции собирает научный материал по айнам Южного Сахалина.

Вацлав Леопольдович Серошевский (1858–1945) происходил из польской семьи, по окончании гимназии занимался слесарной работой в ремесленной школе Варшавско-Венской железной дороги. Участвовал в рабочем движении, в 1879 г. был приговорен к восьми годам тюрьмы. Приговор был заменен ссылкой в Якутию, где В.Л. Серошевский провел двенадцать лет (с 1880 по 1892 г.), здесь он начал собирать этнографические материалы. В Сибири им был закончен научный труд под названием «Якуты. Опыт этнографического исследования», ставший одним из полных исследований традиционного быта и культуры якутов конца XIX в., впоследствии изданный Русским географическим обществом. В 1903 г. вместе с Б.О. Пилсудским участвовал в экспедиции Русского географического общества на о. Хоккайдо, которая была прервана из-за осложнения отношений между Россией и Японией. После этого побывал в Корее, Китае, на Цейлоне, а материалы, собранные им на Дальнем Востоке, легли в основу этнографического труда «Корея».

Владимир Германович Богораз⁴⁹ (1865–1936) (Натан Менделевич Богораз; псевдонимы — Н.А. Тан, В.Г. Тан, Тан-Богораз, Waldemar Bogoras) — революционер, этнограф и лингвист. Учился в Таганрогской мужской классической гимназии, с 1881 г. входил в народовольческие кружки, неоднократно подвергался арестам. В 1889 г. был сослан на десять лет в Среднеколымск, где стал заниматься этнографией. В 1894 г. Императорская академия наук включила его в состав экспедиции (1895–1897 гг.), снаряженной с целью изучения жизни чукчей. По окончании экспедиции академия успешно ходатай-

ствовала о возможности его возвращения в Петербург. В 1898 г. руководитель этнологического отдела Американского музея естественной истории Нью-Йорка Ф. Боас обратился с письмом к В.В. Радлову, в котором просил порекомендовать русских ученых для проведения научных исследований в Сибири в составе Джезуповской (Северо-Тихоокеанской) экспедиции: В.Г. Богораз занимался изучением чукчей и эскимосов. Впоследствии до 1904 г. В.Г. Богораз работал куратором этнографической коллекции Американского музея естественной истории, подготовил к печати монографию «Чукчи», которая получила всемирное признание как фундаментальный труд по этнографии и мифологии чукчей. В последние годы состоял в должности директора основанного им в 1932 г. Музея религии и атеизма.

В 1901–1902 гг. появилась еще одна штатная должность младшего этнографа и помимо этого бюджет был увеличен на 2250 руб., а «штатное место младшего этнографа не было замещено, для того чтобы, пользуясь остатками, пополнять по возможности коллекции и оплачивать лучше тех наемных работников, которые уже работали в музее»⁵⁰.

В это же время произошла крупная перемена в составе персонала. Старший хранитель Д.А. Клеменц и работавший в антропологическом и археологическом отделах Н.М. Могилянский перешли в Этнографический отдел Русского музея императора Александра III, и это случилось как раз в тот момент, когда площади МАЭ были расширены — в его распоряжение перешел дополнительный этаж. Было решено не только обновить, но и увеличить штатный персонал. «На должность младших этнографов были приглашены два новых лица: сначала Л.Я. Штернберг, который долгое время занимался этнографическими и лингвистическими работами на Дальнем Востоке и работы которого печатались в изданиях академии. Другой — Б.Ф. Адлер, окончивший Московский университет. Должность старшего этнографа осталась незамещенной, ибо оклад его разделялся между исполняющей должность младшего этнографа Е.Л. Петри и другими наемными лицами. Л.Я. Штернберг заведовал отделом русских и сибирских инородцев и отделом Америки, Б.Ф. Адлер — Китаем и Японией и археологией, а г-жа Петри — африканским и океанским отделом»⁵¹. С 1892 г.

⁵⁰ СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Д. 45. Л. 6 об.

⁵¹ Там же.

⁴⁸ См. также письма Пилсудского В.В. Радлову: Пилсудский 2001: 61–63; Прокофьев 2012: 183–186; Решетов 2000: 62–66, 69–70, 72–74.

⁴⁹ Винников 1935: 235–241; Иванов 1946; Шахнович 1966; Кулешова 1975; Михайлова 2004: 95–136.

краниологическим материалом занимался д-р Ю.В. Люевич, с которым В.В. Радлов познакомился еще в Казани и которого, спустя много лет, после случайной встречи в Петербурге не мог не пригласить в МАЭ. В том же году предложила свои добровольные услуги для устройства библиотеки музея г-жа Е.М. Романова. Дальнейший рост персонала продолжался в 1908 г., когда к МАЭ был прикомандирован Н.И. Воробьев, на которого в связи с переходом из Эрмитажа Петровской галереи было возложено заведование последней (он разработал план размещения галереи в новом помещении). В 1906 г. в МАЭ были приглашены В.Н. Васильев, перед этим успешно собиравший коллекции для музея в Сибири, и К.В. Ценников, впоследствии заведовавший фотолабораторией. В следующем году был привлечен к работам в археологическом отделе В.И. Каменский, благодаря которому в музее были приведены в порядок археологические коллекции. В 1908 г. А.И. Иванов был приглашен для заведования китайским и японским отделами, вследствие чего младший этнограф Б.Ф. Адлер был переведен в отдел антропологии и археологии, а в 1909 г. для работы, связанной с письмоводством, пригласили Е.М. Кубиш.

Елена (Эмма) Маврикиевна Кубиш (Kubisch) (1879–1942) (рис. 7), библиотекарь, библиограф, родилась в Самаре. Еще в 1891 г. В.В. Радлов начал активно участвовать в судьбе этой будущей сотрудницы музея: «Принимая милостивое участие в положении дочерей племянника члена Императорской академии наук Радлова статского советника Кубиш, ваше императорское высочество изволили ходатайствовать о помещении двух его дочерей в один из столичных институтов (Воспитательное общество благородных девиц; старшая — Мария, другая — Елена. — П.М.)»⁵². В 1900 г. она закончила восемь классов при Смольном институте с серебряной медалью, после чего из-за обострившегося туберкулеза легких была вынуждена уехать на юг Италии. Свободно владела немецким, английским, французским и итальянскими языками. В 1904–1908 гг. служила переводчицей, а с 1909 г. благодаря протекции В.В. Радлова начала работать в Музее антропологии и этнографии: сначала заведующей канцелярией, затем помощником библиотекаря, научным сотрудником. С 1909 г. начала работать

⁵² Там же. Ф. 4. Оп. 4. Д. 503. Л. 96.

в Русском комитете для изучения Средней и Восточной Азии сначала в должности помощника делопроизводителя, а с 1913 г. — делопроизводителем. С 1909 г. помогала библиотекарю МАЭ Е.М. Романовой в составлении предметного библиографического каталога библиотеки, а В.В. Радлову — с переводом материалов для его трудов. В 1920–1939 гг. работала по совместительству заведующей отделом периодики в библиотеке Ленинградского восточного института, а с 1934 г. — библиотекарем Библиотеки академии наук (БАН). Е.М. Кубиш занималась иностранным комплектованием, регистрацией новой литературы, а также отбором статей по антропологии, археологии и этнографии для предметного каталога⁵³.

С 1910 г. по регистрации коллекций отделов Северной и Южной Америки начала работать в МАЭ супруга Л.Я. Штернберга С.А. Штернберг. **Сара Аркадьевна Ратнер-Штернберг (1870–1942)** родилась в Могилеве в еврейской купеческой семье. Получив гимназическое образование и закончив в 1890 г. естественно-историческое отделение Высших женских бестужевских курсов в Петербурге, в 1891 г. переехала в Москву, где занималась педагогической деятельностью, заведовала Еврейским женским училищем. В 1900 г. вышла замуж за Л.Я. Штернберга, занималась переводом этнографической литературы с немецкого, французского и английского языков, с 1910 г. работала в МАЭ как помощница Л.Я. Штернберга, а с 1916 г. уже как штатный сотрудник. В 1917 г. опубликовала путеводитель по экспозиции «Северная Америка». В 1934 г. она назначается заведующей отделом Северной Америки МАЭ, а год спустя, в 1935 г., президиум АН СССР без защиты присудил С.А. Штернберг ученую степень кандидата наук. С.А. Штернберг — автор более 30 работ по этнографии народов Северной Америки ряда статей о Л.Я. Штернберге.

Александр Михайлович (Густав Герман Христиан) Мерварт (1888–1932) в 1910–1914 гг. состоял внештатным сотрудником МАЭ, в 1914 г. был зачислен в штат. В 1918–1922 гг. был участником экспедиции в Южную Азию⁵⁴, а в 1924–1930 гг. — ученым хранителем МАЭ, заведовал отделом Индии, в эти же годы преподавал в Ленинградском университете. В январе 1930 г. был арестован по «делу Академии наук»

⁵³ Похоронена на Смоленском кладбище Санкт-Петербурга.

⁵⁴ Мерварт 1927; Мерварт, Мерварт 1927; 1929.

как немецкий шпион и умер в заключении. Его супруга **Людмила Александровна Мерварт**⁵⁵ (1888–1965), в 1914–1918 гг. совершила вместе с А.М. Мервартом экспедицию в Южную Азию, в 1931 г. была также арестована по «делу Академии наук», осуждена на пять лет, но освобождена досрочно в 1932 г. С 1924 г. заведовала отделом Индонезии, а в 1936 г. ей была присуждена ученая степень кандидата наук.

История МАЭ рубежа XIX–XX вв. тесно переплетена с именами многих выдающихся людей. Среди них несколько представителей рода Мейендорфов⁵⁶, баронского семейства прибалтийских немцев. Две племянницы члена Попечительного совета МАЭ барона Феофила Егоровича Мейендорфа — Анна и Мария — также сыграли свою, пусть и небольшую роль в формировании коллекций МАЭ. Обе посвятили свою жизнь благотворительности: Мария Федоровна Мейендорф активно участвовала в деле народного образования, а Анна Федоровна служила сестрой милосердия.

С того же времени, что и С.А. Штернберг, в музее начинает работать баронесса **Мария Федоровна Мейендорф**⁵⁷ (1869–1962). Она зарисовывает орнаменты в отделе Океании⁵⁸. Баронесса М.Ф. Мейендорф родилась в 1869 г. в семье, имевшей обширные родственные связи со многими аристократическими семьями России. В середине 1870-х гг. барон вышел в отставку, и в 1882 г. семья переезжает в Одессу, где Мейендорфы провели около десяти лет. Старшие дочери — Алина и Мария — поступают здесь в частную гимназию. В 1893 г. семья переехала в Петербург, где Мария обучалась на Бестужевских курсах, затем преподавала математику в старших классах Кронштадтской Александровской женской гимназии. Ее сестра **Анна Федоровна Мейендорф** (1871–1916), до 1904 г. оставшаяся в Одессе, с началом Русско-японской войны поступила на курсы сестер милосердия и, окончив их, уехала на фронт, где находилась в составе 1-го армейского корпуса под командованием дяди — генерала Феофила Егоровича Мейендорфа. После окончания военных действий Анна была прикомандирована к санитарному поезду, который в 1905 г. прибыл в Петербург.

⁵⁵ Алиева 1988: 139–146.

⁵⁶ Подробнее об истории семьи Мейендорфов см. в статье П.А. Матвеевой «Семья Мейендорф в истории МАЭ» <<http://radloff.ihpejournal.com/19348/>>

⁵⁷ Баронесса М.Ф. Мейендорф 2003.

⁵⁸ СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 45. Л. 7; Шафрановская, Азаров 1984: 5–25.

Судя по описям и архивным документам, в 1907 г. Анна, будучи в Петербурге, передала в дар МАЭ свою первую коллекцию, привезенную из Маньчжурии (№ 1187) (рис. 8–10). А в 1910 г. от нее в МАЭ поступила вторая коллекция (№ 1825) (рис. 11, 12) по Китаю и Японии. Возможно, что в период с 1911 по 1914 г. сестры совместно сотрудничали с Музеем антропологии и этнографии⁵⁹, дружеские связи с которым долгое время поддерживал их дядя, будучи членом Попечительного совета.

В 1914 г. А.Ф. Мейендорф снова уехала на фронт и была назначена в качестве сестры милосердия на судно «Португаль», где был устроен госпиталь Красного Креста. В марте 1916 г. немецкая подводная лодка выпустила по кораблю торпеду: судно разломилось пополам и затонуло. В числе погибших была и баронесса А.Ф. Мейендорф. Ее сестру Марию Федоровну в 1927 г. арестовали по обвинению в «церковном» деле. После выхода из тюрьмы по решению суда она уехала в Уральск. Во время Второй мировой войны она находилась в Одессе, в 1944 г. уехала в Вену, в 1947 г. — в Париж, а через два года — в Биарриц. До 1962 г. жила в Нью-Йорке и была похоронена на кладбище русского женского монастыря Ново-Дивеево.

В начале 1911 г. в МАЭ наступило время перемен: оставили службу в музее Б.Ф. Адлер⁶⁰ и Н.И. Воробьев, а затем скончался доктор Ю.В. Люевич. На их место были приглашены на должность младшего этнографа Я.В. Чекановский (см. рис. 2), специалист-антрополог, некоторое время стажировавшийся в Берлинском музее народоведения (в МАЭ заведовал отделом Африки). Затем Э.К. Пекарский начал работу в качестве помощника временно заведовавшего Петровской галереей (с 1912 г. назначен младшим этнографом и заведующим галереей). Место д-ра Ю.В. Люевича занял приват-доцент Военно-медицинской академии доктор К.З. Яцута⁶¹ (в 1912 г. к нему на службу поступила помощница М.А. Филаретова), и с этого же года начал безвозмездно работать в музее С.М. Широкого-ров (карточная регистрация в отделе сибирских инородцев). Как говорилось выше, в 1911 г. художник С.М. Дудин был принят на штатную должность фотографа МАЭ.

⁵⁹ Матвеева 2012б.

⁶⁰ Зорин 2001; Тома 2004: 136–143.

⁶¹ В первой четверти XX в. издал ряд научно-популярных статей и книг по анатомии.

Итак, «к 1 января 1913 г. директором музея состоит академик В.В. Радлов, старшим этнографом, на которого постановлением конференции возложены и обязанности помощника директора, состоит Л.Я. Штернберг, младшими этнографами — Е.Л. Петри и Э.К. Пеккарский. Ввиду введения в штат Музея антропологии и этнографии трех должностей старших этнографов считаю необходимым возложить на одного из них обязанности помощника директора по общему наблюдению и надзору за музеем. Исполнение этих обязанностей прошу разрешения возложить на старшего этнографа Л.Я. Штернберга, который и до сих пор фактически успешно нес эти обязанности в течение многих лет <...> ввиду сложности обязанностей Штернберга, требующей значительной работы сверх служебного времени <...> назначить ему особое вознаграждение в 40 рублей в месяц, считая с сентября с.г.»⁶². Сверхштатным этнографом состоит В.И. Иохельсон, штатным фотографом С.М. Дудин. По вольному найму: заведующий отделом культурных стран Азии А.И. Иванов, заведующий отделом Индии А.М. Мерварт, заведующий отделом антропологии К.З. Якута с помощницей М.А. Филаретовой, Б.Э. Петри заведует отделом археологии и европейских стран, К.В. Щенников (см. рис. 2) — отделом изображений. В отделе археологии безвозмездно работают И.Т. Савенков и В.И. Лемешевский (см. рис. 2). В сибирском отделе безвозмездно работает С.М. Широкогоров, в океанийском отделе — баронесса М.Ф. Мейендорф. Регистратором Северо- и Южно-Американского отдела состоит С.А. Штернберг, заведующим отделом Южной Америки — К.К. Гильзен, заведующей библиотекой — г-жа Е.М. Романова и письмоводством и иностранной корреспонденцией — г-жа Е.М. Кубиш⁶³. Кроме того, на весь персонал МАЭ была возложена обязанность научной обработки имевшегося и вновь поступавшего материала. Анализируя кадровые решения В.В. Радлова, нельзя не обратить внимание на целый ряд их особенностей.

Во-первых, бросается в глаза крайняя «политическая неблагонадежность» новых сотрудников — по большей части это революционеры, сосланные в Сибирь. Однако это не помешало В.В. Радлову создать мощный Попечительский совет, в состав которого входил ряд высокопостав-

⁶² СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 823. Л. 101.

⁶³ Там же. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Д. 45. Л. 7 об. — 8.

ленных персон, а также привлечь к сотрудничеству с музеем людей аристократического происхождения. Создание с помощью бывших политических ссыльных научного коллектива учреждения, связанного с реализацией государственных идеологических задач (вспомним передачу в МАЭ Галереи Петра Великого), кажется на первый взгляд чистой авантюрой. В то же время такое решение целиком и полностью соответствовало характеру В.В. Радлова, любившего и умевшего находить необычные решения проблемы там, где это казалось абсолютно невозможным.

Во-вторых, можно говорить о личной заботе В.В. Радлова практически о каждом из сотрудников, о его активном участии в решении их сложных жизненных проблем.

В-третьих, знаменательно то, что значительная группа сотрудников начала свою работу в МАЭ безвозмездно. Важно отметить также, что в музее работало несколько супружеских пар, а дети охотно шли по стопам родителей. Как видно, кадровая политика В.В. Радлова носила глубоко «личный» характер. В музее в основном работали его близкие друзья, люди, обязанные ему лично очень многим. Стараниями В.В. Радлова в МАЭ возникла особая атмосфера, собравшая множество талантливых людей. Динамичность В.В. Радлова, масштабность поставленных им задач, смелость выбора путей их решения — все это делало работу с ним чрезвычайно интересной. Далеко не случайно то, что именно МАЭ дал основной кадровый состав для создания другого этнографического музея в Петербурге — Этнографического отдела Русского музея Императора Александра III.

III.2. Экспедиционная деятельность

«Погоня за этнографическими и антропологическими предметами вследствие повсюду пробудившегося интереса к ним и возникновения повсюду громадных для них музеев в настоящее время сделалась, можно сказать, всеобщей»⁶⁴.

III.2.1. Первые экспедиции в Центральную Азию

Поставленные задачи требовали немедленного осуществления обширной экспедиционной программы. Лишь полевые исследования могли

⁶⁴ Там же. Д. 33. Л. 7.

дать музею столь нужные ему экспонаты, а его специалистам — материалы для исследования эволюции *общечеловеческой культуры* в ее важнейших проявлениях. Приход В.В. Радлова в музей дал мощнейший импульс экспедиционной деятельности. Характерным примером его работы в этом направлении является деятельность Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях.

Центральная Азия⁶⁵ представляла собой важнейший объект военно-политических интересов России. С середины XIX в. на просторах Евразии разыгралось соперничество Российской и Британской империй, известное как «Большая игра» («*The Great Game*»). В связи с этим с середины XIX в. Россия начинает организовывать туда регулярные экспедиции с разведывательной целью. Главный штаб выполнял не только военные задачи, но и фиксировал на картах расположение храмов и крепостей, проводил историко-антропологические и этнографические исследования. Средняя Азия, Монголия, Восточный Туркестан⁶⁶ были во многом исследованы русскими путешественниками: Н.М. Пржевальским, В.И. Роборовским⁶⁷, М.В. Певцовым, П.К. Козловым, В.А. Обручевым и многими другими. Н.М. Пржевальский называл свое время «эпическим» периодом путешествий по Центральной Азии и указывал, что «дальнейшие исследования Центральной Азии сами собой распадутся на два отдела: научные рекогносцировки оставшихся неизвестных местностей и детальное изучение более доступных или уже разведанных быстролетными путешествиями стран»⁶⁸. Начиная с самой первой экспедиции Н.М. Пржевальский и другие путешественники старались проникнуть как можно дальше вглубь материка, так как многие его внутренние регионы в то время совершенно не были исследованы.

В.И. Роборовский был одним из первых, кто понял необходимость изучения сохранившихся в Восточном Туркестане следов древних цивилизаций⁶⁹. Когда в 1896 г. Русское географическое общество передало Азиатскому музею мешок с обрывками рукописей, собранных в разных местах

⁶⁵ Кляшторный 1964; 2003; Постников 2001.

⁶⁶ Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье 1988.

⁶⁷ Труды экспедиции 1900.

⁶⁸ Там же: 20.

⁶⁹ Там же: 44.

Турфанского оазиса экспедицией В.И. Роборовского и П.К. Козлова (1893–1895 гг.), рукописи из пещерного буддийского монастыря Безеклик были просмотрены С.Ф. Ольденбургом, затем В.В. Радловым. По сути, находка этих ценнейших документов, равно как и материалы экспедиции Д.А. Клеменца, стали судьбоносными как для российской востоковедной науки в целом, так и для МАЭ, который в будущем стал своего рода экспедиционным отделом Комитета для изучения Средней и Восточной Азии.

В 1898 г. состоялась экспедиция Д.А. Клеменца в Китайский Туркестан⁷⁰. Материалы, полученные им в 1898 г., послужили стимулом к образованию Международной ассоциации для изучения Средней и Восточной Азии⁷¹. Впоследствии в письме С.Ф. Ольденбургу Д.А. Клеменц скажет, что «в Турфанском крае хватит работы на сто лет на всю Европу»⁷². Строились обширные планы дальнейшего изучения края. Однако Д.А. Клеменц явно недооценивал возможности западных коллег, которые, воспользовавшись финансовыми затруднениями МАЭ, смогли направить туда несколько результативных экспедиций. Русским ученым было сложно «соперничать с подобными богато обставленными экспедициями англичан, немцев и др.»⁷³. Тем не менее одним из важнейших результатов экспедиции Д.А. Клеменца стало открытие рукописных памятников, изучением и публикацией которых занялся В.В. Радлов⁷⁴. Были опубликованы два фрагмента буддийских сутр, четыре рунических граффити и два юридических документа⁷⁵.

III.2.2. XII Международный конгресс востоковедов в Риме. Комитет для изучения Средней и Восточной Азии

С 3 по 15 октября 1899 г. в Риме состоялся XII Международный конгресс востоковедов. Это мероприятие проходило в формате различных секций:

⁷⁰ Турфанская экспедиция Д.А. Клеменца 1940: 259–260.

⁷¹ Российские экспедиции 2008: 50–52.

⁷² Басаргина 2008а: 274.

⁷³ Там же: 120.

⁷⁴ Российские экспедиции 2008: 52–53; а) древнетюркские рунические надписи в пещерных буддийских храмах; б) древнеуйгурские надписи красной и черной краской на кусках штукатурки из дворцовых и храмовых построек; в) фрагменты древнеуйгурских буддийских рукописей; г) фрагменты буддийских ксилографов; д) древнеуйгурские хозяйственные документы.

⁷⁵ Там же: 53.

1. Общая индоевропейская лингвистика;
2. География и этнография Востока;
3. Сравнительная история религий Востока, сравнительная мифология и фольклор;
4. Китай и Япония (литература, история, археология);
5. Бирма, Индокитай, Малайя, Мадагаскар;
6. а) Индия, б) Персия;
7. Центральная Азия;
8. Семитские языки и литература;
9. Мусульманский мир;
10. Египтология и африканские языки;
11. Греция и Восток;
12. Язык, народы и цивилизация Америки.

Вечером 3 октября 1899 г. делегаты XII Международного конгресса востоковедов собрались в Большом зале Римского университета, чтобы избрать президента для каждой из секций и обсудить формат мероприятия. В собрании приняли участие не только итальянские ученые, как представители страны-организатора, но и делегаты из Австрии, Аргентины, Бельгии, Чили, Китая, Дании, Египта, Финляндии, Франции, Германии, Великобритании, Греции, Голландии, Венгрии, Индии, Персии, Японии, Мексики, Черногории, Норвегии, Парагвая, Румынии, России, Сан-Марино, Швеции, Швейцарии, Соединенных Штатов Америки. Делегаты из России (В.В. Радлов, Д.А. Клеменц, К.Г. Залеман, С.Ф. Ольденбург) представляли научные учреждения Санкт-Петербурга. По дороге в Рим они побывали в Берлине, где провели ряд встреч с немецкими коллегами, в том числе с А. Грюнведем.

В.В. Радлов стал президентом VII секции конгресса, посвященной изучению Центральной Азии. До этого его работы уже были широко известны европейским ученым. 11 октября 1899 г. В.В. Радлов подробно докладывал о результатах экспедиционной работы в Турфане, во время которой Д.А. Клеменцем были обнаружены ценнейшие уйгурские рукописи. К.Г. Залеман был избран президентом иранской группы VI секции конгресса и представил в Риме ряд своих публикаций, в том числе связанных с изучением рукописей, обнаруженных в 1893 г. во время экспедиции В.И. Роборовского и П.К. Козлова в Турфане. С.Ф. Ольденбург

представлял рукописи и свитки, приобретенные в 1882–1902 гг. российским генеральным консулом в Кашгаре Н. Петровским.

Изучение культуры этого региона было признано исключительной научной задачей, выполнение которой возможно лишь путем консолидации международных научных усилий. В частности, на конгрессе речь шла о необходимости создания единой научной организации, — Международной ассоциации для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях с постоянным центром в Петербурге. Для исполнения решения была создана временная комиссия из представителей различных стран под председательством В.В. Радлова, в которую вошли видные востоковеды. Эта временная комиссия должна была выработать устав не только Международного союза, но и Русского комитета⁷⁶. В.В. Радлов, прекрасно понимавший громадное значение Восточного Туркестана для мировой науки, сделал все, чтобы вдохнуть жизнь в этот проект. Ему принадлежит сама идея учреждения и Международной ассоциации во главе с Русским комитетом, при его активном участии были выработаны и сформулированы устав и рабочие органы союза. В 1899 г. на общем заседании конгресса эти предложения В.В. Радлова были утверждены. В итоге Русский комитет стал учреждением, сыгравшим одну из главных ролей в выработке общего плана и различных направлений в изучении Центральной Азии, объединяющим центром деятельности, источником всех сведений, касающихся вопросов изучения Центральной Азии⁷⁷.

Ученые, принимавшие участие в конгрессе в Риме, выразили серьезное опасение за судьбу исторических памятников, виновниками гибели которых могло стать как местное население, так и иностранцы, рассчитывавшие на выгодный сбыт древностей. Таким образом, их спасение стало своего рода знаменем и сверхзадачей созданной научной организации.

В 1902 г. комитет провел несколько заседаний, на которых были выработаны и приняты проекты уставов Русского комитета и Международной ассоциации, утвержденные впоследствии на XIII конгрессе ориенталистов в Гамбурге. В.В. Радлов от имени русского правительства

⁷⁶ Смирнов 2011: 287–365.

⁷⁷ Кисляков 2011: 70–72.

объявил, что Русский комитет будет находиться в Петербурге при Министерстве иностранных дел. Это объяснялось прежде всего необходимостью постоянных контактов с дипломатическими представительствами. Комитеты различных стран получили автономность, причем каждый организовывался самостоятельно и мог расходовать находившиеся в его распоряжении средства по своему усмотрению. Такие комитеты начали создаваться уже в 1903 г. в различных государствах Западной Европы. Русский комитет наряду с функциями центрального органа союза становился самостоятельным научным учреждением⁷⁸. Таким образом, ведущая роль России в изучении Центральной Азии была не только официально подтверждена, но и закреплена приданием Русскому комитету функций международного руководящего органа в области востоковедения, причем его деятельность должна была осуществляться комплексно: с изучением истории, археологии, этнографии и языков региона. В комитет как в руководящий центр отправлялись на утверждение различные документы (уставы, планы экспедиций и составы их участников, отчеты и проч.). Положение Петербурга как столичного города, безусловно, способствовало тому, что он занял одну из лидирующих позиций среди востоковедных центров. Здесь находилось много учреждений, которые сыграли заметную роль в становлении ориенталистики: Азиатский музей, факультет восточных языков университета, Русское географическое общество, Русское археологическое общество — все они так или иначе находились во взаимодействии с МАЭ.

Вскоре, однако, возникли некоторые трудности, источником которых стало Министерство финансов. В письме министра финансов С.Ю. Витте от 1 сентября 1902 г. сказано, что «не встречая со своей стороны в принципе возражений против учреждения при Министерстве иностранных дел Комитета для изучения Средней и Восточной Азии, я, тем не менее, затрудняюсь высказать по сему предмету окончательное заключение ввиду того, что из препровожденного при означенном письме проекта устава комитета не усматривается, на какие средства будет действовать этот последний»⁷⁹. В целом же официальные круги придавали большое значение Русскому комитету. В его состав, как говорилось выше, вошли представители различных министерств — финансов, иностранных дел,

⁷⁸ СПФ АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 7. Л. 5–6.

⁷⁹ Там же. Д. 4. Л. 13–14.

военного, внутренних дел. Министерство иностранных дел уведомляло по этому поводу Л.Я. Штернберга: «Своевременно сделаны были сношения с заинтересованными ведомствами на предмет назначения ими в означенный комитет своих представителей»⁸⁰.

Вскоре, однако, министры правительства уведомили, что находят учреждение последнего вполне отвечающим интересам науки и не встречают препятствий от вверенных им ведомств в качестве постоянных членов комитета⁸¹. Из протокола ИФО от 12 февраля 1903 г.: «Государю императору благоугодно было 2 сего февраля высочайше утвердить устав “Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии”. Господин министр иностранных дел <...> возложил на меня (В.В. Радлова. — П.М.) обязанности председателя означенного комитета»⁸². В одном из писем В.В. Радлову от 23 января 1903 г. говорится об ассигновании комитету ежегодного пособия. Речь идет о выделении для этой цели «из средств Государственного казначейства на первое время 5000 рублей в год»⁸³. Однако предусматривается возможность увеличения этого пособия в будущем, а именно тогда, когда точно будут сформулированы требования и нужды комитета. Вместе с этим заявлением министром финансов было сделано распоряжение по Главному казначейству об открытии в смете Министерства иностранных дел за 1903 г. кредита в размере 5000 руб.⁸⁴ Впоследствии с 16 января 1904 г. Русский комитет имел в своем распоряжении 10 000 рублей в год, 31 января 1904 г. на заседании комитета было доложено о решении правительства создать специальный «турфанский» фонд в размере 12 000 руб. ежегодно, в 1908 г. этот фонд вырос до 85 000 руб., а в 1913 г. — до 100 000 руб.⁸⁵

22 марта 1903 г. члены временного комитета собрались в Петербурге на первое официальное собрание, а 27 марта 1903 г. министр иностранных дел отправил В.В. Радлову утвержденный список личного состава Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, который оставался неизменным вплоть до 1915 г. В него вошли:

⁸⁰ Там же. Л. 8.

⁸¹ Там же. Ф. 148. Оп. 1. Д. 7. Л. 5–6.

⁸² Там же. Л. 13.

⁸³ Там же. Л. 1.

⁸⁴ Там же. Л. 17.

⁸⁵ Назирова 1992: 23.

1. Академик В.В. Радлов — председатель;
  2. Представители ученых учреждений:
    - от Императорской АН — академик С.Ф. Ольденбург;
    - от факультета восточных языков Императорского Санкт-Петербургского университета — декан факультета ординарный профессор В.А. Жуковский;
    - от Императорской Археологической комиссии — действительный статский советник Н.И. Веселовский;
    - от Императорского географического общества — действительный статский советник А.В. Григорьев;
    - от Русского археологического общества — экстраординарный профессор В.В. Бартольд;
  3. Представители от Министерств императорского двора:
    - гофмейстер граф А.А. Бобринский;
    - иностранных дел — коллежский советник И.Я. Коростовец;
    - военного — генерал-майор Э.Н. Васильев;
    - финансов — приват-доцент Императорского университета В.Л. Котвич;
    - внутренних дел — гофмейстер К.К. Случевский;
    - народного просвещения — действительный статский советник П.С. Попов;
  4. Русские ученые, приглашенные комитетом на основании Устава:
    - академик К.Г. Залеман;
    - заведующий Этнографическим отделом Музея императора Александра III Д.А. Клеменц;
    - экстраординарный профессор Императорского Санкт-Петербургского университета П.М. Мелиоранский;
    - этнограф Императорской академии наук Л.Я. Штернберг;
    - князь Э.Э. Ухтомский;
  5. Товарищ председателя — В.А. Жуковский;
  6. Секретари — В.В. Бартольд, Л.Я. Штернберг⁸⁶.
- На первом же заседании было создано бюро Русского комитета, которое избиралось тайным голосованием сроком на четыре года: В.В. Радлов — председатель, иранист В.А. Жуковский — товарищ

⁸⁶ СПФ АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 7. Л. 20.

председателя, исламовед В.В. Бартольд и Л.Я. Штернберг — секретари. Заседания должны были созываться также по четыре раза в год, экстренные заседания могли проводиться по специальному постановлению или по письменному заявлению не менее пяти членов Русского комитета. В функции бюро входило следующее: прием корреспонденции, подготовка дел для докладов комитету, исполнение его постановлений, заведование денежной частью и наблюдение за изданиями комитета⁸⁷. Таким образом, всеми своими успехами Русский комитет прежде всего обязан активной деятельности бюро.

Довольно скоро стало очевидным, что в силу естественного развития событий комитет превратился в «экспедиционный отдел» МАЭ, и все материалы, собранные благодаря инициативе его руководства, поступали сюда. Стоит отметить, что весь шестнадцатилетний период руководства Русским комитетом В.В. Радлов был не формальным, а действительным его председателем, в значительной степени благодаря ему была проделана вся научная и научно-организационная работа: планирование экспедиций и определение их целей и задач, изыскание средств на проведение всех работ и т.д.

Итак, комитет находился в ведении Министерства иностранных дел, и задача его состояла в объединении усилий ученых разных стран для исследования культур народов этого региона и спасения от гибели археологических памятников. Также нужно было «всячески содействовать изучению сохранившихся памятников как вещественных, так и духовных в соответствующих странах»⁸⁸. По уставу Русский комитет имел право открывать филиалы, иметь постоянных представителей и членов-корреспондентов на местах, где ведутся исследования. В течение своего существования комитет издавал протоколы заседаний и отчеты на русском, немецком, французском, английском, итальянском и латинском языках. Всего за период деятельности Русского комитета было проведено более 70 заседаний, на которых помимо организационных вопросов обсуждались маршруты предстоящих экспедиций, отчеты их участников, принимались решения об оказании помощи как различным научным организациям, так и отдельным ученым (например, особенно тесные связи Русский комитет поддерживал с Туркестанским кружком любителей археологии).

⁸⁷ Назирова 1992: 20.

⁸⁸ Российские экспедиции 2008: 30.

В Петербурге главным образом поддерживалась связь с МАЭ (сюда поступали все этнографические материалы, собранные во время экспедиций), Азиатским музеем (сюда передавалась большая часть рукописей).

Несмотря на сложные политические отношения с европейскими державами в Центральной Азии, комитет старался направить все силы на взаимовыгодное осуществление исследовательских программ Международной ассоциации. Также комитет активно выступал за отказ от монополии на проведение некоторых работ в отдельных областях Восточного Туркестана только западными коллегами, отстаивая, таким образом, права русской науки⁸⁹.

Русское правительство было заинтересовано в изучении этого региона, непосредственно прилегающего к границам России, именно поэтому, как упоминалось выше, ассигнования комитету за десять лет (с 1903 по 1913 г.) выросли с пяти тысяч рублей до ста. В 1904 г. Николай II велел отпустить 12 000 руб. на организацию археологических экспедиций в Восточном Туркестане. Вместе с тем Русский комитет указывал на невозможность ограничиваться только лишь суммой в 12 000 руб. и одной предполагаемой экспедицией в Турфан и ходатайствовал об отпуске из казны средств на экспедиции еще в течение целого ряда лет. Однако, для того чтобы субсидирование состоялось, Министерству финансов требовались сведения обо всех возможных расходах по исследованиям, которые, по мнению Русского комитета, должны быть предприняты Россией⁹⁰. Уже в следующем году финансирование было приостановлено, так как различные министерства и ведомства рассматривали деятельность комитета со своих позиций и преследовали свои цели. Эта проблема существенно осложняла экспедиционную работу, о чем комитет постоянно сообщал в Министерство иностранных дел. В письмах на имя министра говорилось, что изменения финансирования негативно отразились на работе экспедиций, чем поспешили воспользоваться немцы и французы, снарядив колоссальные экспедиции по следам российских⁹¹. Российской археологии было явно трудно соперничать с западной, хотя в распоряжении русских ученых уже имелись ценные материалы, собранные экспедицией Д.А. Клеменца.

⁸⁹ Назирова 1992: 23, 24, 28, 30.

⁹⁰ СПФ АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 7. Л. 42.

⁹¹ Российские экспедиции 2008: 31.

Комитет продолжал изыскивать средства на проведение экспедиций в Центральную Азию (например, экспедиция А.Д. Руднева для изучения монгольских наречий — 1903 г.; экспедиция М.М. Березовского — 1905–1907 гг.). Выдающиеся результаты принесла экспедиция П.К. Козлова (1907–1909 гг.), открывшая Хара-Хото и доставившая памятники тангутской письменности в Петербург, таким образом положив начало развитию научного тангутоведения. Несмотря на различного рода препятствия, приоритет на исследование Восточного Туркестана все более признавался за Россией.

Значительная часть экспедиций Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии была «предпринята по инициативе и планам музея, причем многие командированные лица получали инструкции и подготовку в музее. Таким образом, музею достались сборы экспедиции академика С.Ф. Ольденбурга из Восточного Туркестана <...> В.В. Бартольда в Туркестан <...> Л.Я. Штернберга на Амур и Сахалин <...> и целого ряда других командированных лиц»⁹².

Восточный Туркестан был важным, но далеко не единственным направлением обширной экспедиционной деятельности МАЭ, резко возросшей на рубеже веков. Из наиболее значительных по результатам предприятий музея в тот период следует упомянуть экспедиции Г.М. Осокина в Монголию (1897 г.), С.М. Дудина в Северный Казахстан (1899 г.), Б.О. Пилсудского на Сахалин (1902–1904 гг.).

За годы существования Русского комитета МАЭ удалось осуществить две крупные экспедиции в Восточный Туркестан под руководством С.Ф. Ольденбурга (1909–1910, 1914–1915 гг.), благодаря чему в музей из Китайского Туркестана поступило около десяти тысяч предметов, в том числе уникальные памятники культуры из Кучи, Дуньхуана, Хара-Хото, Карашара, Турфана (фрагменты росписи стен и потолков храмов, уникальные образцы буддистской скульптуры VI–XI вв.). Инициатором и организатором обеих экспедиций стал **Сергей Федорович Ольденбург**⁹³ (1863–1934). Вместе с В.В. Радловым С.Ф. Ольденбург является одним из создателей Международной ассоциации по изучению Средней и Восточной Азии, а в 1918 г. после смерти В.В. Радлова он возглавил Русский комитет и опубликовал ряд статей о его деятельности и об истории создания.

⁹² СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Д. 45. Л. 10.

⁹³ О С.Ф. Ольденбурге см.: Каганович 2006; Ольденбург 2012.

После обработки фрагментов рукописей из Туркестана, доставленных экспедицией В.И. Роборовского и П.К. Козлова (1895 г.), Академия наук создала Комиссию для разработки археологических коллекций Китайского Туркестана, которую возглавил В.В. Радлов, а С.Ф. Ольденбург состоял ее приглашенным членом. Несмотря на значительные результаты экспедиции Д.А. Клеменца, эта поездка носила скорее разведочный характер, и нужно было думать об организации новой. В 1900 г. В.В. Радлов и С.Ф. Ольденбург подали на рассмотрение Восточного отделения Российского археологического общества «Записку о снаряжении экспедиции с археологической целью в бассейн Тарима»⁹⁴. Авторы ссылаются не только на то, что находки всех предыдущих экспедиций указывают на высокий уровень культуры, господствовавшей здесь, но и на активное освоение территории Туркестана, что в свою очередь ведет к гибели многих памятников. Именно поэтому, несмотря на значительный археологический интерес, авторы «Записки» предлагали исключить из круга археологических работ некоторые территории.

По плану Российского археологического общества предполагалось организовать две последовательные экспедиции в Восточный Туркестан⁹⁵: первая обследовала бы районы Турфана и Кучи, вторая — территорию от Турфана до Хотана, включая местность возле озера Лобнор. Этот запрос был отклонен министром финансов С.Ю. Витте, который в свою очередь 20 июня 1900 г. докладывает Николаю II: «Вашему императорскому величеству благоугодно было сообщить мне о желательности произвести ассигнование 30 000 руб., необходимых для снаряжения археологической экспедиции в бассейн Тарима в Китайском Туркестане, если не в настоящее время, то хотя бы в течение 1901 и 1902 гг. <...> относясь с полным сочувствием к предложению Императорского русского археологического общества исследовать памятники старины в бассейне Тарима я, тем не менее, ввиду многочисленности заявленных уже различными ведомствами на 1901 год требований о новых расходах на неотложные государственные потребности, лишен, к сожалению, возможности прийти на помощь Императорскому русскому археологическому

⁹⁴ Веселовский, Клеменц, Ольденбург 1901.

⁹⁵ Ольденбург 1921: 219–231; Назирова 1986: 24–34.

обществу в этом деле даже и в будущем году»⁹⁶. С.Ю. Витте просит Николая II отложить образование проектируемой экспедиции до более благоприятного времени⁹⁷. Таким образом, проект был отложен: экспедиция состоялась только в 1909–1910 гг.

Возможно, организации экспедиции способствовало и проведение в 1908 г. в Большом Царскосельском дворце выставки, посвященной искусству Восточного Туркестана. Представленные на ней памятники и археологические материалы, привезенные экспедицией М.М. Березовского, произвели на правительство большое впечатление. Было принято решение о выделении ассигнований для организации крупной экспедиции в этот регион (850 тыс. руб. на двухгодичную экспедицию). Ее было решено разбить на две части: в 1909 г. ассигновать 35 тысяч рублей на первую поездку в регион (в состав участников должны были войти С.Ф. Ольденбург⁹⁸, С.М. Дудин и один приглашенный археолог), а уже в следующем году организовать более обширную экспедицию с подробным предварительным изучением китайских источников. Безусловно, за этот период в регионе побывало значительное число экспедиций, в том числе крупный немецкий специалист по буддийскому искусству А. Грюнведель (1902–1903 гг.), отчет об экспедиции которого был опубликован в 1909 г. как раз в тот момент, когда был решен вопрос о финансировании первой Русской туркестанской экспедиции (1909–1910 гг.)⁹⁹. Стоит отметить, что перед поездкой С.Ф. Ольденбург консультировался с западными коллегами: состоялось несколько бесед с А. Грюнведелем и П. Пеллио, которые уже имели опыт работы в крае при содействии Русского комитета. В июне 1909 г. участники экспедиции выехали из Петербурга, первоначально предполагаемый состав был расширен: С.Ф. Ольденбург — руководитель, С.М. Дудин — художник-фотограф, Д.А. Смирнов — горный инженер, В.И. Каменский — археолог и С.П. Петренко — помощник археолога, также был нанят переводчик. Был намечен маршрут: Карашар — Турфан — Карашар — Курля — Куча — Бай-Аксу — Учтурфан — Калпын — Маралбаши — Кашгар.

⁹⁶ СПФ АРАН. Ф. 148. Оп. 1 (1900–1902). Д. 4. Л. 13–14.

⁹⁷ Там же. Л. 14.

⁹⁸ Алексеев 1935: 31–58; Алпатов 2004: 199–219; Бонгард-Левин 1984: 118–127; 1986: 29–47; Каганович 2006; Станюкович 1986а: 84–90.

⁹⁹ Ольденбург 1914; Дьяконова 1995.

Результатом работы стал материал, включавший в себя громадное число зарисовок и фотографий, было снято большое количество планов: всего было выполнено 76 листов эскизов, 5 листов планов, 770 фотографий, было собрано 25 ящиков осколков фресок. К сожалению, этнографического материала было собрано не так много. С.М. Дудин указывал на то, что эти места посетило значительное число западных экспедиций, однако в их отчетах было значительное число ошибок и неточностей¹⁰⁰. Впоследствии сам он опубликовал несколько статей, посвященных архитектуре древних памятников Турфана. Во время экспедиции были детально изучены архитектурные комплексы в округах Карашар, Турфан и Куча, произведены их съемки, сделаны подробные описания самих сооружений. Поставленные перед участниками экспедиции задачи были блестяще выполнены, и по ее результатам в 1914 г. был опубликован краткий отчет, который Русское археологическое общество отметило высшей наградой — большой золотой медалью¹⁰¹.

После подробного выступления С.Ф. Ольденбурга на заседании Русского комитета о находках в Туркестане (он демонстрировал альбомы с фотографиями, рассказывал о приобретенных книгах и рукописях) была объявлена благодарность всем участникам экспедиции. Русский комитет оставлял за собой право собственности на все привезенные материалы. Коллекции, доставленные в Россию, были переданы в МАЭ, где прошли первоначальную обработку¹⁰². Например, находки первой Русской туркестанской экспедиции позволили изучить древнюю технику формовки глиняных фигур в матрице, широко использовавшейся на территории раннесредневекового Восточного Туркестана. Всю работу по первичной обработке поступавших в МАЭ коллекций вел С.М. Дудин в отделе древностей Восточного Туркестана, который он же и возглавлял. С.Ф. Ольденбург пригласил С.М. Дудина принять участие в обеих своих экспедициях по Восточному Туркестану, и собранные последним этнографические и археологические коллекции, а также альбом фотографий легли в основу его публикаций об искусстве Центральной Азии.

¹⁰⁰ Назирова 1992: 53–56.

¹⁰¹ Подробный отчет о Первой туркестанской экспедиции был опубликован только в 1995 г. Публикацию осуществила Н.В. Дьяконова. См. подробнее: Дьяконова 2005; Российские экспедиции 2008: 156–157.

¹⁰² О судьбе туркестанских коллекций см.: Резван 2010а: 71–95.

Материалы, привезенные из первой экспедиции С.Ф. Ольденбурга, дали твердые основания полагать, что Восточный Туркестан — это регион, где переплелись разнообразные религии и культуры, требующие дальнейшего детального изучения. Часть результатов этой работы была продемонстрирована на первой буддийской выставке в Петербурге (1919 г.). В 1923 г. Государственный Эрмитаж обратился в Академию наук с просьбой о передаче ему этих коллекций, что и было сделано в 1931–1932 гг., а в 1935 г. часть этих материалов была помещена на экспозицию¹⁰³.

Вторая Русская туркестанская экспедиция (1914–1915 гг.)¹⁰⁴ была организована с конкретной целью — исследование пещерного буддийского монастырского комплекса в Пещерах тысячи будд к юго-востоку от города Дуньхуан как памятника буддийского искусства, а С.Ф. Ольденбург намеревался собрать исчерпывающий материал для характеристики разных стилей буддийского искусства. Русский комитет одобрил план С.Ф. Ольденбурга по изучению пещер Дуньхуана, рассчитанный на один год.

Небольшой городок Дуньхуан в древности и в средние века служил опорным пунктом Китайской империи, а затем стал важным транзитным пунктом на Шелковом пути. Первые сведения о нем поступили от английского исследователя А. Стейна, который вывез из дуньхуанской библиотеки около 7 тысяч свитков и фрагментов, затем от П. Пеллио (он отобрал около 4 тысяч фрагментов) и К. Отани (коллекция предметов искусства и более 400 рукописей)¹⁰⁵. Таким образом, стало ясно, что храмовый пещерный комплекс, включавший в себя одну из богатейших библиотек своего времени, требовал детального изучения. Именно поэтому тщательно подбирались состав экспедиции, в которой, как и в первой, принял участие художник и фотограф С.М. Дудин (кроме него в состав участников вошли горный инженер Д.А. Смирнов, художник Б.Ф. Ромберг, десять человек помощников и переводчик). Продолжительность экспедиции — один год, общая смета — 34 500 руб., причем сумма в 8000 руб. была заложена на покупку фотографических

¹⁰³ Там же: 156–157. О непростой истории передачи этих материалов из МАЭ в Эрмитаж см.: Резван 2010а.

¹⁰⁴ Меньшиков 1993: 321–343; Скачков 1993: 313–320.

¹⁰⁵ Резван 2010а: 160–163.

пластинок¹⁰⁶. Русский комитет регулярно получал отчеты об экспедиции на всех этапах ее работы, кроме того, все участники экспедиции вели путевые дневники. В первоочередные задачи экспедиции входило детальное изучение и описание пещер, составление их планов, фотографирование наиболее важных объектов. В результате в Россию было привезено около двух тысяч фотографий, образцы стенописи и живописи на шелке, холсте и бумаге, уйгурские, тибетские и китайские рукописи — все это представляло собой достоверный материал о культуре и истории региона. Огромное число рукописей отражало бытовые стороны жизни местного населения, экономическое положение буддийских монастырей, структуру административных учреждений. В мае 1915 г. С.Ф. Ольденбург доложил Историко-филологическому отделению Академии наук и Русскому комитету (он принял решение о награждении всех участников) о результатах экспедиции, однако научные отчеты о ней опубликованы не были в связи с начавшимися в России переменами политического характера. Любопытно, что в 1918 г. С.Ф. Ольденбург планировал продолжить работы в Туркестане, однако этим планам не суждено было осуществиться¹⁰⁷.

Что касается Русского комитета, то его деятельность как руководящего органа Международной ассоциации прекращается после революции 1917 г. До 1919 г. он находится в ведении Восточного отдела Народного комиссариата по иностранным делам, затем — при Народном комиссариате просвещения. Русский комитет полностью прекратил свое существование в 1923 г.¹⁰⁸

III.2.3. Экспедиции как инструмент создания новых отделов МАЭ

Деятельность Русского комитета иллюстрирует лишь одно направление обширной экспедиционной деятельности МАЭ и В.В. Радлова в этом направлении.

Благодаря активной поддержке членов Попечительского совета (подробнее о нем — в разделе III.6) В.В. Радлов инициировал переход

¹⁰⁶ Там же: 165.

¹⁰⁷ Назирова 1992: 62.

¹⁰⁸ Там же: 32.

к реализации принципа целенаправленного собирания коллекций путем научных экспедиций и командировок лиц, предварительно подготовленных к такой деятельности в музее. Такие экспедиции предпринимались либо самостоятельно музеем, если позволяли его средства, либо совместно с другими учреждениями или частными лицами. В период с 1897 г. по 1913 г. МАЭ предпринял ряд самостоятельных экспедиций: Г.М. Осокина (Монголия, 1897), П.Е. Островских (Енисейская губ., 1898), С.М. Дудина (киргизы, 1899), П.К. Саминова (о-в Эзель, 1899), Б.О. Пилсудского (айны о-ва Сахалин, о. Есо, 1902–1904), В.Л. Серошевского (Маньчжурия, айны о-ва Есо, 1902), В.Н. Васильева (Туруханский край, Якутская область, 1904–1908), В.И. Каменского (Нижегородская, Костромская губ., 1907–1908), А.В. Журавского (самоеды, 1906–1908), В.В. Святловского (Австралия, Северная Америка, 1908), А.В. Фрича (Южная Америка, 1910–1911), А.А. Ромаскевича, В.А. Иванова (Персия, 1912–1913)¹⁰⁹, Н.С. Гумилева (Абиссиния, 1913). В 1914–1915 гг. организуется экспедиция в Южную Америку, членами которой стали пять студентов-выпускников Петербургского университета Г.Г. Манизер, Ф.А. Фиельсруп, И.Д. Стрельников, Н.П. Танасийчук и С.В. Гейман. Средства на осуществление экспедиции выделил нефтепромышленник Э.Л. Нобель, член Попечительского совета МАЭ. Маршрут экспедиции проходил через Аргентину, Бразилию, Парагвай, Боливию, Чили, а отчету II Российской южно-американской экспедиции была присуждена серебряная медаль Русского географического общества.

По разным причинам Южная Азия¹¹⁰ долгое время не попадала в поле интенсивной музейно-собирательской работы исследователей. Ситуация изменилась с появлением в МАЭ супругов Мервартов. Для того чтобы организовать в МАЭ специальный отдел культуры Индии, было решено подготовить для этого специалиста, которого можно было бы командировать в Индию для сбора коллекций. Такое предложение было сделано В.В. Радловым преподавателю гимназии Г.Х. Мерварту, который был отправлен в Берлин для работы в библиотеках и Музее народоведения. Впоследствии средства на экспедицию супругов Г.Х. и Л.А. Мервартов были выделены почетными членами Попечительского совета

¹⁰⁹ Автор искренне благодарит коллег из МАЭ РАН за информацию об экспедициях музея.

¹¹⁰ Об истории изучения Индии в России см.: Вигасин 2008.

Б.А. Игнатьевым и К.К. Шейблером. Исследователям было поручено собрать для МАЭ коллекции по быту, искусству и религии народов Индии¹¹¹.

Одним из проявлений авантюрного характера В.В. Радлова можно назвать участие МАЭ в наполовину частных экспедициях: например, в 1906 г. была организована экспедиция А.В. Журавского (1882—1914)¹¹², который собирал коллекцию по самоедам. По просьбе МАЭ купец Е.И. Александер взял на себя половину расходов по организации экспедиции, материалы которой должны были быть впоследствии поделены пополам между ним и музеем. «Для Радлова были важны связи этого антиквара со всеми заграничными музеями, благодаря которым академический музей имел возможность с наименьшими затратами, а часто и в дар получать все то, что при других обстоятельствах было бы для него совершенно недоступно»¹¹³. Когда в 1908 г. наступило время решения вопроса и коллекция прибыла в Петербург, МАЭ не смог погасить задолженность перед Е.И. Александром и целиком перепродал ему собрание (около 2000 предметов), а тот, в свою очередь, — в музей Германии. В результате А.В. Журавский инициировал разбирательство, которое закончилось ревизией МАЭ специальной комиссией в составе директоров академических музеев. Впрочем, комиссия не усмотрела в действиях дирекции музея и, в частности, В.В. Радлова, неправомερных действий, но скандал все же имел широкий резонанс¹¹⁴.

Размах экспедиционной деятельности, развернутой в период управления МАЭ В.В. Радловым, огромен: по масштабам он был сопоставим с идеей создания музея общечеловеческой культуры. Практически все сотрудники МАЭ выезжали в экспедиции. Лишним подтверждением тому может служить то, что В.В. Радлов сам составил «Инструкцию для собирания этнографических предметов»¹¹⁵, принимая самое активное участие в работе такого рода. Таким образом, музей создавался «с колес» людьми, которые либо уже были выдающимися знатоками этнографии, либо становились таковыми в ходе экспедиционной работы: «Музей делал науку, а наука делала музей».

¹¹¹ Краснодембская 1983; Краснодембская, Соболева 2012: 203—232.

¹¹² Терюков 2008: 88—108; 2003: 73—84; 1993: 254—265.

¹¹³ Басаргина 2008а: 303.

¹¹⁴ Там же: 302—304.

¹¹⁵ См. подробнее: Радлов 1895.

III.3. Рост численности коллекций и их регистрация, введение и развитие института корреспондентов МАЭ на местах

Одной из неотложных задач, к решению которых немедленно приступил В.В. Радлов, была регистрация коллекций. Дело в том, что до этого вследствие практически полного отсутствия ученого персонала абсолютно большая часть предметов вообще не была зарегистрирована. «Музей в то время имел до 28 000 предметов <...> Весь этот материал оставался незарегистрированным <...> При наличии одного только консерватора и при отсутствии денежных средств, все попечение о музее сводилось лишь к сохранению в целостности имевшихся коллекций и к выставлению их для обзора публики»¹¹⁶. Следует сказать, что в МАЭ велись книги с записями поступлений, однако эти записи включали в себя лишь даты и общие характеристики коллекций, а отдельные предметы оставались без номеров, этикеток и зачастую расставлялись в залах музея не по «территориям и народностям, а сообразуясь с совершенно чуждыми этнографии требованиями эстетики и симметрии»¹¹⁷.

Только благодаря хранителю Ф.К. Руссову было возможно ориентироваться в музейных собраниях, однако после его смерти эта проблема вышла на первый план. «Все старинные коллекции, составлявшие ценное ядро для дальнейшего развития, не были в свое время обеспечены надлежащей регистрацией. При различных перемещениях из одного здания в другое, а часто и просто при магазинировании за недостатком места в сундуках, которым не раз подвергались этнографические коллекции, утеривались часто всякие следы провенанса, и даже там, где имелись оригинальные описи или более менее точные указания в архиве музея, не всегда можно было из хаоса разрозненных, перемешанных из разных областей коллекций установить с достоверностью соответствующий указанию предмет. Таким образом, особенные трудности при начавшейся с управлением В.В. Радлова регистрации представляли именно эти старинные коллекции музея»¹¹⁸. Часто при их выставлении коллекции разбивались, предметы могли храниться разрозненно. «Чтобы несколько облегчить задачу, решено было начать с более новых поступлений,

¹¹⁶ СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Д. 45. Л. 3.

¹¹⁷ Ко дню 70-летия В.В. Радлова 1907: 32.

¹¹⁸ Там же: 94.

к которым имелись, с одной стороны, точные описи, с другой — указания хранителя Руссова и сторожа Саминова, в бытность которых эти коллекции поступали. Коллекции эти относятся к периоду от 1878 до 1894 года, когда началась регистрация»¹¹⁹.

У персонала МАЭ практически целый год ушел на то, чтобы только сориентироваться в огромном количестве материала. Эта проблема существовала не только в МАЭ — впоследствии С.М. Дудин напишет В.В. Радлову о схожем положении в европейских музеях: «В Вене я посетил музеи зоологический и этнографический. Насколько первый мне понравился, настолько же разочаровал меня второй. Я ожидал гораздо большего. Коллекции сбиты в кучу <...> плохо распределены и настолько тоже балаганно обставлены. Манекены сделаны плохо, обстановка для таких коллекций как домашняя, мебель и утварь очень игрушечные, модели многих вещей сделаны почти так же грубо <...> как модели в Историческом музее в Москве. В зоологическом музее мне понравился <...> строгий порядок <...> выставлены они (коллекции. — П.М.) превосходно, темных углов, пятен на стенах, отвлекающих внимание зрителя, нет, смотришь и не утомляешься <...> не то что в Лувре, где пыль и паутины встречаются <...> в углах, а коллекции сбиты в такую же <...> кучу, как у нас в Эрмитаже»¹²⁰.

Однако, прежде чем приступить к регистрации, необходимо было выработать единую систему учета этнографических коллекций. В то время в большинстве американских и европейских музеев была принята за образец система, разработанная в Берлинском музее народоведения А. Бастианом. «По этой системе вся территория земли разбивалась на известное число крупных этнографических областей, каждая из которых получала особый номер, затем каждый отдельный предмет получал номер соответствующий данной этнографической области, и, кроме того, сплошной номер в порядке поступления предмета в соответствующий отдел»¹²¹. Неудобство этой системы заключалось в том, что предметы были совершенно вырваны из «среды той коллекции, в числе которой они поступили»¹²².

¹¹⁹ Там же: 94–95.

¹²⁰ СПФ АРАН. Ф. 177. Оп. 2. Д. 102. Л. 7 об. — 8.

¹²¹ Ко дню 70-летия В.В. Радлова 1907: 33.

¹²² Там же.

Для того чтобы выбрать наиболее эффективную систему регистрации, В.В. Радлов совершает поездку в Европу, берет за образец систему, существовавшую в Копенгагенском музее, упрощает ее и вводит в МАЭ. Суть этой системы заключалась в следующем: «Каждая коллекция записывалась в журнал поступлений под одним общим номером, следующим за номером предыдущей по журналу коллекции. На каждом отдельном предмете данной коллекции выставлялось два номера: крупными цифрами — номер коллекции по журналу поступлений и более мелкими — номер предмета данной коллекции по порядку. Эта система дает возможность разрознивать коллекции, размещать предметы в любом порядке — эволюционном или культурно-этническом»¹²³.

«Главной единицей регистрации по этой системе служит не территория, не предмет, как во многих других музеях, а *коллекция*, собрание предметов *общего происхождения*, т.е. поступившее или приобретенное одновременно от одного лица или учреждения»¹²⁴. Также была заведена регистрация по карточкам, и каждая из них снабжалась фотографией или рисунком предмета, и впоследствии коллекция подбиралась по этим карточкам. Они изготавливались в нескольких экземплярах и распределялись по этническим группам и в порядке эволюции. «Целый год такой кропотливой работы подвинул, однако, регистрацию очень мало вперед. И кто знает, когда и как она была бы закончена, если бы не подоспело переустройство всего музея, давшее возможность вынуть весь материал из шкафов и рассортировать его»¹²⁵.

На реорганизацию МАЭ в этом отношении ушло практически два года. После завершения регистрации необходимо было «внутри каждого подразделения снова распределить объекты по отделам и подотделам культуры (жилища, одежда, утварь, украшения, искусство, культ и т.д.) и только по окончании этой кропотливой работы можно было приступить к размещению коллекций в шкафах сообразно предварительно составленному подробному плану»¹²⁶. Если говорить об особенностях нового размещения, то здесь можно выделить два момента: культурно-этнический

¹²³ Там же: 34.

¹²⁴ Штернберг 1912: 460.

¹²⁵ Ко дню 70-летия В.В. Радлова 1907: 95.

¹²⁶ Там же: 53–54.

принцип размещения коллекций и расположение предметов по их однородности.

Громадная работа была проделана также по размещению предметов в шкафах. В этом отношении МАЭ придерживался двух принципов — строгой систематики выставляемых предметов и наибольшего удобства для обозрения. «Предметы каждой народности располагаются по однородным группам и развиваются и расставляются так, чтобы каждый предмет был выделен и был по возможности со всех сторон окружен воздухом (система подвешивания). Декоративность и симметричность применяются лишь постольку, поскольку это совместимо с принципом научности»¹²⁷. Если говорить в целом о регистрации коллекций в те годы, то «это была тяжелая работа по целым дням среди атмосферы пыли, затхлости и ядовитых дезинфицирующих препаратов. И на эту громадную работу первоначально было ассигновано, и то после особого ходатайства, по 50 руб. в месяц на вознаграждение двух лиц для регистрации»¹²⁸. В.В. Радлов разрабатывает подробные инструкции по сбору коллекций и привлекает к работе по регистрации всех сотрудников музея. Сам же он неизменно передает в МАЭ собственные экспедиционные сборы (рис. 13–29).

Для того чтобы показать взрывообразную динамику роста численности коллекций и предметов (см. Приложение 1), автором был проведен комплексный анализ данных отдела учета и хранения МАЭ РАН, впервые публикуемый в исследовании.

Весь период управления МАЭ В.В. Радлов придерживался последовательной политики, направленной прежде всего на увеличение числа коллекций. Во многом именно для этого был введен институт корреспондентов на местах. Сразу после вступления в должность В.В. Радлов просил Историко-филологическое отделение Императорской академии наук дать ему право предоставлять последнему имена лиц, проживающих в разных частях России, которые могли бы быть назначены корреспондентами Музея этнографии и антропологии с выдачей диплома. Именно благодаря введенному в 1898 г. институту корреспондентов МАЭ обогатился коллекциями из разных стран мира. Таким корреспондентам сотрудники МАЭ посылали инструктивные письма, давали

¹²⁷ Штернберг 1912: 463.

¹²⁸ Ко дню 70-летия В.В. Радлова 1907: 35.

Динамика роста численности коллекций в период с 1894 по 1914 г.

	Австралия и Океания	Америка	Антро- пология	Архео- логия	Африка	Дальний Восток	Европа	Индия, Индонезия	Сибирь	Средняя Азия	Отдел изо- бражений
1894	1	1	1	6	1	4	12	1	11	-	1
1895	-	2	-	17	4	1	13	1	3	2	-
1896	-	-	1	4	-	-	6	4	1	-	-
1897	-	2	-	3	1	6	12	1	17	5	-
1898	-	2	1	3	1	10	12	-	14	7	-
1899	-	4	1	6	1	23	31	3	7	9	1
1900	2	-	1	-	1	9	7	9	6	1	-
1901	3	1	1	-	1	1	4	1	5	-	-
1902	-	2	-	-	4	3	45	-	2	3	-
1903	1	1	1	1	-	34	5	3	6	-	-
1904	-	3	3	5	2	36	6	4	11	4	1
1905	1	9	5	5	3	25	10	3	14	2	-
1906	5	2	9	13	3	25	16	2	20	-	-
1907	6	1	10	65	3	26	22	9	30	7	-
1908	7	5	13	19	2	31	10	5	32	24	2
1909	15	20	3	20	13	27	12	4	25	19	-
1910	1	13	10	25	12	26	9	5	24	21	2
1911	-	17	6	12	1	24	5	5	20	10	-
1912	7	23	12	14	3	22	5	3	32	10	2
1913	2	18	18	16	15	20	18	6	10	11	-
1914	1	5	11	14	2	24	20	19	25	8	2
ИТОГО	52	131	107	248	73	377	237	88	315	143	12

	Австралия и Океания	Америка	Антро- пология	Архео- логия	Африка	Дальний Восток	Европа	Индия, Индонезия	Сибирь	Средняя Азия	Отдел изо- бражений
1894	125	1	4	3266	82	65	407	1	334	-	298
1895	-	20	-	1468	227	81	449	120	32	89	100
1896	-	-	191	93	-	-	319	742	10	-	-
1897	-	201	-	66	251	357	521	459	846	308	-
1898	-	66	91	741	1	272	201	-	1531	140	-
1899	-	298	1	133	35	1098	676	76	61	140	-
1900	52	-	5	-	33	84	189	364	77	42	-
1901	785	3	14	-	120	24	168	2	255	-	-
1902	-	59	-	-	545	482	45	-	89	10	-
1903	35	206	6	72	-	1697	727	60	101	-	-
1904	-	734	10	228	178	1057	375	468	365	129	276
1905	114	403	59	924	71	433	507	14	905	340	-
1906	198	259	44	5228	58	1452	870	250	1173	-	-
1907	582	1	59	2685	555	1395	1313	96	874	1088	-
1908	379	63	287	4151	137	814	192	40	2867	2054	43
1909	472	1967	24	2040	569	592	324	94	1602	1011	47
1910	3	1080	66	3234	1369	453	356	323	2940	2264	77
1911	-	929	355	549	2	838	57	515	754	1902	-
1912	964	1687	47	1537	120	2041	59	979	1049	919	91
1913	232	697	141	5632	1735	663	860	68	771	950	-
1914	19	186	124	374	294	1115	720	4038	1492	1563	154
ИТОГО	3.960	8.860	1.528	32.421	6.382	15.013	8.866	8.709	18.128	12.949	1.086

консультации, что позволяло им собирать ценный научный материал в том числе за рубежом. С 1905 г. переписку с корреспондентами о приобретении, затем обмене коллекциями вел Л.Я. Штернберг.

Всячески приветствовались активные обмены коллекциями с другими музеями. В первый же год управления В.В. Радловым в МАЭ от императора Николая II поступила одна из первых крупных индийских коллекций. 9 декабря 1894 г. по предложению президента Императорской академии наук было принято решение передать в МАЭ предметы, привезенные цесаревичем из путешествия на Восток в 1890–1891 гг. А уже через три года, в 1897 г., было положено начало европейскому отделу МАЭ. Так в музей попали две этнографические коллекции из регионов, ранее не представленных в российских этнографических музеях.

В 1900 г. Берлинский музей народоведения передал МАЭ две большие коллекции дублетов (Африка и Южная Азия). Прием дублетов, а также составление их списков В.В. Радлов поручил старшему этнографу МАЭ Д.А. Клеменцу¹²⁹. В последней четверти XIX в. во многом благодаря громадному количеству экспедиций в Центральную Азию в МАЭ целенаправленно создается буддийский отдел, однако регулярный приток экспонатов начинается с 1897 г., в основном из Центральной и Восточной Азии (фрески и другие образцы древнебуддийского искусства). Эта тематика интересовала многих зарубежных специалистов, в том числе профессора А. Грюнведела, который неоднократно посещал Россию, работал в музеях, участвовал в археологических экспедициях.

Благодаря активной политике В.В. Радлова, например, индийский отдел, насчитывавший ранее не более 20 предметов, увеличился в разы¹³⁰.

В 1904 г. служащий табачной компании на Суматре Карл Машмейер передал МАЭ большую коллекцию предметов культуры батаков, а вскоре — еще одну батакскую коллекцию, сопроводив ее письмом к В.В. Радлову, которое хранится в описи коллекции (№ 896–40). Вещи, переданные в музей К. Машмейером, до сих пор можно видеть на индонезийской экспозиции МАЭ¹³¹.

¹²⁹ Краснодарская, Соболева 2012: 203–232.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Оригинал и перевод письма см. в: Ревуненкова Е.В. В.В. Радлов и коллекция предметов культуры и быта батаков (Суматра) <<http://radloff.IIIejournal.com/26060.html>>

III.4. Международная политика и обмены, МАЭ как международный научный центр

В период управления МАЭ В.В. Радлов начал активное сотрудничество с ведущими этнографическими музеями мира. Именно благодаря последовательной политике в этой области стало возможным сформировать богатые коллекции, способные конкурировать с собраниями профильных музеев мирового уровня.

Отношения между МАЭ и Американским музеем естественной истории Нью-Йорка начались еще в 1898 г., когда руководитель Этнологического отдела этого музея Франц Боас (1858–1942) обратился к В.В. Радлову с просьбой о рекомендации русских ученых для проведения исследований в Сибири в составе Джезуповской (Северо-Тихоокеанской) экспедиции. Год спустя, в 1903 г., В.В. Радлов рекомендовал Ф. Боасу Л.Я. Штернберга как специалиста по этнографии народов Амура, заинтересованного в сотрудничестве с Американским музеем естественной истории. Командировка Л.Я. Штернберга в США состоялась в 1905 г. За время этой поездки Л.Я. Штернберг не только договорился об обмене коллекциями, но и лично отобрал вещи, необходимые для МАЭ¹³² (серия коллекций по аборигенам Америки). В ответ в США была отправлена коллекция по культуре ненцев (собиратели Е.Н. Ледков и А.В. Журавский). В 1905 г. в связи с отставкой Ф. Боаса с поста руководителя Этнологического отдела Музея естественной истории в отношениях между двумя музеями наступил перерыв.

В 1907 г. В.В. Радлов совершил поездку по ряду европейских стран, в результате чего МАЭ начал принимать более активное участие в межмузейном обмене. Обычно МАЭ предоставлял для обмена коллекции, которые отсутствовали в европейских музеях, в основном по народам Сибири. Однако сибирские коллекции МАЭ не имели обширного обменного фонда, число предметов было ограничено, поэтому для формирования такого фонда В.В. Радлов организует экспедиции внутри страны: обычно корреспонденты на местах собирали коллекции, которые затем поступали в обменный фонд.

¹³² Купина 2004: 55.

В 1908 г. в Вене в рамках XVI Международного конгресса американистов¹³³ Л.Я. Штернберг встретился с Х.Б. Амбросетти¹³⁴, директором Этнографического музея при факультете философии и филологии Национального университета Буэнос-Айреса, и заключил с ним соглашение об обмене коллекциями¹³⁵.

Очень часто Герман Мейер, член Попечительского совета, который имел обширные связи с Берлинским музеем народоведения, Музеем народоведения Лейпцига, Музеем народоведения Гамбурга, становился посредником между ними и МАЭ¹³⁶.

В 1909 г. сотрудник Национального музея естественной истории при Смитсоновском институте в Вашингтоне А. Хрдличка проводил антропологические исследования в Египте, после завершения которых посетил несколько музеев, в том числе МАЭ, с предложением об обмене коллекциями. В.В. Радлов предложил для обмена материалы по антропологии, а МАЭ получил ряд коллекций по индейцам и археологическую коллекцию, которая представляла развитие каменных орудий¹³⁷.

В 1913 г. от Х.Б. Амбросетти музей получил ряд археологических и этнографических коллекций (более 700 предметов)¹³⁸, а в ответ отправил дублетные коллекции по народам Сибири¹³⁹.

К сожалению, связи между МАЭ и европейскими и американскими музеями после 1914 г. были прерваны, однако с начала XX в. и вплоть до Первой мировой войны был проведен ряд обменов коллекциями¹⁴⁰, в результате которых МАЭ получил несколько тысяч предметов по культуре народов Америки, Африки, Австралии и Океании, Юго-Восточной Азии. Именно благодаря политике В.В. Радлова, включавшей в том

¹³³ Штернберг 1908: 1249–1266.

¹³⁴ Лукин 1965: 129–137.

¹³⁵ Подробнее об истории этих обменов см.: Корсун С.А. Роль академика В.В. Радлова в формировании американского собрания МАЭ <<http://radloff.IIIjournal.com/13035.html>>.

¹³⁶ Соболева 2011б.

¹³⁷ Купина 2004: 65.

¹³⁸ Ершова, Корсун 2005: 32–34.

¹³⁹ Подробнее об истории этих обменов см.: Корсун С.А. Роль академика В.В. Радлова в формировании американского собрания МАЭ <<http://radloff.IIIjournal.com/13035.html>>.

¹⁴⁰ Зиберт 1961: 125–143; Бородатова 1996: 284–303.

числе межмузейный обмен, МАЭ стал единственным специализированным музеем России, посвященным этнографии народов всего мира.

III.5. Новый музей, комплекс мер по его расширению, структура и организация экспозиций, создание Этнографического отдела Русского музея императора Александра III

III.5.1. Оборудование залов. Расширение экспозиционных площадей

В конце 1902 г. В.В. Радлов просил Историко-филологическое отделение Императорской академии наук возбудить ходатайство о переименовании музея в Музей антропологии и этнографии имени императора Петра Великого. 21 декабря 1902 г. «Государь император высочайше соизволил на наименование Музея по антропологии и этнографии ИАН „Музеем антропологии и этнографии имени императора Петра Великого“»¹⁴¹. Новое название способствовало расширению масштабов деятельности МАЭ: «Ни одно государство не имеет в своих собственных пределах такого обширного поля для этнографических, доисторических и антропологических исследований, как Россия, вследствие и громадного ее протяжения, и большого числа обитающих в ней разноплеменных народов. Поэтому создание обширного центрального Музея по антропологии и этнографии, куда стекались бы из всех частей государства коллекции и материалы по названным наукам, нигде не представляется столь важным и необходимым, как в России»¹⁴².

Как говорилось выше, в 1889 г. МАЭ получил новое помещение, которое состояло из одного этажа академического флигеля в Таможенном переулке. В нем этнографическая часть оставалась десять лет, хотя прирост коллекций продолжался. «За истекшее десятилетие в музее сверх 20 000 бывших у него предметов до этого года накопилось 19 094 новых. Количество коллекций и предметов увеличилось ровно вдвое, а между тем помещение осталось то же»¹⁴³. Сначала в 1889 г. во временное пользование МАЭ было передано семь комнат в глав-

¹⁴¹ СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1902). Д. 90. Л. 1, 4.

¹⁴² Там же. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Д. 33. Л. 17.

¹⁴³ Там же. Л. 5.

ном флигеле здания академии, сюда были перемещены два отдела, антропологический и археологический, а затем музеем отдала весь нижний этаж этого флигеля. Таким образом, музей получил весь флигель в свое распоряжение: «В течение следующего десятилетия поступило 49 000 предметов, т.е. столько же, сколько поступило со дня основания музея»¹⁴⁴. В 1901 г. началось переоборудование музея новой выставочной мебелью, в 1902 г. к зданию была добавлена пристройка со стороны двора (прихожая, раздевальная, комната для распаковки вновь поступающих вещей), что позволило увеличить количество экспонируемых вещей. Комиссия для осмотра переустроенного Музея антропологии и этнографии имени императора Петра Великого в составе председатель — В.В. Латышев, члены — академики К.Г. Залеман, А.С. Лаппо-Данилевский, С.Ф. Ольденбург, Ф.Н. Чернышев осмотрела новые экспозиции 25 ноября 1903 г. и разрешила его открыть после публикации нового «Путеводителя», что и было сделано¹⁴⁵.

Учрежденный в 1909 г. Попечительный о Музее антропологии и этнографии имени императора Петра Великого совет помог и с возведением надстройки третьего этажа здания: «Поступления растут с такой быстротой, что уже и теперь музей совершенно переполнен и не хватает места для выставления новых коллекций. Эта недостаточность выставочных помещений составляет в настоящее время самый острый, злободневный вопрос для администрации музея, не теряющей, впрочем, надежды изыскать тем или иным путем средства на возведение третьего этажа и пристройку нового флигеля к нынешнему зданию музея»¹⁴⁶. Средства на это (70 000 руб.) были пожертвованы инженером Ф.Ю. Шотлендером.

В деле реорганизации музея и переоборудования экспозиции (рис. 30) Радлов, находясь в условиях ограниченных финансовых возможностей, проявлял чудеса изобретательности: из 8150 руб., ежегодно отпускаемых на музей, «за вычетом содержания по штату старшему этнографу (2800 р.), младшему этнографу (1500 р.) и оплаты вольнонаемных регистраторов, младших служащих и т.п. на командировку с этнографическими целями и на покупку новых коллекций и прочие

¹⁴⁴ Там же. Л. 5 об.

¹⁴⁵ Там же. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 51. Л. 166.

¹⁴⁶ Ко дню 70-летия В.В. Радлова 1907: 55.

расходы, оставалась довольно-таки скромная сумма — 750 руб. в год. Ясно, что урезать что-нибудь из этого бюджета на оформление целого этажа не было никакой возможности»¹⁴⁷. Решение, однако, было найдено. Приглашенный В.В. Радловым на место старшего этнографа с соответствующим содержанием Л.Я. Штернберг до получения университетского образования (а он был еврей «без диплома высшего учебного заведения»¹⁴⁸) считался на службе по вольному найму. Это значило, что В.В. Радлов сам мог назначать ему размер жалованья. По взаимному соглашению Л.Я. Штернберг, исполняя обязанности старшего этнографа, в течение двух лет получал 1500 руб. в год, вместо положенных 2800. Соответственно остаток в 2600 руб. стало возможным пустить на нужды музея, и В.В. Радлов немедленно заказал за границей новые экспозиционные шкафы.

Конечно, это был один из множества шагов в деле создания *музея общечеловеческой культуры*. В «Записке о расширении помещения музея, концентрации всех этнографических коллекций и о создании Единого государственного этнографического музея» В.В. Радлов пишет: «В настоящее время повсюду, не только в главных центрах Западной Европы и Северной Америки, но и в столицах небольших государств, как, например, в Копенгагене, Стокгольме, существуют громадные всеобщие этнографические музеи. Только у нас, в России, до сих пор ничего подобного нет. С давних пор накопившиеся в Академии наук, весьма замечательные, и отчасти даже богатые этнографические коллекции, до сих пор оставались недоступными и неизвестными не только публике, но и вообще любителям и покровителям науки, единственно за неимением сколько-нибудь пригодного для них помещения. Ныне вследствие постройки для ученых потребностей академии нового флигеля (по Таможенному переулку) представилась наконец возможность надлежащим образом выставить и разместить хранившиеся дотол в академии этнографические коллекции, и тем положить начало образованию и у нас такого Этнографического музея, который соответствовал бы значению и мог бы стать наряду с первостепенными заграничными музеями этого рода»¹⁴⁹.

¹⁴⁷ Ратнер-Штернберг 1928: 33.

¹⁴⁸ Там же: 32.

¹⁴⁹ СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Д. 34. Л. 1—1 об.

14 января 1914 г. состоялось заседание Комиссии по переустройству библиотечного здания в видах приспособления его под помещение для некоторых отделов Музея антропологии и этнографии, на котором присутствовали в том числе старший этнограф МАЭ Л.Я. Штернберг и художник С.М. Дудин. В.В. Радлов доложил, что «им выработан проект оборудования шкафами нового помещения Музея антропологии и этнографии. Согласно этому проекту необходимо остановиться на двух типах общепринятых в настоящее время, простых по конструкции, но удовлетворяющих всем требованиям музейного выставления коллекций, железных шкафов и на одном типе витрин с зеркальными стеклами. Особенности условия нового помещения заставили принять около 12 различных вариантов шкафов и два варианта витрин <...> Железные шкафы и витрины предположены к выставлению этнографических, археологических и антропологических коллекций. Для Петровской галереи установить другой тип шкафов и витрин до некоторой степени гармонирующий с уже имеющейся мебелью петровского времени. Материалом для них должно служить дерево»¹⁵⁰. «Между тем железные шкафы вызывали огромные расходы, из которых едва третья часть могла бы быть покрыта сметными суммами»¹⁵¹. Подробный подсчет шкафов и витрин в связи с размерами помещений и коллекций показал, что для антропологического, археологического и этнографического отделений необходимо 270 шкафов и 64 витрины, для петровского отдела — приблизительно 15 шкафов и 8 витрин. Для составления приблизительной сметы по оборудованию помещений В.В. Радлов обратился с запросом в несколько иностранных и русских фирм. Вот что получилось:

«Железные шкафы (270) и витрины (64):

По ценам Ар. Коппель — 344 648 руб.

По ценам Kuhnseherf et Sohne — 454 620 руб.

По ценам Eggers — 294 318 руб.»¹⁵²

В результате этого при окончательном подсчете стоимости шкафов, а также учитывая возможность упрощения некоторой части шкафов, было решено выделить сумму исходя из средней стоимости —

¹⁵⁰ Там же. Ф. 177. Оп. 3 (1901—1914). Д. 31. Л. 17.

¹⁵¹ Ко дню 70-летия В.В. Радлова 1907: 50.

¹⁵² СПФ АРАН. Ф. 177. Оп. 3 (1901—1914). Д. 31. Л. 18.

260 000 руб. «Практика показала, что изготовленные по плану В.В. Радлова шкафы вполне отвечают своему назначению и составляют приобретение в музейной технике»¹⁵³. Прибавив к этой сумме 212 000 руб. на перестройку здания (по смете архитектора) и 28 000 руб. на оборудование Петровской галереи, получалась сумма в 500 000 руб. Именно эта сумма требовалась на полное переоборудование здания.

Продолжала сказываться нехватка помещений. Вот что говорится о проблеме экспозиционных площадей в «Записке Комиссии по переустройству библиотечного здания под помещения для Музея антропологии и этнографии имени императора Петра Великого»: «Уже в течение целого ряда лет Музей антропологии и этнографии имени императора Петра Великого испытывает острую нужду в расширении своего помещения. Достаточно сказать, что в 1889 г., год перехода музея в нынешнее свое помещение, в нем насчитывалось 19 000 предметов, а к 1913 г. число предметов достигло цифры в 130 000 предметов, т.е. увеличилось в шесть раз; в том числе поступила Галерея императора Петра Великого, потребовавшая для размещения целую половину этажа, т.е. 1/6 всего помещения. — При таких условиях только часть коллекции могла быть размещена по шкафам, а остальные ценнейшие собрания лежат упакованными в сундуках, для которых уже не хватает места в убогих кладовых музея, разбросанных по подвалам и чердакам <...> для этих поступлений не только нет места в выставочных залах, но представляется крайне затруднительным зарегистрировать их, ибо нет приспособленного помещения для распаковки, а рабочих комнат для нынешнего штата не хватает и служащие теснятся по несколько человек в маленьких кабинетах, заваленных коллекциями, причем кабинеты превращаются в распаковочные. Наконец, целое отделение музея, антропологическое, остается недоступным для публики, так как вынуждено ютиться на дворе в трех небольших комнатах в пятом этаже»¹⁵⁴. Комиссия, в состав которой вошли В.В. Радлов, К.Г. Залеман, А.А. Шахматов, С.Ф. Ольденбург, на заседании Общего собрания ИАН № 13 14 октября 1906 г. высказалась в пользу перемещения книжного склада с первого этажа здания по Таможенному переулку. В результате это помещение было передано МАЭ, и там были развернуты американские экспозиции.

¹⁵³ Ко дню 70-летия В.В. Радлова 1907: 51.

¹⁵⁴ СПФ АРАН. Ф. 177. Оп. 3 (1901–1914). Д. 31. Л. 23.

11 октября 1913 г. на заседании Комиссии по переустройству библиотечного здания в видах приспособления его под помещения для некоторых отделов Музея антропологии и этнографии «академик В.В. Радлов подробно изложил историю роста музея и указал на крайнюю недостаточность нынешнего помещения, вызывающую необходимость занять библиотечное здание под некоторые отделы музея, а именно: отделы Китая и Японии, Америки, Индии, антропологии и археологии и, наконец, Галерею императора Петра Великого, которая таким образом вернется в свое старое местохранилище — здание Кунсткамеры»¹⁵⁵. В.В. Радлов подчеркивал, что «при решении этого вопроса необходимо исходить из желательности сохранить насколько возможно все характерные особенности исторического здания Кунсткамеры и в связи с этим необходимо реставрировать нужный вид здания, совершенно искаженный после пожара в 60-х годах XVIII столетия»¹⁵⁶.

В.В. Радлов, члены комиссии академики С.Ф. Ольденбург, М.А. Дьяконов, Н.Я. Марр, старший этнограф музея Л.Я. Штернберг, заслушав доклад архитектора Г.Д. Гримма, приняли решение сохранить в неприкосновенности исторические особенности здания, а также восстановить фасад в том виде, в каком он существовал первоначально согласно гравюрам 1741 г., воспроизведенным в издании «Палаты Академии наук» (в частности, имелось в виду восстановление верхней башни, двух фронтонов над ризалитами, мансардной крыши, трех портиков с наружными лестницами, возведение добавочной колоннады на башне и балюстрады, восстановление двух больших зал с хорами по первоначальному проекту Г. Киавери, сооружение лифта для музейных надобностей; правый флигель предполагалось приспособить под служебные помещения, а подвальный этаж — под мастерские, распаковочные и гардеробные, а Петровскую галерею разместить в большой зале на первом этаже с правой стороны). На этом же заседании члены комиссии одобрили выработанную архитектором Г.Д. Гриммом смету на ремонт на сумму в 212 000 руб.¹⁵⁷

¹⁵⁵ Там же. Ф. 177. Оп. 3 (1901–1914). Д. 31. Л. 15.

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ Там же. Л. 15 об.

III.5.2. МАЭ и создание Этнографического отдела Русского музея императора Александра III в рамках проекта «Музей общечеловеческой культуры»

Все годы В.В. Радлов проявлял небывалую находчивость в изыскании средств на благоустройство МАЭ, однако планку, установленную государством на получение субсидий для академических учреждений, перешагнуть не мог. Для сравнения: Этнографический отдел Русского музея, основанный в 1902 г., на свои нужды ежегодно получал 40 000 руб. Эта ситуация в корне не устраивала В.В. Радлова, тем более что он лично много способствовал созданию в Санкт-Петербурге нового этнографического музея. «При посредничестве управляющего Русским музеем великого князя Георгия Михайловича были получены государственные субсидии на комплектование нового отдела, Радлов дал для этого своих людей, и за коллекциями отправились новые экспедиции»¹⁵⁸. Конечно, В.В. Радлов делал это небескорыстно. Ведь его целью было создание единого имперского музея: «В общем наш Музей по этнографии и антропологии, хотя по объему своих коллекций и не может еще сравниться с первоклассными музеями Западной Европы и Северной Америки, однако имеет и теперь уже некоторые преимущества перед многими из них. Главное преимущество его состоит именно в том, что начало его коллекциям было положено не в последние десятилетия, а полтора столетия тому назад, вскоре по основании академии и что они, таким образом, составлялись в то время, когда коренные народы других частей света не успели еще потерять свою самостоятельность и своеобразие <...> Сколько этнографических коллекций находятся здесь в руках частных лиц, которые за неимением места тяготеют к ним и охотно предоставили бы их музею с тем лишь, чтобы они были надлежащим образом расставлены в нем. Кроме того, если сделать Этнографический музей государственным учреждением, оставив его в ближайшей связи с академией, то с ним естественно сольются и все прочие этнографические коллекции, находящиеся здесь в разных ведомствах, как например, в Таможенном, в Морском, в Географическом обществе и пр., — коллекции, не имеющие в своем разрозненном виде никакого значения <...> Наконец, коль скоро из слияния всех упомянутых коллекций образуется общий, цен-

¹⁵⁸ Басаргина 2008а: 298.

тральный государственный Музей по этнографии и антропологии, то нетрудно будет возбудить прилив к нему еще новых ценных материалов из местных провинциальных музеев <...> Таким образом, будь только просторное и приличное помещение, и нынешний Этнографический музей без всяких затруднений сам собою вырастет в музей первоклассный, действительно соответствующий достоинству и значению России в среде первостепенных государств»¹⁵⁹.

Но этой идее не суждено было реализоваться, так как специальная комиссия разделила сферу деятельности двух музеев. В.В. Радлов мечтал, что ареной деятельности академического музея станет весь мир, и крайне не одобрял тех «идей нации» и пропагандистских целей, которые были поставлены перед Этнографическим отделом Русского музея. Однако именно на эти идеи государство денег не жалело. В 1904 г. комиссия в составе академиков В.В. Радлова, В.В. Латышева и С.Ф. Ольденбурга обсудила вопросы, касающиеся разграничения сфер деятельности Этнографического отдела Музея императора Александра III и Музея антропологии и этнографии им. императора Петра Великого. В частности, было решено, что «назначение академического музея состоит в том, чтобы в тщательно подобранных этнографических объектах из быта самых различных племен и народов представить более или менее полную картину и материал для изучения эволюции человеческой культуры, начиная с доисторического периода и кончая высшими культурами современности. Что касается Этнографического отдела Музея Александра III, то судя по тому, что в своей деятельности он ограничивается исключительно Россией и прилегающими странами, то является музеем территориальным; поэтому самому цель его — скорее практическая, патриотическая. Его цель — представить картину этнографического протяжения нашего отечества, картину быта народов, обитающих в России и в непосредственном соседстве с нею. Каковы бы ни были достоинства этой картины, но в научном отношении она по необходимости всегда будет страдать некоторою отрывочностью, именно благодаря принципу территориальности <...> музеи не конкурируют и в финансовом отношении. Академический музей в течение своего долгого существования поддерживается главным образом пожертвованиями членов академии и привлеченных или сочувствующих лиц. Только

¹⁵⁹ СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Д. 34. Л. 9, 9 об., 10 об., 11–12 об.

в 1892 г. музей добился суммы в 3000 руб. на приобретение коллекций, но и эта скудная сумма ввиду общей скудности средств расходовалась по другим статьям бюджета, и новые коллекции в последние годы по-прежнему получались исключительно в виде дара сочувствующих целям музея лиц. Между тем Музей императора Александра III обладает ежегодной суммой в 40 000 руб. на приобретение коллекций»¹⁶⁰.

III.5.2.3. Тучков буян в истории МАЭ

В ряду многих замечательных проектов В.В. Радлова, которым по ряду объективных причин было не суждено осуществиться, находится и идея создания Памятного музея императора Петра Великого, призванного в одном здании объединить музейное, художественное и библиотечное наследие, связанное с именем основателя Петербурга, и стать важным общегородским просветительским центром.

13 мая 1909 г. на заседании Историко-филологического отделения академик В.В. Радлов высказал мысль о том, что «при такой интимной связи академических музеев с личностью императора Петра естественно возникла мысль сосредоточить при одном из этих музеев все то, что связано с личностью его основателя, создав при нем особый отдел, куда могли бы быть собраны воедино петровские объекты, ныне разбросанные в самых различных местах и учреждениях»¹⁶¹. Таким образом, этот отдел стал бы связующим звеном между всеми петровскими музеями, создав из них «единый величественный научный памятник великого основателя своего»¹⁶². В.В. Радлов обосновывал это прежде всего тем, что исполнялась трехсотлетняя годовщина царствования дома Романовых. Для осуществления этого проекта он лично озаботился соответствующим помещением, так как ни один из академических музеев в тот период не располагал достаточным количеством места не только для устройства нового отдела, но и для размещения уже имеющихся экспонатов. Чтобы не обременять Государственное казначейство дополнительными крупными расходами, В.В. Радлов решил обратиться в Петербургское городское управление и попытаться получить от них новое здание, так

¹⁶⁰ Там же. Д. 55. Л. 15–16 об., 19.

¹⁶¹ Там же. Д. 1. Л. 12.

¹⁶² Там же.

как еще в годовщину двухсотлетия Петербурга управление само взяло на себя публичное обязательство устроить музей, посвященный Петру, но до сих пор еще не приступало к его выполнению. В декабре 1908 г. В.В. Радлов затеял переговоры с Городским управлением (он обращался к городскому голове Н.А. Резцову) о предоставлении для этой цели здания так называемого дворца Бирона, или Тучкова буяна¹⁶³ (рис. 31, 32).

Однако на момент заседания (1908 г.) переговоры с городом еще не были закончены, и исход их был неясен. Даже в случае положительного решения вопроса потребовалось бы еще очень много времени на ремонт и переустройство старого здания к новым потребностям. В.В. Радлов не любил затягивать со своими проектами, поэтому неудивительно, что, не ожидая окончания переговоров о дворце Бирона, он задумался хотя бы о временном помещении для будущих коллекций. В.В. Радлов решил, что лучший вариант — отстроить новый этаж в здании Музея антропологии и этнографии, личные средства на возведение которого немедленно предложил один из почетных членов Попечительского совета Ф.Ю. Шотлендер. Этот щедрый дар давал В.В. Радлову уверенность в том, что и в дальнейшем он сможет рассчитывать на содействие частных лиц, не обременяя при этом Государственное казначейство. В связи с таким поворотом событий директор МАЭ тут же начал ходатайствовать о высочайшей награде г. Шотлендеру, а именно — о возведении его в потомственное Российской империи дворянское достоинство, особенно принимая во внимание тот факт, что последний уже в течение целого

¹⁶³ После наводнения 1726 г. территория, на которой сейчас находится Тучков буян, стала обособленным островом. Этот остров считали удобным с точки зрения пожарной безопасности, и здесь решили хранить пеньку (материал для изготовления корабельных канатов). В 1735 г. на острове были выстроены деревянные амбары, а название буяна связано с постройкой в 1759 г. деревянного моста через Малую Неву. В 1761 г. амбары сгорели, и было решено построить каменные здания: этот проект поручили А. Ринальди. С 1763 по 1772 г. архитектор работал над Тучковым буяном, превратив утилитарное здание в подобие дворца. Видимо, именно поэтому в народе его стали называть дворцом Бирона, хотя жилым домом здание никогда не было. В начале XX в. проток, отделявший здание от Петроградского острова, был засыпан, и еще в 1900-е гг. здесь собирались построить набережную Европы: район планировалось отдать под элитную жилую застройку. Кроме того, Академия наук имела виды на эту территорию, планируя организовать здесь научный комплекс. Однако Дума запросила за землю такую цену, что все претенденты были вынуждены отказаться от претензий на Тучков буян. В 1931–1935 гг. здание перестраивалось изнутри для Государственного института прикладной химии, сейчас здесь размещается Военно-космический кадетский корпус.

ряда лет состоял крупным землевладельцем¹⁶⁴. Впоследствии его императорскому величеству «угодно было повелеть передать настоящее дело министру народного просвещения»¹⁶⁵.

Проектируемый новый музей, несомненно, не только имел бы научное значение для всей России, но и играл бы огромную просветительскую роль в жизни Петербурга. В свое время (в 1908 г.) В.В. Радлов так и не получил окончательного ответа на ходатайство о переоборудовании нового здания, но, тем не менее, мысль о привлечении к МАЭ симпатий правительства не покидала его. Музей антропологии и этнографии высочайшим повелением был переименован в Музей императора Петра Великого, и в это же время Городское управление проявило инициативу создать собственный Городской музей памяти Петра Великого. В.В. Радлов предпринимает попытку объединить все музеи, носящие имя Петра, в одном и «для осуществления этого плана имеется как бы нарочно созданное для этой цели здание, именно бывший дворец Бирона на о. Пеньковом Буяне. Это великолепное здание в течение своего полуторавекового существования не нашло себе достойного применения и в настоящее время превращено в склад мебели <...> я в присутствии городского архитектора осмотрел это здание, и с радостью убедился, что здание как по размерам, так и по внутреннему расположению, и, наконец, по условиям освещения как нельзя лучше подходит к намеченной цели <...> кроме того, осталось бы еще место для устройства аудитории и других учебно-воспитательных учреждений для школ и учителей и масс населения, где персонал музея мог бы читать лекции по всем отраслям земле- и народоведения, уже не говоря о том, что город украсился бы прекрасным новым, историческим и научно-образовательным памятником мирового значения <...> академические музеи перенесли бы в этот новый музей все собрания, сохранившиеся в них с эпохи Петра»¹⁶⁶. В.В. Радлов рассчитывал, что при этом город выиграл бы и в финансовом отношении, так как в случае осуществления проекта последний освобождался от расходов по устройству специального здания для проектируемого музея и расходов по его организации, а также содержанию музейного персонала. Все расходы должны были войти в общий бюджет академических

¹⁶⁴ СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 3. Д. 1. Л. 9.

¹⁶⁵ Там же. Л. 12 об.

¹⁶⁶ Там же. Л. 8, 9.

музеев, содержащихся на общегосударственные средства, или были бы частично погашены частными лицами. Таким образом, В.В. Радлов просит внести на обсуждение Думы вопрос об устройстве на Тучковом буяне объединенного Музея имени Петра Великого и об избрании комиссии, члены которой совместно с представителями Академии наук разработали бы детали этого предприятия.

Для того чтобы иметь возможность собрать материал для будущего музея, В.В. Радлов обращается к его императорскому величеству, «дабы было разрешено мне, как директору Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого: 1) иметь свободный доступ во все учреждения и помещения, где таковые собрания, касающиеся жизни императора Петра, могут оказаться; 2) входить с всеподданнейшим докладом о всех приведенных мною в известность Петровских собраниях и 3) вступать в переговоры с соответствующими учреждениями о передаче имеющихся у них Петровских собраний в распоряжение музея»¹⁶⁷. В результате В.В. Радлов осмотрел ряд дворцов и музеев и пришел к заключению, что открытие нового музея возможно при условии, если в его основу будет положена Петровская галерея Императорского Эрмитажа, составленная в 1843 г. из предметов, взятых главным образом из Кунсткамеры, академической библиотеки и других учреждений. При подробном осмотре В.В. Радловым Петровской галереи в ходе совещания с ее хранителем бароном Фелькерзамом выяснилось следующее:

1. Петровская галерея располагается в совершенно неподходящем для нее помещении, а именно — в узком, освещаемом с одной стороны коридоре.

2. Вследствие недостаточности места половина предметов не выставлена для обозрения.

3. За неимением рабочих комнат и приспособлений для дезинфекции предметы хранятся ненадлежащим образом.

4. Галерея Петра Великого совмещена с галереей драгоценностей, в которую посетители допускаются дозированно, одновременно галерею могут осматривать не более 10 человек, между тем она должна быть доступна самым широким слоям населения¹⁶⁸. Ввиду этого В.В. Радлов ходатайствует о передаче коллекций Галереи Петра Великого

¹⁶⁷ Там же. Л. 12 об.

¹⁶⁸ Там же. Л. 18 об.

в полном ее составе, включая первые планы Петербурга и некоторые гравюры, хранящиеся в отделении рисунков и эстампов, «во вверенный мне музей для устройства особого музея в память императора Петра Великого. Коллекции эти будут помещены во вновь устраиваемых залах, пополнены предметами, хранящимися в других музеях и дворцах, а также копиями и репродукциями предметов, которые по тем или другим причинам не могут быть переданы в музей в оригиналах, размещены надлежащим образом и в известной системе в комнатах, отделанных в стиле соответствующего времени»¹⁶⁹. В своем рапорте директору Императорского Эрмитажа от 16 апреля 1910 г. старший хранитель барон Фелькерзам отчитался, что «25 января с.г. начал передачу имущества Петровской галереи уполномоченному от академии надворному советнику Н.И. Воробьеву. Всего было передано 2277 номеров, в том числе предметов — 1782, книг — 189, медалей — 153, монет — 143, колпаков, подставок и проч. — 10. 15 апреля 1910 г. последние предметы были вывезены из Галереи Петра Великого и здания Императорского Эрмитажа¹⁷⁰. В свою очередь в бюллетене ИАН (№ 13, 20 октября 1910 г.) ИФО также отчиталось: «11 октября с.г. из Эрмитажа были получены последние предметы и с этого числа прием коллекций Петровской галереи нужно признать закончившимся»¹⁷¹. Однако не все предметы, запрошенные В.В. Радловым, попали в МАЭ: из донесения министра двора барона В.Б. Фредерикса на имя августейшего президента ИАН (от 8 декабря 1909 г.): «Что же касается вопроса о передаче Академии наук указанных выше планов и гравюр, то на таковую передачу в настоящее время соизволения не последовало ввиду предположения выяснить этот вопрос после назначения директора Императорского Эрмитажа»¹⁷².

Для того чтобы МАЭ мог уверенно претендовать на коллекции Петровской галереи, В.В. Радлов выхлопотал высочайшее повеление о назначении г. Воробьева до утверждения академических штатов законодательными учреждениями сверхштатным младшим этнографом без

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ Библиотека Петра I 1978, 2003; СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 3. Д. 1. Л. 33.

¹⁷¹ Там же. Л. 40.

¹⁷² Там же. Л. 25.

содержания для заведования Галереей императора Петра Великого¹⁷³. В течение всего времени управления МАЭ В.В. Радлов старался как можно менее обременять казну и по возможности удовлетворять все разрастающиеся нужды музея путем привлечения частных пожертвований. Фактически за эти годы они достигли суммы около 200 тыс. руб.

Так и не дождавшись окончательного решения Думы относительно судьбы Тучкова буяна, на который в те годы претендовали многие учреждения, В.В. Радлов решил разместить коллекции в МАЭ. И на этот раз он вынужден был снова прибегнуть к помощи частного капитала, а именно инженера Ф.Ю. Шотлендера. На заседании ИФО 10 февраля 1910 г. постановили оборудовать памятный отдел императора Петра Великого к середине зимы, так как государь император выразил желание лично осмотреть новое учреждение¹⁷⁴. Открытие, однако, состоялось позднее, чем планировали строители.

21 мая (3 июня) 1912 г. петербургские газеты пестрили заголовками о торжественном открытии нового помещения Музея антропологии и этнографии и освящении образованного при музее памятного Петровского отдела. Газета «Новое время» сообщала, что «торжеству предшествовал молебен, к началу которого собрались министр народного просвещения Шевяков, вице-президент АН Никитин, директор Музея антропологии и этнографии академик Радлов, директор Императорского Эрмитажа граф Толстой, хранитель МАЭ Пекарский, начальник Военно-юридической академии ген. Бородкин, проф. Браун, академик Чернышев и другие»¹⁷⁵.

В марте 1914 г. МАЭ посетил и сам император. В.В. Радлов сообщал в Академию наук: «Имею честь доложить отделению, что 5-го числа сего марта его императорское величество государь император осчастливил музей своим посещением». «Государь император подробно обозревал все отделы музея, причем объяснения имели счастье давать директор музея, заведующие отделами и другие работающие в музее лица, удостоившиеся во время объяснений быть представленными его императорскому величеству <...> Оставляя музей, государь император выразил свою благодарность за образцовый порядок, превосходный подбор коллекций и вообще за

¹⁷³ Там же. Л. 44.

¹⁷⁴ Там же. Л. 29.

¹⁷⁵ Там же. Л. 48.

отличное состояние музея»¹⁷⁶. Николай II «одобрил проект реставрации и переустройства бывшего здания Кунсткамеры, предназначавшегося для упомянутого музея, а также помещения в этом здании Галереи императора Петра I». Одновременно он изволил выразить высочайшее соизволение «наименовать залы отдела Индии, основание которому положено собраниями его императорского величества, залами его императорского величества Николая II». Во время своего визита, рассматривая Галерею Петра Великого как собственность императорской фамилии, царь также предложил для специального надзора за ней создать особую комиссию «из лиц персонала музея и чинов Министерства императорского двора»¹⁷⁷.

Памятный отдел Петра Великого был размещен в четырех залах. В первом были сосредоточены предметы, имеющие непосредственное отношение к личности Петра I, а также портреты русских царей от Ивана Грозного до Елизаветы Петровны, второй зал занимали токарные, слесарные и другие инструменты, на стенах были развешены портреты современников Петра Великого, в третьем зале были выставлены серебряная и стеклянная посуда, математические и геодезические инструменты, подзорные трубы, чучела лошади и собаки Петра I, а также его коляски, здесь же висели картины, относящиеся к петровской эпохе, в четвертом зале в пяти шкафах был представлен гардероб Петра I. В Петровской галерее Эрмитажа этот гардероб не выставлялся из-за недостатка места и хранился в ящиках. Планировалось, что со временем отдел будет пополняться, так как В.В. Радлов добился разрешение «посещать все дворцы и хранилища с целью извлечения оттуда всех предметов, имеющих то или другое отношение к петровской эпохе»¹⁷⁸.

Не исключено, что, будучи превосходным организатором, В.В. Радлов использовал историю с Тучковым буяном лишь как предлог для приобретения коллекций, связанных с личностью Петра Великого, таким образом обеспечивая себе в будущем гарантированных покровителей в лице правящих особ.

9 октября 1914 г. из канцелярии конференции ИАН за номером 893 было получено извещение об одобрении проекта реставрации и пере-

¹⁷⁶ Там же. Ф. 177. Оп. 3 (1909–1916). Д. 35. Л. 58–58 об.

¹⁷⁷ Там же. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 66. Л. 323, 324.

¹⁷⁸ Там же. Оп. 3. Д. 1. Л. 45.

устройства бывшего здания Кунсткамеры не позже 1917 г. с распределением необходимых сумм на три срока в течение 1915, 1916 и 1917 гг.¹⁷⁹ Однако этим планам не суждено было осуществиться. Любопытно, что в дальнейшем вопрос о передаче Тучкова буяна под устройство специального музея, посвященного Петру, в архивных документах никак не освещается, а его судьба была решена уже позднее. Что касается дальнейшей судьбы предметов из Галереи Петра Великого, то в 1930 г. особая комиссия по поручению президиума Академии наук распределила их между различными учреждениями. Часть их попала в историко-бытовой отдел Русского музея, в 1934 г. собрание перешло в ведомство Музея революции, в 1937 г. — Музея этнографии народов СССР. В 1941 г. предметы из Галереи Петра Великого были окончательно переданы в Государственный Эрмитаж, где и находятся по сей день.

III.6. Попечительский совет

III.6.1. Бюджет МАЭ. Предпосылки к созданию Попечительского совета

«Музеи уже давно перестали служить кабинетами редкостей, удовлетворяющими одну только любознательность случайной публики <...> всякому музею, если он желает стоять на научной высоте <...> приходится иметь большие суммы на расходы, которые не могут быть предусмотрены никакими штатами. Единственный выход из этого положения — правильно организованное участие общественного элемента в благоустройстве музеев в виде законом утвержденного института попечителей и соревнователей»¹⁸⁰, — напишет в 1904 г. (1906 г.?) В.В. Радлов в разработанном им же «Проекте положения о попечительных советах при музеях Императорской академии наук». Пока же средств на содержание МАЭ катастрофически не хватало. Ближайший соратник В.В. Радлова Л.Я. Штернберг был солидарен с ним в том, что прямыми последствиями скудного бюджета музея являются невозможность регулярно пополнять его коллекции и необходимость довольствоваться только лишь добровольными приношениями¹⁸¹. Напомним, что до 1898 г.

¹⁷⁹ Там же. Л. 75.

¹⁸⁰ Там же. Оп. 1 (до 1918). Д. 55. Л. 51.

¹⁸¹ Ко дню 70-летия В.В. Радлова 1907: 43.

МАЭ располагал бюджетом в 2650 руб. На заседании 14 января 1898 г. Историко-филологическое отделение обсуждало подробный доклад В.В. Радлова о необходимости его увеличения. Для ускорения проведения ходатайства конференция ограничилась крайне скромной суммой — 8150 руб., которая, однако, давала возможность прежде всего улучшить положение хранителей, которые до этого времени получали скудное жалование. В проекте были две штатные должности: старшего этнографа (2800 руб. в год), младшего этнографа (1500 руб. в год), а также 1500 руб. на наем лиц для каталогизирования.

Насколько скромной оставалась сумма нового бюджета видно из того, что на покупку новых коллекций и на командировки была определена сумма в 7550 руб. В.В. Радлов затеял новые ходатайства, и 4 февраля 1903 г. высочайше утвержденным мнением Государственного совета штат МАЭ был увеличен на 2250 руб. в год. На эту сумму была учреждена еще одна новая должность младшего этнографа с жалованьем в 1500 руб., а сумма, отпускаемая на покупку новых коллекций и на командировки с этнографическими целями, была увеличена с 750 до 2250 руб. Таким образом, благодаря стараниям директора бюджет МАЭ к 1903 г. достиг цифры 11 900 руб. и оставался таким вплоть до июня 1912 г., когда по закону об установлении нового штата Императорской академии наук музей наконец получил сумму в 34 260 руб.

Имя Петра, полученное МАЭ в 1903 г., способствовало расширению масштабов деятельности музея, делало его более привлекательным для спонсоров, но одновременно повышало уровень требований к организации всех процессов, происходивших в нем. Принимая во внимание достаточно прохладное участие государства в делах академического музея, Радлов надеялся на благотворителей, которые и сыграли одну из главных ролей в формировании МАЭ как научного центра европейского уровня.

В 1912 г. уже после создания Попечительского совета сотрудники МАЭ констатировали: «Эта сумма (34 260 руб. — П.М.) превышает в три раза штаты 1903 года и в 22 раза тот бюджет, который музей имел вначале <...> до 1912 года <...> музей получил от Государственного казначейства 158 550 рублей. Но сверх этой суммы за тот же период музей израсходовал 36 829 рублей на обмелировку, 80 000 на постройку третьего этажа, да на экстренные покупки коллекций

было потрачено около 50 000, что составит в общем сумму в 170 000, не считая целого ряда менее крупных расходов на добавочное содержание персонала, служителей. Для покрытия всех этих крупных расходов пришлось прибегнуть к другим ресурсам, именно к содействию общества и отдельных лиц, и нужно признать, что без этого общественного содействия музей не мог бы достигнуть того положения, в котором он находится в настоящее время <...> Что касается пожертвованных коллекций, то трудно учесть их денежную стоимость, во всяком случае стоимость их по меньшей мере может быть оценена в сумму 200 000 рублей»¹⁸². С самого момента основания Попечительский совет должен был заботиться о привлечении частных средств в МАЭ. Об успешности этого проекта говорит то, что за первые четыре года существования он принес музею до 136 000 руб.

Ш.6.2. Отчеты о деятельности, привлечение новых попечителей

Взяв за образец музеи Северной Европы и Германии (Копенгаген, Стокгольм, Гамбург, Лейпциг, Кельн, Берлин и др.), изучив их организацию и структуру, систему регистрации и способы экспонирования, обслуживание и другие практические вопросы, В.В. Радлов учел их опыт и достижения при переустройстве МАЭ¹⁸³. Уроженец Германии, он особенно пристально следил за развитием немецких музеев. В 1907 г. в Гамбурге были заложены основы будущего сотрудничества с Музеем народоведения, которое прежде всего включало обмен ценными экспонатами и даже целыми коллекциями. Стоит напомнить, что история российско-немецких связей Академии наук с различными музейными учреждениями восходит еще ко времени Петра I, когда многие немецкие ученые приезжали в Петербург для работы по приглашению академии.

На приобретение экспонатов требовались значительные средства, поэтому, как уже упоминалось, в составе Комиссии директоров академических музеев В.В. Радлов подготовил «Проект положения о попечительских советах при музеях Императорской академии наук». «Зависимость музея от частных пожертвований — не случайная особенность только

¹⁸² СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Д. 45. Л. 4 об. — 5.

¹⁸³ Соболева 2011б: 48–53.

академического музея. Этнографические музеи, обнимающие культуру народов всего мира, по самой природе своей не могут соразмерять свои потребности со своими бюджетами, как бы велики последние ни были. Этнографические музеи не вправе останавливать свои сборы из-за недостатка средств <...> поэтому, даже такие богатые музеи, как Берлинский, не могут обходиться без частных пожертвований или, по крайней мере, без постоянных займов»¹⁸⁴.

Создание Попечительского совета (он функционировал с 1909 по 1917 г.) позволило привлечь к благоустройству МАЭ благотворителей. Председателем совета был сам В.В. Радлов, должность почетного председателя занимал светлейший князь VII герцог Лейхтенбергский Александр Георгиевич Романовский (с 1912 г.). В состав совета входили влиятельные чиновники, банкиры, промышленники, в разные годы его почетными членами были инженер-технолог Ф.Ю. Шотлендер (с 1909 г.), барон Ф.Е. Мейендорф, профессор экономики В.В. Святловский (с 1910 г.), братья Ганс и Герман Мейеры, коммерц-советник И.И. Леман, советник Министерства торговли и промышленности Э.Л. Нобель, мировой судья Б.А. Игнатъев (с 1913 г.), учредитель Бауманских мануфактур К.К. Шейблер (с 1914 г.), подданный Великобритании И.Я. Мюррет (с 1915 г.), барон А.П. фон дер Остен-Дризен (с 1917 г.). Первое заседание совета состоялось 21 апреля 1909 г. в составе председателя совета директора МАЭ В.В. Радлова, представителя ученого персонала старшего этнографа МАЭ Л.Я. Штернберга и почетного члена Ф.Ю. Шотлендера.

Стоит напомнить, что долгое время МАЭ имел в своем распоряжении ограниченное число экспозиционных площадей — и здесь помог Попечительский совет. «Поступления растут с такой быстротой, что уже и теперь музей совершенно переполнен и не хватает места для выставления новых коллекций. Эта недостаточность выставочных помещений составляет в настоящее время самый острый, злободневный вопрос для администрации музея, не теряющей, впрочем, надежды изыскать тем или иным путем средства на возведение третьего этажа и пристройку нового флигеля к нынешнему зданию музея»¹⁸⁵. Средства на возведение третьего этажа здания (70 000 руб.) были пожертвованы

¹⁸⁴ Штернберг 1912: 457.

¹⁸⁵ Ко дню 70-летия В.В. Радлова 1907: 55.

инженером **Феликсом Юльевичем Шотлендером**¹⁸⁶ (1851–1914). Ф.Ю. Шотлендер учился в Политехнической школе Швейцарского союза в Цюрихе, его отец — прусский подданный Ю.Я. Шотлендер — до 1874 г. был исполнительным директором старейшего в России пивоваренного завода (Калинкинское пивомедоваренное товарищество), где Ф.Ю. Шотлендер сначала состоял в качестве помощника директора, а в 1879–1903 гг. был его распорядителем. Помимо этого занимал должность директора Невского стеаринового товарищества, директора Товарищества русских паровых маслобоен. Значительное внимание уделял благотворительной деятельности: являлся учредителем и попечителем Александровской мужской больницы, почетным попечителем Второй нарвской школы для взрослых рабочих и работниц Императорского русского технического общества. Имел награды: ордена Св. Станислава III и II ст., Св. Анны III и II ст., Св. Владимира III ст.¹⁸⁷ Естественно, что такой человек мог быть крайне полезен музею, и В.В. Радлов предлагает ему вступить в Попечительский совет. Тот соглашается, ведь это членство с лихвой окупалось: МАЭ практикует награждение своих попечителей орденами.

Из письма В.В. Радлову от Ф.Ю. Шотлендера, 13 апреля 1909 г.: «Ознакомив меня с учреждением и с преследуемыми целями Попечительского совета при подведомственном вашему превосходительству музею, вы вместе с тем предложили мне вступить в качестве члена в состав означенного совета. Относясь с большим интересом к состоящей под просвещенным покровительством вашего превосходительства отрасли науки, я сим изъявляю мое полное согласие быть членом Попечительского совета при Музее по антропологии и этнографии имени императора Петра Великого при Академии наук. Примите уверение в полной моей готовности содействовать по мере моих скромных сил и познаний дальнейшему развитию и процветанию музея, а также в совершенном моем почтении и преданности»¹⁸⁸. Аналогичным образом В.В. Радлов агитировал и других влиятельных особ, и это незамедлительно приносило плоды.

¹⁸⁶ Соболева 2009: 225–231.

¹⁸⁷ Там же: 226.

¹⁸⁸ СПФ АРАН. Ф. 177. Оп. 3 (1909–1916). Д. 37. Л. 1.

«Доложено о пожертвовании О.Б. Манасевича крупной этнографической коллекции, обнимающей народы Тихого океана и Африки, приобретенной им от Гамбургского музея, стоимостью в 15 000 марок. Положено возбудить ходатайство о высочайшем награждении его орденом»¹⁸⁹.

«Почетный член В.В. Святловский сообщил, что книгоиздатель П.П. Сойкин выразил согласие безвозмездно печатать иллюстрированные каталоги музея»¹⁹⁰.

«Доложено о новом даре старинного жертвователя музея германского подданного г. Мейснера, приславшего обширную коллекцию из быта малайского населения Зондских островов. Эта коллекция отлично дополняет прежние собрания жертвователя, которые в общей сложности дали музею лучшую из имеющихся ныне коллекций с островов Суматры и Явы. Постановлено представить г. Мейснера к ордену Св. Анны 2-й степени с бриллиантами»¹⁹¹.

Из Отчетов о деятельности Попечительского совета за 1911–1915 гг. 1911 г.:

Почетный член Ф.Ю. Шотлендер оплатил разные расходы по музею (главным образом по содержанию вольнонаемных служащих) на сумму в 3000 рублей (из них 2000 даны были им первоначально по просьбе совета заимообразно, а впоследствии по его желанию зачтены безвозвратным пожертвованием)¹⁹².

Всего членами Попечительского совета (включая сюда 30 руб., внесенные через г. Штернберга и 43 р. 75 коп., оставшиеся из сумм строительной комиссии), израсходовано в отчетном году на музей 13 577 р. 61 к. Благодаря такому деятельному сочувствию гг. почетных членов музей обогатился этнографическими объектами в количестве до 2500 предметов, т.е. более трети всех новых поступлений, причем эти поступления являются одними из наиболее ценных. Далее вполне закончена обстановка музея и кроме того му-

¹⁸⁹ Там же. Д. 35. Л. 3. Из протокола № 4 Попечительного о нуждах Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого совета, от 5 марта 1910 г.

¹⁹⁰ Там же. Л. 9–10. Из протокола № 6 Попечительного о нуждах Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого совета, от 30 октября 1910 г.

¹⁹¹ Там же.

¹⁹² Там же. Д. 38. Л. 2.

зей имел возможность кроме удовлетворения многих сверхбюджетных мелких расходов оплатить хоть отчасти труд лиц, которые работали в музее без всяких условий о вознаграждении. И, наконец, считаю долгом засвидетельствовать то крайне ценное моральное содействие советом и делом со стороны членов совета, которое является результатом искреннего горячего сочувствия их к интересам музея. В настоящем году исполняется первое трехлетие существования Попечительного совета и этот опыт молодого учреждения блестяще оправдал возлагавшиеся на это учреждение надежды. Достаточно констатировать, что за это время Попечительный совет израсходовал на музей свыше 90 тысяч рублей¹⁹³.

Из Протокола № 1 Попечительного о нуждах Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого совета, от 2 февраля 1911 г.:

Коммерции советник Леман внес в Общество взаимного кредита деятелей печатного дела 1000 рублей на экспедицию А.В. Фрича в Южную Америку¹⁹⁴.

Из Протокола № 3 Попечительного о нуждах Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого совета, от 8 июля 1911 г.:

Почетный член д-р Герман Майер поручил музею за его счет купить отобранные музеем в Стокгольме коллекции из Мексики, С.Америки, Коста-Рики, Африки и других мест стоимостью в 3000 руб.¹⁹⁵

1912 г.:

В отчетном году Попечительный совет, по примеру прошлых лет, продолжал заботиться о привлечении средств на экстренные нужды музея и на увеличение этнографического материала. Денежных пожертвований поступило всего 13 000 рублей. Принимая стоимость коллекций в 9000 рублей, можно считать, что Попечительный совет доставил музею в общей сложности сумму в 220 000 рублей, сумму, вдвое превосходящую бюджет музея по старым штатам

¹⁹³ Там же.

¹⁹⁴ Там же. Д. 35. Л. 14.

¹⁹⁵ Там же. Л. 17.

и около 3/5 суммы по новым штатам¹⁹⁶. Всего в 1912 г. в музей поступило 2904 предмета.

1913 г.:

Истекий год в отношении денежных поступлений оказался слабее предыдущего. Оборотный капитал равняется 8471 р. 29 коп., расход достиг суммы 8426 р. 98 коп. и остаток равняется 44 р. 31 коп. Действительное финансовое положение представляется в следующем виде. Остаток с прошлого года вместе с наросшими процентами по текущему счету составили сумму в 431 руб. 29 коп. Возвращено разным лицами выданные в счет заказов по штатным суммам авансы и неиспользованные ассигновки из сумм прошлого года — 1190 руб. Всего таким образом, из сумм прошлого года осталось 431 руб. 29 коп. + 1190 руб. = 1621 руб. 29 коп.¹⁹⁷

Из приложения к Протоколу № 1 за 1913 г.:

Суммы штатные:

Ассигновано по смете на 1913 год:

Штатный личный состав — 15 890 руб.

На коллекции — 5500

На коллекторов — 4500

На разные расходы — 9800

Итого — 35 690 руб.

Подлежит к расходу:

На личный состав:

Штатный — 10 890

Вольнонаемный — 6660

Служителей — 1452

Столяр — 600

Аванс — 3000

Уплачено:

Профессору Ф. Боасу — 3000

¹⁹⁶ Там же. Д. 38. Л. 7.

¹⁹⁷ Там же. Л. 10.

На Гренландию — 500

На Африку — 500

Итого 26 602 руб.

Израсходовано к 6 февраля /уплаты по счетам/ — 4761 руб. 34 коп.

Свободный остаток — 4326 руб. 66 коп.

Из него следует уплатить:

За коллекцию д-ра Уле — 550 руб.

Г. Фричу — 300

Г. Степелю — 1500

За электричество — 400

По библиотеке — 400

По антропологическому отделу — 300

Столяру и маляру — 1500

Переплетчику — 229

Итого 5179 руб.

Перерасход — 852 руб.¹⁹⁸

1914 г.:

Из истории совета этот год должен быть отмечен участием в нынешней великой войне почетного председателя совета его императорского величества князя Александра Георгиевича Романовского герцога Лейхтенбергского и почетного члена Б.А. Игнатьева, которые с самого начала войны отбыли в действующую армию. Почетный член К.К. Шейблер оказался во время нашествия германцев в Лодзи и, по газетным сведениям, вследствие отказа в исполнении некоторых распоряжений германских властей увезен военнопленным в Германию. Некоторые другие члены были обременены работой в тыловых официальных и общественных учреждениях, вследствие чего после второго заседания в отчетном году, состоявшегося 22 февраля, на котором произведена была ревизия сумм, совет больше не собирался¹⁹⁹.

Тяжелой утратой для Попечительного совета и для музея явилась в внезапная кончина почетного члена совета Феликса

¹⁹⁸ Там же. Д. 35. Л. 45.

¹⁹⁹ Там же. Д. 38. Л. 13.

Юльевича Шотлендера. Он был первым членом вновь утвержденного совета и самым крупным его жертвователем. На его средства были выстроены третий этаж и новый флигель нынешнего здания музея; в течение ряда лет он с радостной готовностью приходил на помощь музею во всех его экстренных нуждах и продолжал неизменно интересоваться судьбами музея и в последние годы болезни вплоть до самой кончины. Совет сохранит о нем навсегда благодарную память²⁰⁰.

Баланс музея к 1 января 1915 г. Итого руб. 40 089.69²⁰¹.

В марте 1914 г. музей посетил император Николай II.

1915 г.:

Обстоятельства военного времени, как и в 1914 г., сильно отразились на личном составе совета. Указанные обстоятельства отразились и на количестве заседаний в отчетном году, которых состоялось всего два, 13 апреля и 10 ноября 1915 г. На первом из них был доложен и одобрен отчет за 1915 год и почетными членами Б.А. Игнатьевым и И.И. Леманом произведена ревизия денежных сумм и книг совета²⁰².

По примеру прошлых лет совет употребил часть сумм (320 руб.) на дополнительную регистрацию, обработку коллекций и зарисовывание предметов. В результате составлены: путеводители по Северной и Средней Америке (печатаются) и приготовлена к печати большая монография о старинных коллекциях музея по тлинкитам и другим народам северо-запада Америки²⁰³.

Обстоятельства военного времени, как и в 1914 г., сильно отразились на личном составе совета. Почетный председатель его императорское высочество князь Александр Георгиевич Романовский герцог Лейхтенбергский, с начала войны отбыл в действующую армию. Почетный член совета Б.А. Игнатьев отбыл из Петрограда в качестве уполномоченного Красного Креста на театр военных действий,

²⁰⁰ Там же. Д. 35. Л. 58.

²⁰¹ Там же. Д. 38. Л. 14.

²⁰² Там же. Л. 19.

²⁰³ Там же. Л. 20.

а о почетном члене К.К. Шейблере, увезенном в 1914 г. из Лодзи германцами, никаких известий не имеется²⁰⁴.

2 мая 1909 г. Ф.Ю. Шотлендер писал его императорскому высочеству августейшему президенту Императорской академии наук: «Убедившись в необходимости расширить в скорейшем времени помещение Музея антропологии и этнографии, я решил помочь немедленному осуществлению выработанного для этой цели проекта пристройки особого здания и надстройки третьего этажа принятием на себя всех необходимых расходов в размере семидесяти тысяч рублей. Вместе с сим принимаю на себя обязательство не позже 10-го июня с.г. внести в депозит Попечительного совета музея семьдесят тысяч (70 000) рублей, дабы дать возможность Попечительному совету немедленно приступить к работам по постройке»²⁰⁵.

Эта постройка была необходима еще и потому, что к этому времени из Эрмитажа в музей поступила Петровская галерея. «В новом помещении удалось разместить в одной половине Галерею Петра, а в другой половине выставить научно впервые тот археологический материал, который ютился во дворе во флигеле академии, и таким образом было положено начало самостоятельному отделу музея — археологическому. Здесь же были размещены те драгоценные фрески и образцы древнебуддийского искусства из Восточного Туркестана, которые были вывезены экспедицией С.Ф. Ольденбурга»²⁰⁶. О важности этого предприятия говорит то, что в течение первых четырех лет с момента постройки нового этажа коллекции МАЭ пополнились на 35 000 предметов.

В.В. Радлов, как всегда, старался воплотить задуманное в жизнь как можно быстрее, тем более что деньги на возведение третьего этажа флигеля уже были найдены. Поэтому «1 июня 1909 г. назначенная Правлением Императорской академии наук строительная комиссия по перестройке здания Этнографического музея, с одной стороны, и потомственный почетный гражданин Андрей Козьмич Седов — с другой, заключили договор в нижеследующем: „Потомственный почетный гражданин Седов обязуется произвести из своих материалов и своими

²⁰⁴ Там же. Д. 35. Л. 75.

²⁰⁵ Там же. Л. 68.

²⁰⁶ Там же. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Д. 33. Л. 5 об.

рабочими надстройку третьего этажа и фотографического павильона над существующим зданием Этнографического музея; выстроить новую трехэтажную пристройку; исполнить строительные работы, необходимые для перестройки центрального отопления; произвести некоторые перестройки существующего здания и, отремонтировать его внутри и снаружи, за условную оптовую сумму в пятьдесят три тысячи шестьсот /53 600/ рублей»²⁰⁷.

Был заключен и еще один договор (тоже от 1 июня 1909 г.): «Назначенная Правлением Императорской академии наук строительная комиссия по перестройке здания Этнографического музея, с одной стороны, и Чугунно-литейный и механический завод Ф. Сан-Галли в Петербурге — с другой заключили договор в нижеследующем: «<...> устройство парового отопления низкого давления и вытяжной вентиляции <...> устройство желобов для прокладки железных нагревательных труб <...> устройство железных ворот. Все работы на общую сумму 13 342 р. 50 коп., завод Ф. Сан-Галли обязуется исполнить своими рабочими людьми и инструментами, и из своих материалов лучшего качества, оптом за двенадцать тысяч рублей /12 000 руб./»²⁰⁸. О «лице» нового музея заботились всестороннее: также были изготовлены цинковые буквы для вывески, срок доставки — 30 сентября 1909 г. Смета по данному заказу составила 321 руб. 20 коп.²⁰⁹ Впоследствии на заседании Попечительского совета от 30 октября 1910 г. было доложено об окончании деятельности строительной комиссии. «Окончательный денежный отчет будет представлен в январе 1911 года по сведениям счетов с Волжско-Камским банком по процентам, наросшим на хранившийся в этом учреждении капитал в 70 тыс. руб., пожертвованных Ф.Ю. Шотлендером»²¹⁰.

В «Отчете по расходованию суммы на надстройку третьего этажа над Музеем по этнографии и антропологии Императорской академии наук» фигурирует сумма в 70 798 руб.²¹¹ Деньги требовались на все — на восстановление здания, покупку экспозиционного оборудования, наконец, на приобретение уникальных собраний, и уже спустя год, в ноябре 1911 г.,

²⁰⁷ Там же. Ф. 177. Оп. 3 (1901–1914). Д. 31. Л. 6.

²⁰⁸ Там же. Л. 2.

²⁰⁹ Там же. Л. 28.

²¹⁰ Там же. Л. 9.

²¹¹ Там же. Л. 13.

на заседании Попечительского совета было доложено, что «в распоряжении совета имеется в наличности всего 388 руб. 48 коп., между тем как предстоят крупные неотложные расходы, как наградные служащим и служителям, вознаграждение пяти регистраторов (Э.К. Пекарского, д-ра Яцуты, Б.Э. Петри, К.К. Гильзена и С.А. Штернберг), которые уже четыре месяца работают безвозмездно»²¹². Это означало, что нужно было срочно начинать искать новых жертвователей. В.В. Радлов решается вновь ходатайствовать о награждении попечителей званиями и орденами. Таким образом, в 1909 г. по ходатайству Академии наук была начата процедура возведения Ф.Ю. Шотлендера в потомственное дворянство за заслуги перед МАЭ. Вопрос был решен положительно. Николай II даровал этот титул и самому попечителю, и двоим его детям, сыну и дочери. Следует сказать, что награждение попечителей званиями и орденами войдет в практику: в 1910 г. В.В. Радлов предложит Историко-филологическому отделению Академии наук награждение орденами крупных жертвователей как вариант поощрения. Таким образом, появляется новый стимул помогать МАЭ. Например, в октябре 1910 г. д-р Герман Мейер внес на счет совета 6000 рублей на переоборудовку музея, необходимую вследствие возведения третьего этажа²¹³.

Ганс и Герман Мейеры²¹⁴, немцы по происхождению, занимались выпуском справочных и энциклопедических изданий, финансировали деятельность издательства «Просвещение», основанного в 1896 г. в Петербурге²¹⁵.

Профессор Ганс Мейер в 1881 г. получил степень доктора, в 1899 г. стал профессором Лейпцигского университета, много путешествовал. Он стал первым европейцем, покорившим Килиманджаро. Оказывал активную спонсорскую поддержку Музею народоведения в Лейпциге. Как уже упоминалось, в тот период многие музеи практиковали обмен дубликатами с другими музеями: вторые, похожие, экземпляры обменивали на более нужные предметы. МАЭ не стал исключением — с конца XIX в. и вплоть до 1930-х гг. музей успешно осуществил обмен

²¹² Там же. Л. 18.

²¹³ Там же. Ф. 177. Оп. 3 (1909–1916). Д. 35. Л. 14 об.

²¹⁴ О братьях Мейер см. подробнее: Соболева 2011б: 48–53.

²¹⁵ В 1902–1908 гг. в свет им были выпущены «Жизнь животных» А. Брема в 13 томах, различные издания классики, географические атласы и пр.

коллекциями с музеями Германии, США, Швеции, Аргентины и других стран. Первый опыт обмена коллекциями был связан с Берлинским музеем народоведения, отсюда в 1899—1901 гг. в МАЭ поступили предметы с островов Малайского архипелага в обмен на якутское собрание. А с 1905 г. в обмене активно стал принимать участие и Гамбургский музей народоведения. В марте 1900 г. Ганс Мейер отправил В.В. Радлову письмо с предложением передачи в МАЭ 16-ти бронзовых предметов и двух резных клыков из Бенина. После разрушения в 1897 г. британцами города Бенин на мировой музейный рынок попало более 2000 образцов африканского искусства XVI в., многие из которых впоследствии были представлены в музеях Германии.

Всего за те годы, когда Ганс Мейер состоял членом Попечительского совета, им были пожертвованы деньги (в общей сложности более 17 000 руб.) на оплату экспозиционных железных шкафов, экспедиции (на его средства были отправлены Б.О. Пилсудский — на Сахалин и В.Л. Серошевский — на Хоккайдо), часть средств ушла на покрытие расходов по благоустройству здания. Также МАЭ обогатился ценными собраниями предметов из Бенина, Новой Гвинеи и Восточной Африки, Новой Зеландии, Индии, Индокитая, Южной Америки. За пожертвования денежных сумм и ценных коллекций великий князь Константин Константинович ходатайствовал о награждении Ганса Мейера орденом Св. Станислава 2 ст. со звездой, впоследствии предполагалось наградить его орденом Св. Станислава 1 ст. В.В. Радлов просил Историко-филологическое отделение о выдаче Гансу Мейеру диплома корреспондента Музея антропологии и этнографии. По ходатайству президента ИАН он также был награжден орденом Св. Анны 2 ст. с бриллиантовыми украшениями. В мае 1903 г. академик В.В. Радлов довел до сведения отделения, что за последние два месяца текущего года Гансом Мейером были принесены в дар МАЭ три очень ценные этнографические коллекции: коллекция предметов быта жителей Новой Зеландии, состоящая из 35 вещей, коллекция предметов одежды народов Индокитая, состоящая из 170 вещей, коллекция костюмов бомбейских рыбаков, состоящая из 26 вещей. Ввиду этого академик В.В. Радлов просил Историко-филологическое отделение выдать г. Мейеру диплом корреспондента Музея антропологии и этнографии им. императора Петра Великого, что и было сделано,

а 3 июля 1904 г. император Николай II пожаловал Гансу Мейеру орден Св. Анны 2 ст. с бриллиантовыми знаками²¹⁶.

Его брат, Герман Мейер, в 1895—1896 гг. путешествовал в Бразилии, в 1898—1900 гг. совершил туда вторую поездку. Благодаря ему МАЭ получил коллекции из Камеруна, Гватемалы, Верхнего Конго, дублетные коллекции из Стокгольмского музея, собрания по мексиканским и североамериканским индейцам, а также 6000 руб. на переустройство музея (всего за эти годы более 16 000 руб.). В 1914 г. он был избран почетным членом Попечительского совета, также награжден орденом Св. Станислава 2 ст. и удостоен звания корреспондента МАЭ.

Почетным председателем Попечительского совета МАЭ стал **князь Александр Георгиевич Романовский, VII герцог Лейхтенбергский**²¹⁷ (1881—1942). По отцу — правнук императора Николая I, по матери — праправнук императора Павла I. Неудивительно, что князь А.Г. Романовский естественным образом мог обеспечить возможность содействия музею на самом высоком уровне. В 1901 г. он закончил Императорское училище правоведения, затем Николаевское кавалерийское училище. С этого же времени числился в лейб-гвардии 4-м стрелковом Императорской фамилии батальоне, флигель-адъютант императора Николая II, полковник лейб-гвардии гусарского полка (1915 г.), во время Первой мировой войны находился в действующей армии. Имел награды: орден Св. Андрея Первозванного (1881), орден Св. Александра Невского (1901), орден Белого Орла (1901), орден Св. Анны I ст. (1901), орден Св. Станислава I ст. (1901).

Феофил Егорович Мейендорф²¹⁸ (1838—1919), генерал от кавалерии. В 1860—1864 гг. участвовал в военных действиях на Кавказе и за боевые отличия был награжден орденом Св. Станислава 3 и 2 ст., Св. Анны 2 ст., а за участие в войне 1877—1878 гг. произведен в генерал-майоры с зачислением в свиту его императорского величества и награжден орденом Св. Станислава 1 ст. В 1904—1905 гг. принял участие в войне с Японией и за боевые отличия был награжден бриллиантовыми знаками ордена Св. Александра Невского и орденом Св. Георгия 4 ст. Он являлся почетным председателем Мариинского приюта для ампутированных

²¹⁶ СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1904). Д. 79. Л. 32.

²¹⁷ Григорян 2007.

²¹⁸ Матвеева 2013б: 181—186.

и увечных воинов, председателем состоящей при главном военно-санитарном управлении комиссии по снабжению воинских чинов протезами и председателем Общества ревнителей военных знаний, которое регулярно заслушивало известных путешественников, имея в виду информацию военного значения, которую могли сообщить последние. Кроме того, он был членом Попечительского совета при Музее антропологии и этнографии (утвержден 23 февраля 1910 г.). Безусловно, родственные (и не только) связи барона Феофила Егоровича Мейендорфа давали директору МАЭ академику В.В. Радлову еще одну блестящую возможность решения вопросов, связанных с музейной жизнью, «на самом верху».

Эммануил Людвигович Нобель²¹⁹ (1859–1932) принадлежал к династии крупных российских промышленников. В 1879 г. было учреждено Товарищество нефтяного производства «Братья Нобель», которым за последующие годы были построены заводы: керосиновый, масляный, вискозный, бензиновый, парафиновый, два сернокислотных, для регенерации щелочных отбросов, для регенерации кислотных отбросов, содовый, механический, газовый, лесопильный. Благодаря им впервые в России были построены нефтепроводы и введена перевозка нефтепродуктов по водным путям. Э.Л. Нобель закончил Стокгольмский технологический институт, стажировался в Германии и Швейцарии. В 1877 г. начал работу на механическом заводе отца в Петербурге, а после смерти брата Карла возглавлял и товарищество, и завод. Являлся действительным статским советником и коммерции советником, состоял товарищем председателя Торговой англо-русской палаты, членом Совета торговли и мануфактур, почетным инженером-технологом по избранию конференции Петербургского технологического института, членом учетно-ссудного комитета Петербургской конторы государственного банка, членом совета Волжско-Камского банка (здесь уместно вспомнить про проценты на хранившийся в этом учреждении капитал в 70 тыс. руб., пожертвованных Ф.Ю. Шотлендером). Э.Л. Нобель стал инициатором распространения в стране двигателей конструкции Р. Дизеля (с 1899 г.): всего с 1900 по 1912 г. петербургский завод Нобеля выпустил 540 двигателей такого типа. К 1915 г. Нобели имели 11 морских теплоходов (в том числе крупнейший на Каспии «К.В. Хагелин»), а основной капитал товарищества «Братья Нобель» составлял 30 млн руб.

²¹⁹ Дридзо, Шрадер 2002: 337–344; Соболева 2012в: 635–646.

Широкими возможностями располагал коммерц-советник **Иосиф Иосифович Леман**²²⁰ (1866–?). В 1888 г. он принимал участие в организации выставки и библиотеки при 1-м Съезде русских деятелей по техническому и профессиональному образованию, в 1889 г. — в организации русского отдела Всемирной выставки в Париже и в работах жюри этой выставки по IX классу (печатное дело), в 1895 г. — участие в организации 1-й Всероссийской выставки печатного дела в качестве товарища председателя распорядительного комитета. В 1897 г. И.И. Леман от имени Императорского русского технического общества принял участие в работе экспертной комиссии по отделу печатного дела на выставке в Стокгольме, в 1899 г. — в учреждении Русского общества деятелей печатного дела. С 1901 г. И.И. Леман издавал журнала «Печатное искусство».

Участие в работе Попечительского совета принимал **Карл Шейблер**, промышленник, финансист, учредитель Баумановских мануфактур, вице-председатель совета Торгового банка в Лодзи, председатель правления и директор-распорядитель ряда крупных промышленных предприятий. Впоследствии по случаю посещения МАЭ Николаем II К.К. Шейблер был представлен к чрезвычайной награде с высочайшего его императорского величества соизволения: «Почетный член Попечительного совета Карл Шейблер принес в дар музею обширнейшие собрания, исключительные по количеству и научной ценности, по народам Индонезии и сверх того участвует в финансировании многолетней экспедиции в Индию, собирающей специально коллекции для вновь образуемого отдела Индии имени государя императора. На возведение Карла Шейблера в потомственное дворянство, как видно из рескрипта его императорского высочества герцога Лейхтенбергского на имя главного управляющего канцелярией его императорского величества, последовало высочайшее соизволение»²²¹. С началом Первой мировой войны помощь К.К. Шейблера прекратилась, поскольку, судя по газетным сведениям, он был увезен военнопленным в Германию.

Леволлиберальный историк и экономист **Владимир Владимирович Святловский**²²² (1869–1927) был тесно связан с профсоюзным и революционным движением. Возможно, для В.В. Радлова его связи

²²⁰ Соболева 2013: 158–170.

²²¹ СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 69. Л. 41–42.

²²² Розина 1974: 127–140.

были крайне важны, принимая во внимание довольно специфический состав ведущих специалистов МАЭ. В 1890–1892 гг. жил в Петербурге, в 1892 г. уехал в Германию, учился в Мюнхенском университете, где в 1897 г. защитил докторскую диссертацию. С ноября 1905 г. состоял членом Центрального бюро петербургских профсоюзов, редактировал журнал «Профессиональный союз». В 1902–1924 гг. преподавал в Петербургском (Петроградском) университете, где читал лекции по истории социализма, и в ряде других учебных заведений. В 1907–1908 гг. совершил кругосветное путешествие, посетил Северную и Южную Америку, Австралию и Океанию, где по поручению МАЭ собирал коллекции; в письме к В.В. Радлову он писал: «В трех университетских городах: Чикаго, Модизоне и Денвере, в которых я был после Квебека, мне для Вас устроить ничего не удалось, да и нечего собственно по этнографии здесь было и делать. Удачнее было в Калифорнии. Из двух ее университетов (Берклей и Пало-Альто) в государственном, Берклеевском, этнография в большом фаворе и имеется хороший музей, специально предназначенный калифорнийским индейцам. Заведующий музеем профессор Кробрер (Affiliated Colleges, San-Francisco Cal. U.S.), изъявил согласие прислать полную коллекцию вещей калифорнийских индейцев, особенно племен юрок и пима. Взамен он желает получить предметы быта наших сибирских и кавказских инородцев»²²³.

Архивные документы, освещающие деятельность целого ряда лиц в рамках Попечительского совета, требуют дальнейшего детального изучения, однако уже сейчас можно отметить, что в его состав входили, как правило, люди, имевшие связи как в России и Германии, так и в кругах немецкой бюрократии Петербурга. Они могли обеспечить как финансовую, так и организационную поддержку проектов МАЭ. Кроме того, почетными членами Попечительского совета стали крупные жертвователи, такие как Ф.Ю. Шотлендер и **Борис Александрович Игнатъев**²²⁴, который в 1914 г. финансировал исключительно плодотворную экспедицию супругов Мервартов в Индию. Б.А. Игнатъев, губернский секретарь, причисленный к Канцелярии государственного совета, не только снарядил экспедицию в Индию, но и сам

²²³ Розина 1974: 135. Цит. по: Корсун С.А. Роль академика В.В. Радлова в формировании американского собрания МАЭ <<http://radloff.iiiiejournal.com/13035>>.

²²⁴ Краснодембская, Соболева 2012: 203–232.

выразил желание за свой счет поехать туда (1914 г.), чтобы принять участие в работе экспедиции, а затем побывать в Японии и Северной Америке для ознакомления с местными музеями и приобретения этнографических коллекций. В.В. Радлов ответил положительно: «Считая эту поездку г. Игнатъева весьма полезной для интересов музея, прошу отделение командировать г. Игнатъева в упомянутые страны и вместе с тем возбудить ходатайство перед государственным секретарем о разрешении ему отпуска на время командировки»²²⁵. Однако канцелярия МИД не выдала ему дипломатический паспорт, т.к. Игнатъев оправлялся за границу не по высочайшему повелению. С началом Первой мировой войны Б.А. Игнатъев находился на театре военных действий в качестве уполномоченного Красного Креста и уже не мог оплачивать экспедиционные расходы МАЭ.

Анализ биографий членов Попечительского совета показывает, что во многих случаях, как и при подборе научного персонала музея, В.В. Радлов руководствовался собственными пристрастиями и связями. Здесь были его деловые партнеры, ставшие во многих случаях добрыми знакомыми. В этом отношении состав Попечительского совета, в который входили столь разные люди, как князь А.Г. Романовский и социалист В.В. Святловский, может служить своеобразным «срезом» круга общения самого В.В. Радлова: он сам был интересным человеком, и интересные люди тянулись к нему.

III.7. МАЭ как научный и учебный центр, публикации МАЭ

Именно в период управления В.В. Радловым МАЭ становится **учебным центром**: Л.Я. Штернберг читает в нем лекции по этнографии, а В.В. Радлов создает кружок, объединивший талантливых тюркологов. Среди постоянных участников кружка был **Сергей Ефимович Малов**²²⁶ (1880–1957), вскоре ставший преданным учеником и научным последователем В.В. Радлова²²⁷.

²²⁵ СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 66. Л. 406. Цит. по: Краснодембская, Соболева 2012: 203–232.

²²⁶ О С.Е. Малове см.: Тенишев 2005.

²²⁷ К сожалению, во многом по техническим причинам фонд С.Е. Малова СПФ АРАН не был изучен в ходе диссертационного исследования. В рамках продолжения работы автор планирует обязательное обращение к нему.

В период научной дискуссии В.В. Радлова и В. Томсена относительно «алтайской» теории фонетики литературного языка древних уйгуров, теория В.В. Радлова опровергается Томсеном²²⁸, однако, принимая его поправки, В.В. Радлов, тем не менее, ищет подтверждение и своей гипотезы, надеясь найти ее в фонетике малоизученного языка желтых уйгуров провинции Ганьсу²²⁹. С этой целью В.В. Радлов отправил в Китайский Туркестан своего ученика С.Е. Малова²³⁰, и эти экспедиции (1909–1911 и 1913–1915 гг.) оказались необычайно продуктивными²³¹. В ходе поездок С.Е. Малов собрал богатый материал по фольклору и этнографии (эти коллекции хранятся в МАЭ), однако важнейшая находка была сделана в 1909 г.: в одном из буддийских храмов селения Вунфыгу С.Е. Малов обнаружил почти полный список древнеуйгурской рукописи «Золотой блеск» (*Алтын йарук*), которая дала ученым уникальные исследовательские материалы²³². А осуществленная В.В. Радловым и С.Е. Маловым публикация памятника древнеуйгурским шрифтом стала одним из важнейших событий мировой науки той поры²³³.

После смерти В.В. Радлова С.Е. Малов продолжил работу над текстами из Китайского Туркестана, в частности завершил работу над знаменитым изданием «Памятники языка уйгуров», не доведенным до конца учителем. «Любопытна история этой книги. Целым рядом немецких экспедиций в первые годы XX в. преимущественно в Турфанском оазисе на Западе Китая было открыто большое количество древнеуйгурских памятников юридического и другого содержания. В.В. Радлов успешно справился с расшифровкой, но книгу опубликовать не успел. Ее издание перешло в руки С.Е. Малова. Под его редакцией и с добавлением очень ценных словаря и примечаний была написана книга “Uigurische Sprachdenkmaler”, знаменующая собой огром-

²²⁸ Бартольд 1928: 1–13.

²²⁹ Тенишев 2005: 73.

²³⁰ Малов 1951.

²³¹ Там же.

²³² *Suvaparabhasa* (Сутра Золотого блеска). Текст уйгурской редакции, изд. В.В. Радлов, С.Е. Малов, i–viii (Bibliotheca Buddhica xvii). СПб., 1913–1917. См.: *пр.* Aus dem Uigurischen ins Deutsche übers. von Dr. W. Radloff. Nach dem Tode des Übersetzers mit Einleitung von S. Malov hest. T. I–III. Л., 1930. (Bibliotheca Buddhica xxvii).

²³³ Тенишев 1972: 32–41.

ное достижение русской филологической науки в области изучения памятников языка древних уйгуров»²³⁴.

Заложенную В.В. Радловым тюркологическую традицию МАЭ блестяще продолжила **Надежда Петровна Дыренкова (1899–1941)**, ученица С.Е. Малова, Л.Я. Штернберга и В.Г. Богораза. Выдающийся этнограф-фольклорист, она вслед за своими учителями собирала материал для научных работ в первую очередь в поле. Н.П. Дыренкова — автор нескольких грамматик тюркских языков народов Сибири, серии статей по шаманству, традиционному мировоззрению и социальной организации народов Алтая²³⁵.

Еще в 1910 г. в Петербурге при участии Л.Я. Штернберга было организовано Географическое бюро, где читались различные лекции, включая введение в этнографию. В апреле 1916 г. были открыты Высшие географические курсы, на которых Л.Я. Штернберг продолжал читать лекции по этнографии. Позже, в 1918 г., на базе Высших географических курсов был образован Географический институт, причем проект положения об этом институте был разработан Л.Я. Штернбергом, который был избран профессором и деканом этнологического факультета.

19 июня 1918 г. в память о В.В. Радлове в МАЭ был устроен первый Радловский вечер, в котором приняли участие многие этнографы и востоковеды. Л.Я. Штернберг в короткой речи подчеркнул «ту его особенность [Радлова], благодаря которой он умел сочетать самоограничение в личной работе с широким размахом научной деятельности вообще. Деятельность его по Русскому комитету для изучения Средней и Восточной Азии и по музею в этом отношении особенно характерна. Для Василия Васильевича музей был не только собранием различных культур. По его мысли музей должен кроме собирания вести и научную обработку собранных материалов и готовить исследователей»²³⁶. На этом же заседании было принято решение о сохранении научного наследия В.В. Радлова (для этого постановили собрать все его труды, рукописи

²³⁴ Тенишев 2005: 74.

²³⁵ Н.П. Дыренкова умерла за своим рабочим столом в МАЭ в самый страшный год ленинградской блокады. В настоящее время МАЭ в серии «Кунсткамера — Архив» готовит к публикации ряд ее неизданных работ, по-прежнему сохраняющих большое научное значение. См. подробнее: Дыренкова Н.П. Тюрки Саяно-Алтая. Статьи и этнографические материалы / Отв. ред. К. Шениг, Л.Р. Павлинская. Т. VI. СПб., 2012.

²³⁶ СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 2. Л. 9.

и письма. Также было высказано пожелание начать работу над переводом его труда «Aus Sibirien») ²³⁷. Всего в 1918 г. было проведено три Радловских вечера, а за период 1918–1922 гг. организовано девять Радловских вечеров. 13 апреля 1922 г. на восьмом Радловском вечере был затронут вопрос об организации Радловского кружка ²³⁸, а уже на следующем вечере 8 сентября 1922 г. был принят проект «Положения о Радловском кружке», который впоследствии был утвержден на заседании Историко-филологического отделения Академии наук.

Радловский кружок был организован по инициативе и при активном участии крупнейших русских востоковедов и этнографов того времени: председателем был избран В.В. Бартольд, секретарем — С.М. Дудин, членами правления — А.Н. Самойлович, Л.Я. Штернберг, Б.Я. Владимирцов, кандидатами в члены правления — Е.Ф. Карский, Э.К. Пекарский. В период 1922–1930 гг. было проведено 11 собраний членов кружка, в том числе открытое заседание, посвященное памяти С.М. Дудина, в котором приняли участие представители Государственной академии истории материальной культуры, Этнографического отдела Русского музея, Общества им. А.И. Куинджи. Кружок просуществовал до весны 1930 г. (всего было проведено 14 заседаний (1918–1924 гг.), 13 общих собраний членов кружка (1924–1930 гг.) и 63 расширенных заседаний правления (1923–1930 гг.) ²³⁹. На заседаниях заслушивались доклады как сотрудников МАЭ, так и ученых из других научных учреждений. Абсолютное большинство докладов было посвящено этнографии и лингвистике тюрко- и монголоязычных народов, отчетам об экспедиционной деятельности. Важно, что Радловский кружок на протяжении десятилетия являлся одним из немногих мест встречи отечественных этнографов и востоковедов, и с 2002 г. Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН продолжает эту замечательную традицию.

При В.В. Радлове МАЭ постепенно становится **международным научным центром**. Здесь возникает **научная школа**, В 1900 г. музей начинает выпуск «Сборника Музея по антропологии и этнографии» ²⁴⁰,

²³⁷ Этот труд В.В. Радлова вышел в свет только в 1989 г.

²³⁸ Кисляков 1987: 29–30; Кисляков 2012: 3–6.

²³⁹ Кисляков 2012: 3–6.

²⁴⁰ С 1900 по 1918 г. вышло пять томов (22 выпуска) «Сборника МАЭ». Кисля-

где печатались работы как сотрудников МАЭ, так и исследователей из других учреждений. Под редакцией сотрудников музея выходят в свет разнообразные каталоги ²⁴¹ и путеводители ²⁴². Важным научным документом становятся «Отчеты о деятельности Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого», ежегодная публикация которых начитается в 1907 г. ²⁴³ Если сюда добавить многие десятки первоклассных научных работ, опубликованных в этот период сотрудниками музея на разных языках и по широчайшей тематике, их активное участие в международных научных конференциях, интенсивные научные обмены, активную научную переписку с коллегами из разных стран, то становится вполне очевидным: МАЭ при Радлове стал международным признанным центром науки о человеке.

III.8. «Медийная революция» и создание фотолаборатории

Петербургская академия наук познакомилась с фотографией в год ее изобретения, и впоследствии «светопись», как называли в то время искусство фотографии, стала неотъемлемой частью ряда проектов академических структур, в том числе и МАЭ. Еще в 1839 г. академия послала ординарного академика И.Х. Гамеля (1788–1861) в Париж и Лондон, где он приобрел некоторые принадлежности для калотипии. Из Парижа Гамель сообщил о способе Л.-Ж. Дагерра, приложив подробное описание дагерротипии. Далеко не случайно то, что одна из самых ранних фотографий среди фотоколлекций МАЭ по народам Средней Азии и Казахстана (изображает хана Букеевской орды Джангира с женой), датируется периодом между 1839 г. (год изобретения фотографии) и 1845 г. (год смерти Джангир-хана) ²⁴⁴. Начиная с середины XIX в. в России появляются такие культурные проекты, как «Типы и костюмы разных обитателей Воронежской губернии» (Николай Второв, 1857), «Фотографические снимки типов Оренбургского края» (Михаил

ков 2000; Кисляков 2013.

²⁴¹ Петри 1914: 441–468.

²⁴² Путеводитель по Музею антропологии и этнографии СПб., 1891, 1898, 1900; Чекановский 1912; Петри 1914; 1916; Иванов 1915; Ратнер-Штернберг 1917; Гильзен 1919.

²⁴³ Отчет о деятельности 1907–1919.

²⁴⁴ Прищепова В.А. Традиционная культура казахов в коллекциях МАЭ РАН (в печати).

Букарь, 1872 г.), работы Василия Каррика (1827–1878), Андрея Карелина (1837–1906) и многих других.

К началу XX в. в распоряжении фотографа имелись объективы, позволявшие работать даже в полевых условиях. Фотометры давали возможность быстро выбрать нужную экспозицию, а пластинки и пленки, созданные для разных условий, обеспечивали улучшенную цветопередачу. К этому времени появились магниевые лампы и электролампы «Юпитер», а также разнообразные сорта фотобумаги. Такие способы печати, как пигментный, гуммиарабиковый, масляный и бромомасляный, позволяли получать изображения самого высокого качества. Примерно с середины 90-х гг. XIX в. в России стали чаще производить репортажную фотосъемку, которая стала возможна с появлением двухобъективных фотоаппаратов. Изначально этот процесс был сопряжен с трудностями, главной из которых была необходимость быстрой съемки. Съемка простой камерой требовала многочисленных операций: установки аппарата на штатив, наводки на резкость по матовому стеклу, замены матового стекла кассетой с пластинкой, съемки, замены кассеты матовым стеклом, складывания треноги и аппарата. Более быстрая подготовка к съемке и более быстрое ее осуществление стали возможны именно с появлением двухобъективных фотоаппаратов, преимущества которых в плане скорости съемки перед обычными камерами были очевидны.

Фотолаборатория МАЭ представляла собой уникальное сочетание изобразительной студии и фотолаборатории начала XX в. и была оснащена лучшей техникой. С.М. Дудин²⁴⁵, который с 1911 г. безвозмездно заведовал фотографическим отделом МАЭ, был особо требователен к фототехнике. Известно, что, отправляясь в Центральную Азию в 1902 г., он взял с собой две камеры с широкоформатными объективами, а сложность жанровой съемки и репортажа в условиях резкой контрастности естественного освещения в Центральной Азии привела его к необходимости приобретения еще двух объективов высокого класса, которые позволяли получать качественные изображения с минимумом искажений. О том, какое значение придавалось в то время фотоматериалам, свиде-

²⁴⁵ С 1912 г. по распоряжению В.В. Радлова он был назначен штатным фотографом с сохранением получаемого им ежемесячного вознаграждения в 50 руб. за проведение работ в отделе Туркестана.

тельствуют архивные материалы, связанные с подготовкой второй Русской туркестанской экспедиции (1914–1915), когда значительная часть средств пошла на приобретение фотографических пластинок: из расчета на год их было закуплено 60 пудов (около тонны)²⁴⁶. Также для работы в Центральной Азии Дудиным были приобретены в общей сложности 135 дюжин стеклянных негативов различного формата.

Серьезным достижением стала возможность обработки фотоматериала в полевых условиях: походная фотолаборатория, которая помещалась в среднего размера чемодан, включала в себя дорожный фонарь, набор химикатов и многое другое. Обеспечением Музея антропологии и этнографии фототехникой и расходными материалами на протяжении фактически 20 лет (с 1899 по 1919 г.) занималось товарищество на паях «Ө. Иохим и К°», поставщик двора его императорского величества. Оно было основано в 1860 г. и являлось одним из крупнейших товариществ, занимавшихся продажей фотоаппаратов, фонографов и граммофонов, а его преискуранты фотографических принадлежностей включали богатейшую номенклатуру оборудования²⁴⁷. Эта фирма была единственным в России представителем британской компании «Ильфорд», прекрасного качества фотопластинки и фотобумагу которой предпочитал С.М. Дудин. В Петербурге фотосалон и представительство «Ө. Иохим и К°» находились недалеко от МАЭ (Невский пр., 3). Товарищество на паях «Ө. Иохим и К°» обеспечило организацию фотографического отдела МАЭ, за что 6 марта 1902 г. ему было уплачено 310 руб. 75 коп.²⁴⁸. Впоследствии товарищество «Ө. Иохим и К°» на постоянной основе поставляло музею фотоматериалы и фотопринадлежности²⁴⁹.

Музей стремится использовать в своей работе самые последние технические достижения. Например, для экспедиции Мервартов, которые

²⁴⁶ Протоколы заседания Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. 1914 г. Протокол № 2 (Заседание от 29 марта 1914 г.), § 27, с. 19–20.

²⁴⁷ Добавление к Преискуранту складов фотографических принадлежностей (С. Петербург, Торговый дом «Ө. Иохим и Ко», 1906); Склад фонографов Эдисона и граммофонов («Ө. Иохимъ и Ко». Москва, Мясницкая, д. Варваринского акционерного общества, 1901); Репертуар фонограмм («Ө. Иохим и Ко», Москва. Мясницкая, д. Варваринского акционерного общества, 1901).

²⁴⁸ СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Д. 51. Л. 157 об.

²⁴⁹ Большая часть расходов по фотообеспечению экспедиций МАЭ покрывалась за счет Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии.

прошли специальный курс обучения, были приобретены новейшие по тем временам приборы — киноаппарат, фонограф и пр.

В 1914 г. Л.Я. Штернберг обратился в компанию «Pathé Frères» с просьбой в рассрочку «отпустить один хронометрический аппарат „Профессионал“ с полным комплектом за 900 руб.»²⁵⁰.

Компания отправила письмо на имя В.В. Радлова: «Согласно Вашего почтенного заказа за № 186 от 1 с/м, мною было выдано г. Мерварту: полный комплект съемочного профессионального аппарата и вертикальная платформа, и 111 м. негативной пленки для пробы аппарата. На эти последние предметы г. Мерварт обещал мне дослать добавочное требование, но до сих пор таковое мною получено не было. При сем счет за негативную пленку на 26 руб. 64 коп. Считаю долгом уведомить Вас, что нами принимаются на обработку негативы наших клиентов, т.е. проявление негативов и печатание позитива. Т.к. г. Мерварт по всей вероятности будет проявлять негативы в наших отделениях в Калькутте и Бомбее, то мы можем предложить Вам печатание позитивов по цене 35 коп. за метр. В зависимости от количества метража вышеупомянутая цена может быть значительно уменьшена. В ожидании Ваших почтенных заказов пребываю в совершенном почтении. Заведующий Санкт-Петербургским отделением»²⁵¹.

К 1900 г. фото- и кинотехника стала важнейшим и уже обычным атрибутом различных исследовательских проектов. Лучшее подтверждение тому — архивные фотоколлекции крупнейших этнографических музеев, взрывообразный рост которых совпадает с рубежом XIX—XX вв.

Именно в этот период впервые стало возможным использовать и такие новшества техники, как фонограф. Исследователи этого периода считаются основоположниками аудиоэтнографии: они стали первыми учеными, которые осуществили звукозапись образцов языка и фольклора разных народов. Применение фонографов для фиксации образцов фольклора началось в первое десятилетие после его изобретения (70-е гг. XIX в.): такие аппараты стали сопровождать известных ученых и путешественников во время экспедиций. Их активно использовали такие ближайšie сподвижники и ученики В.В. Радлова, как Л.Я. Штернберг, В.И. Иохельсон, С.Е. Малов²⁵².

²⁵⁰ СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 66. Л. 343.

²⁵¹ Там же. Д. 67. Л. 102.

²⁵² Светозарова, Бурыкин, Гирфанова 2012: 136—140.

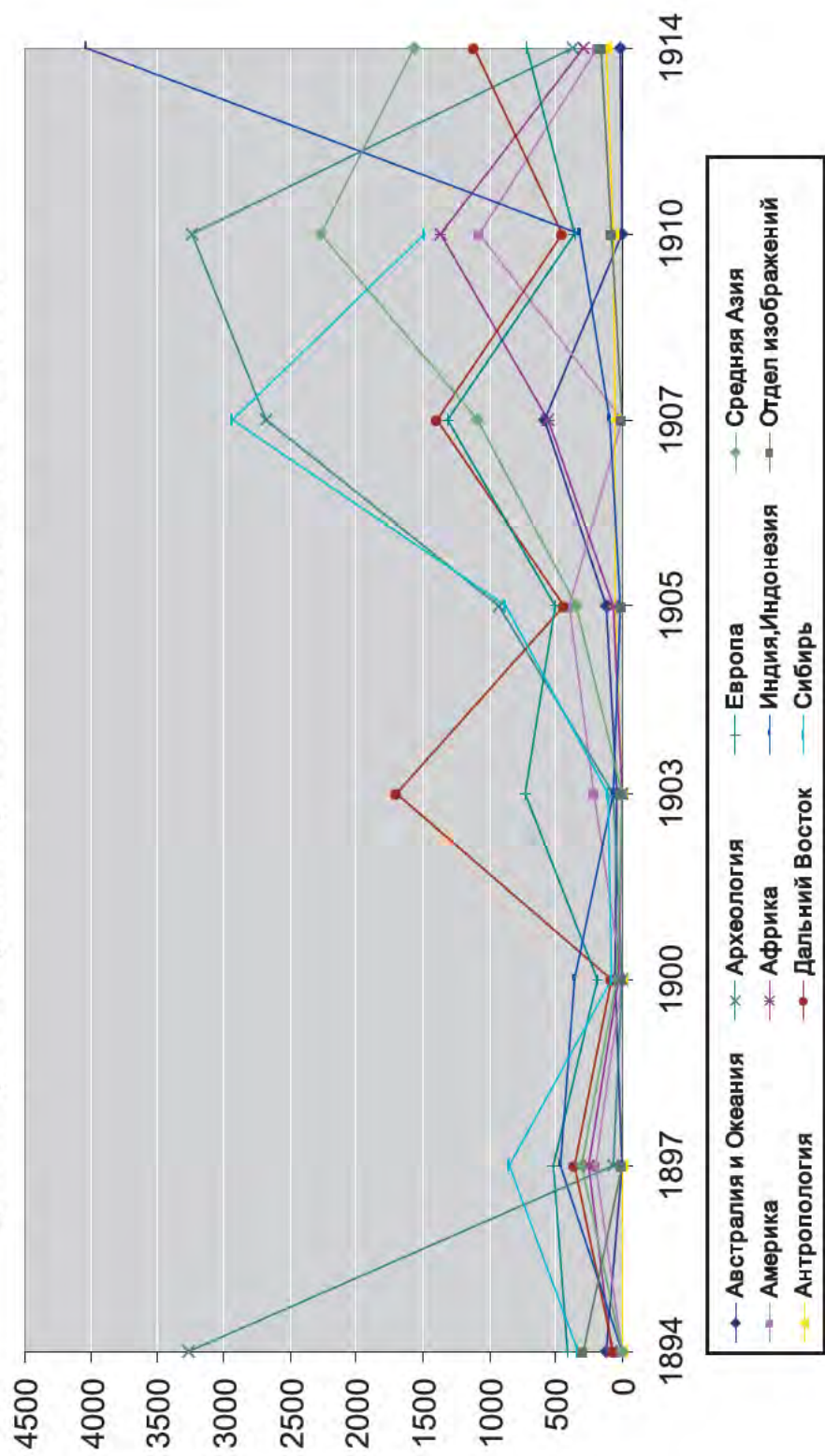
* * *

За годы руководства Радлова МАЭ, несомненно, стал одним из ведущих исследовательских и музейных центров Европы. Международный авторитет членов «команды Радлова» был непререкаем. Множились приглашения участвовать в международных экспедициях, был налажен прекрасный книгообмен и обмен коллекциями, шла активнейшая международная переписка (**см. Приложение 2**), вынашивались во многом пионерские планы перестройки экспозиции, ставились задачи по организации новых, еще более масштабных экспедиционных проектов. Есть все основания предполагать, что очень многое из задуманного тогда, несомненно, было бы реализовано, но наступил август 1914 г., февраль, а затем октябрь 1917... В новых, подчас трагических условиях музей продолжал работать. О том, как жил музей в эти непростые годы, подробно рассказывает неопубликованный документ из архива МАЭ²⁵³, который мы приводим целиком в виде приложения к настоящей главе (**см. Приложение 3**).

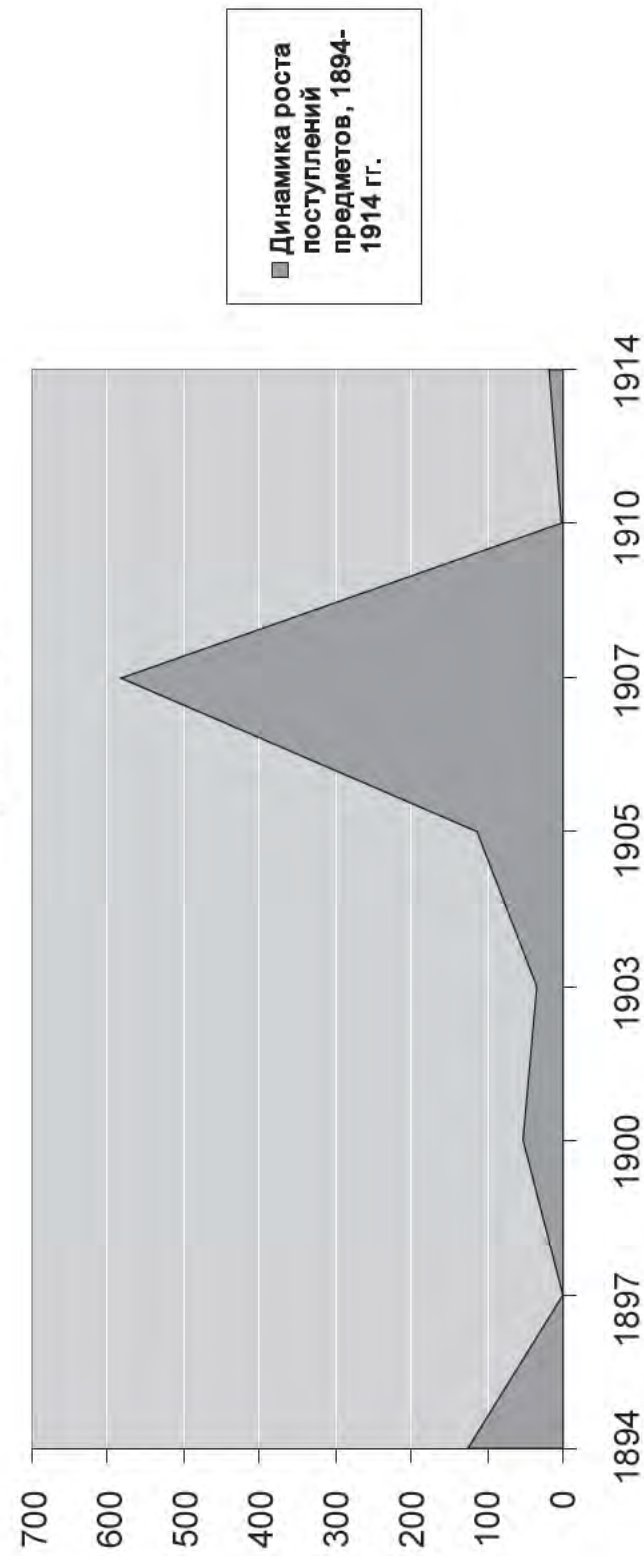
²⁵³ Рукописный документ, обнаруженный в Архиве МАЭ впервые, пока не имеет шифра. Все купоры в тексте связаны со сложностью прочтения.

Приложение 1

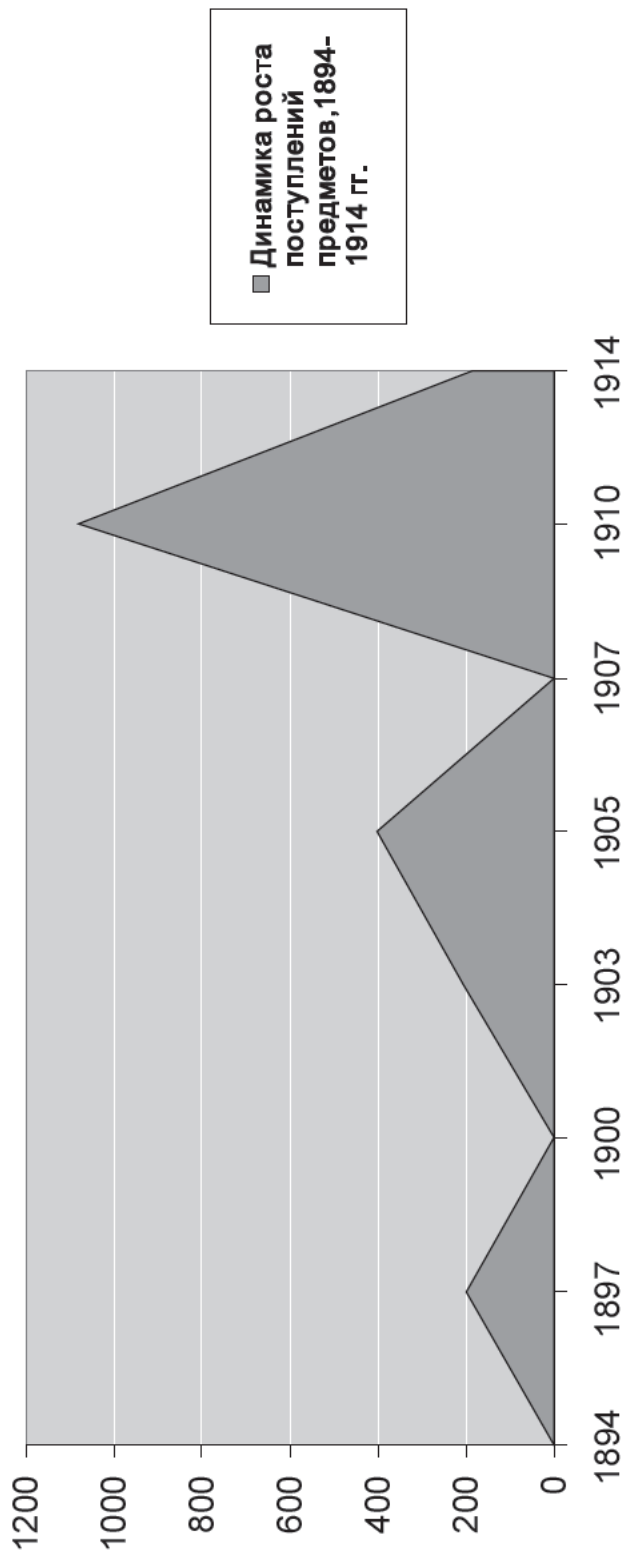
Динамика роста поступлений предметов по всем отделам, 1894—1914 гг.

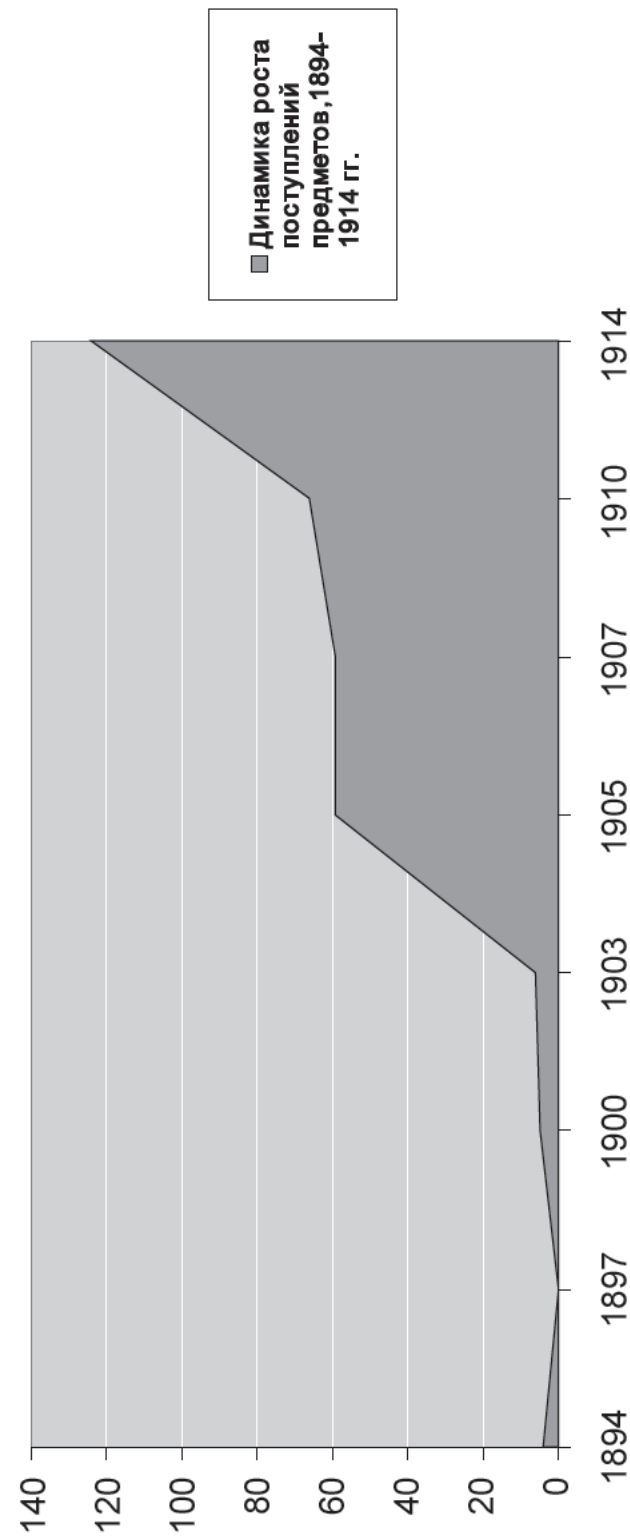
Австралия и Океания

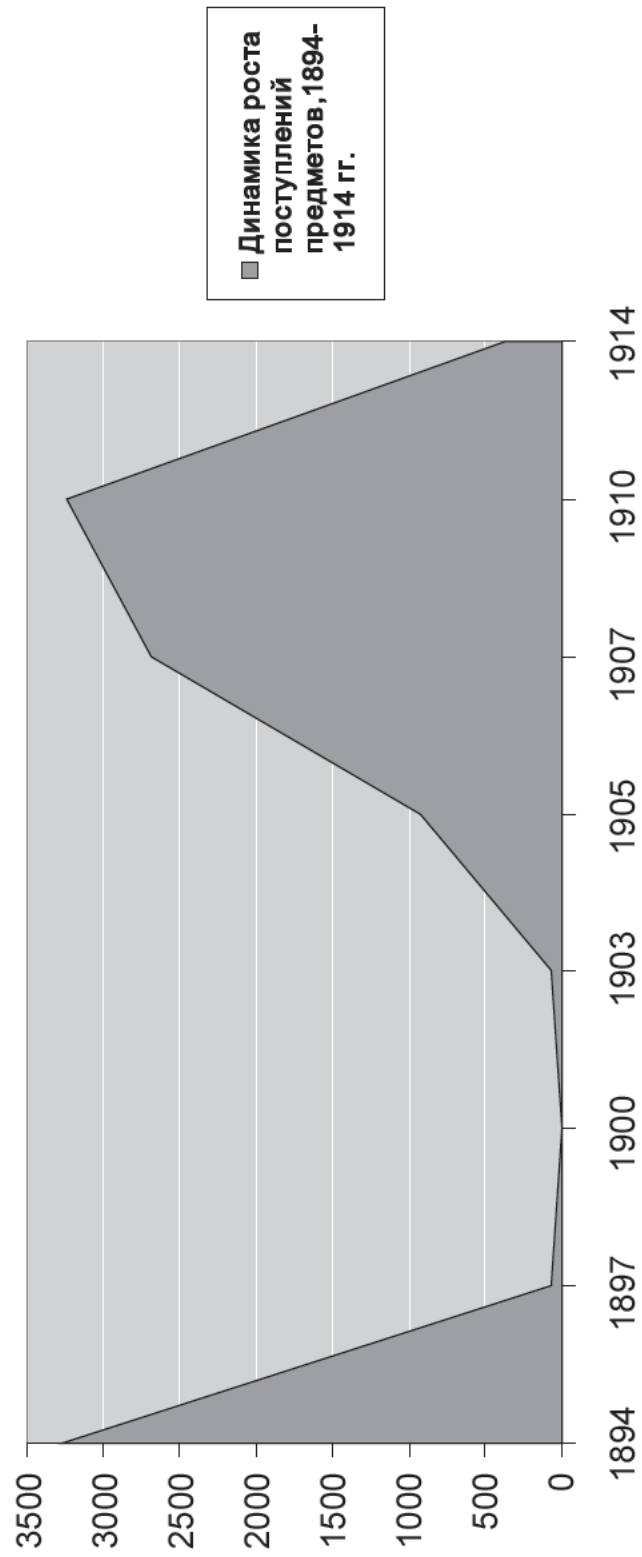
Америка

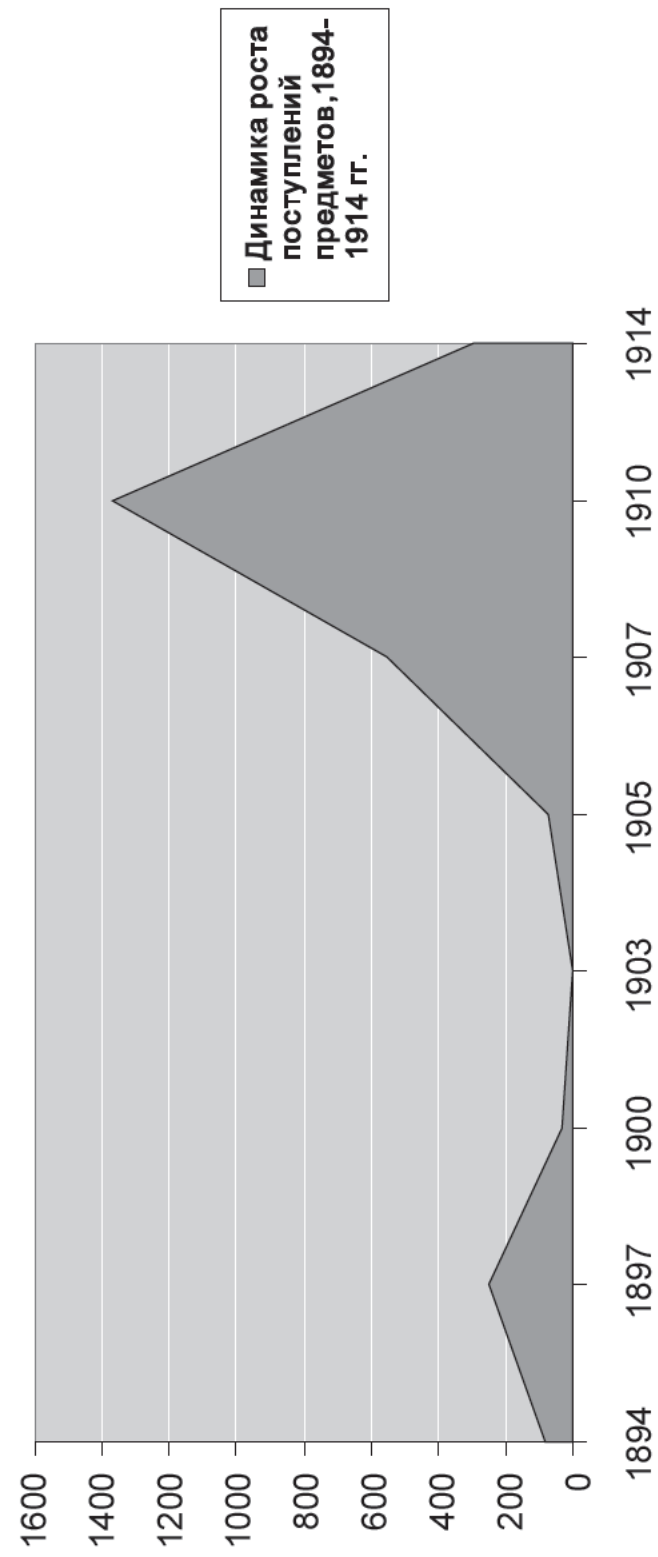
Антропология

Археология

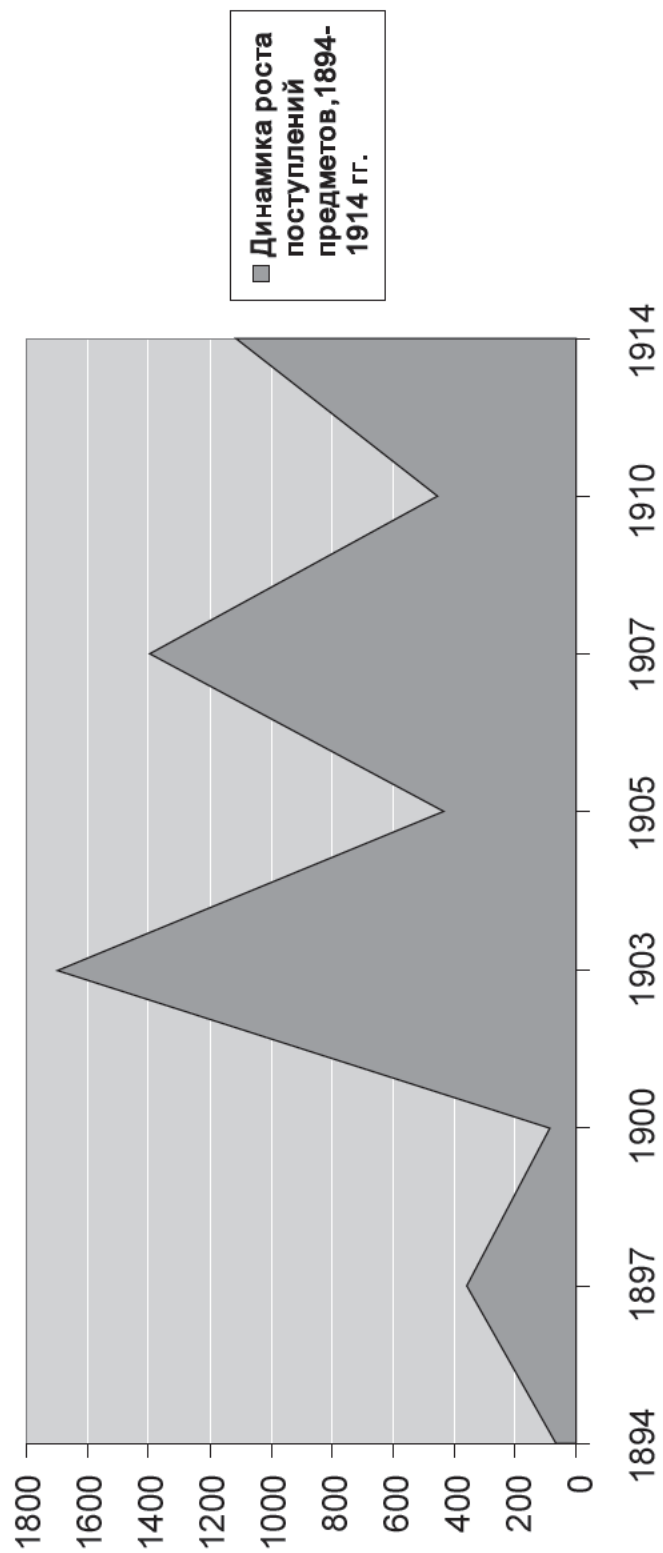

Африка

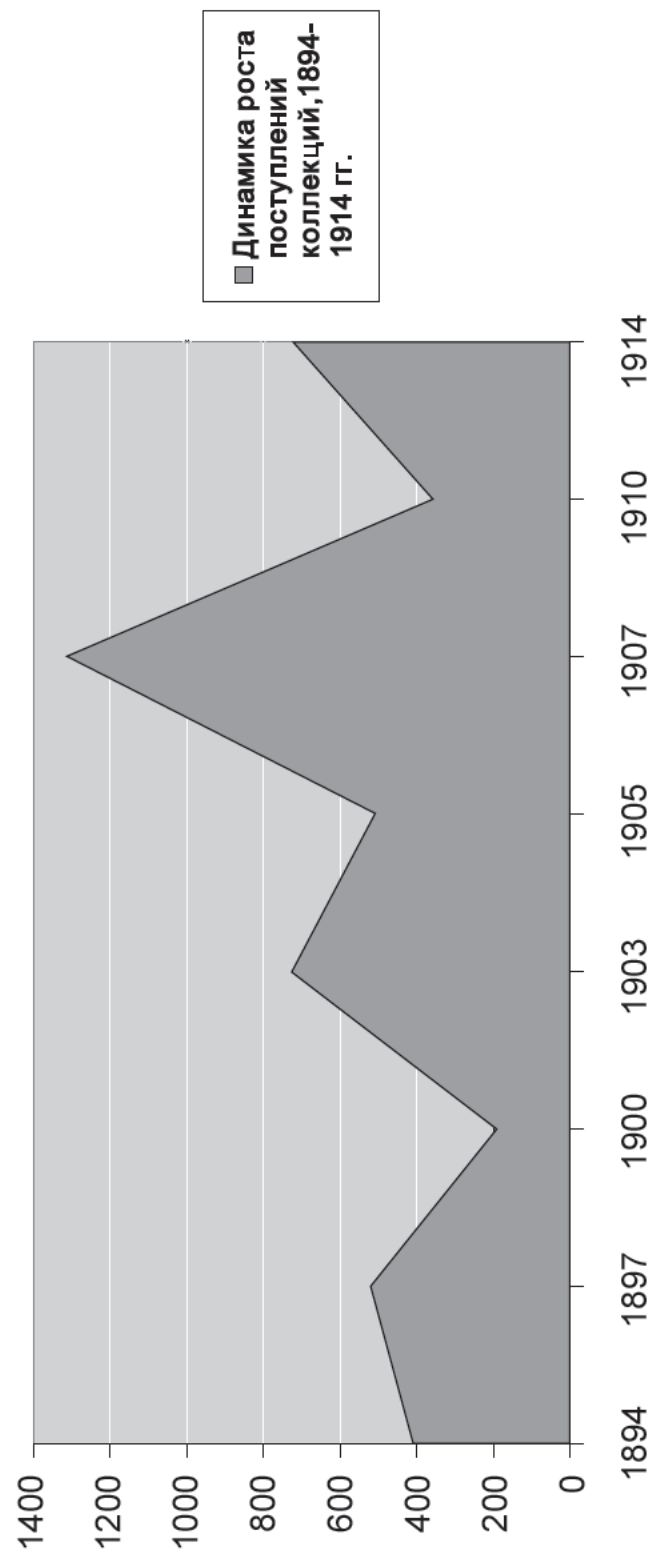

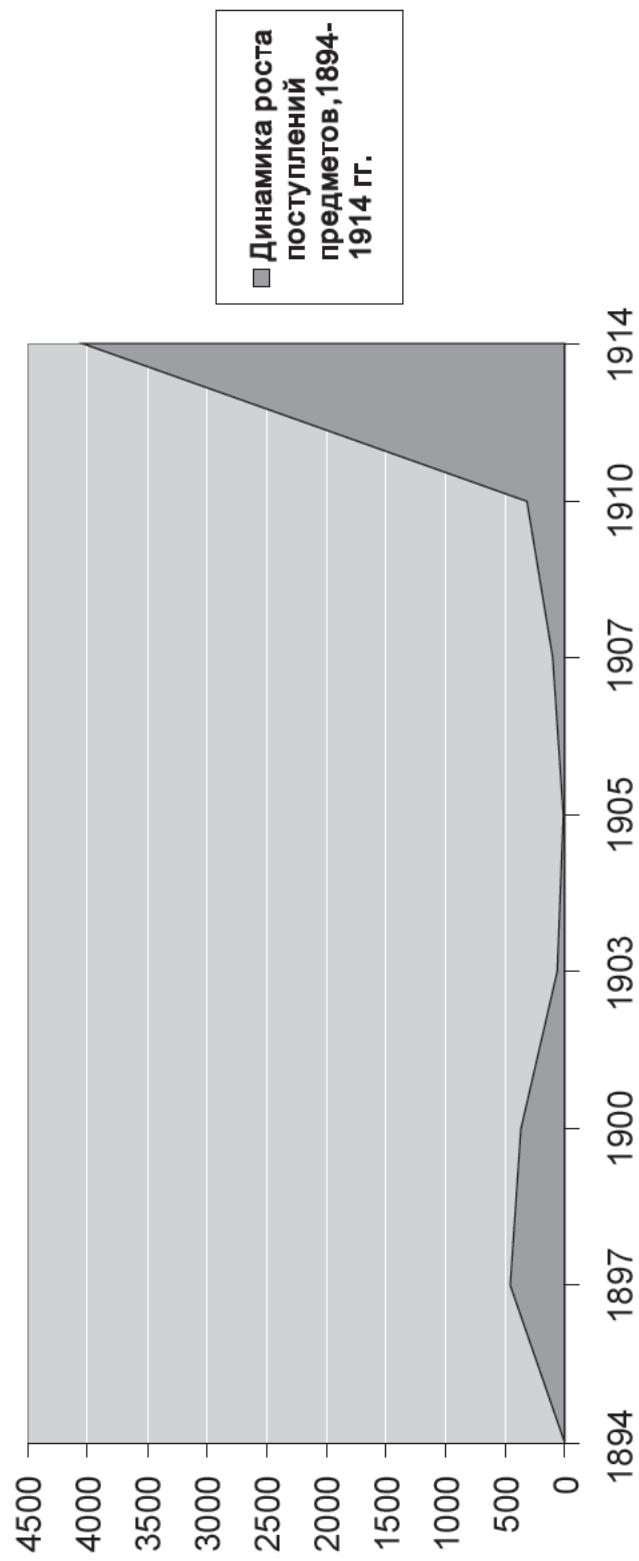
Дальний Восток

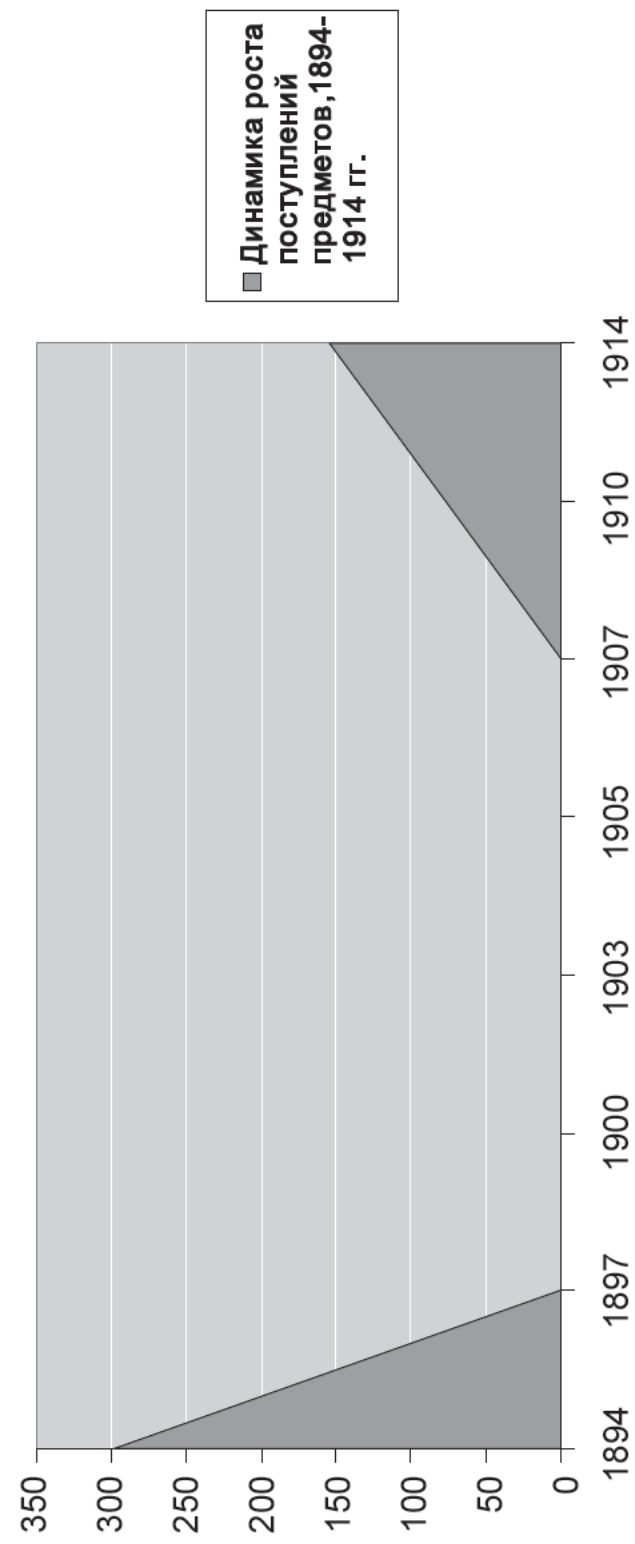
Европа

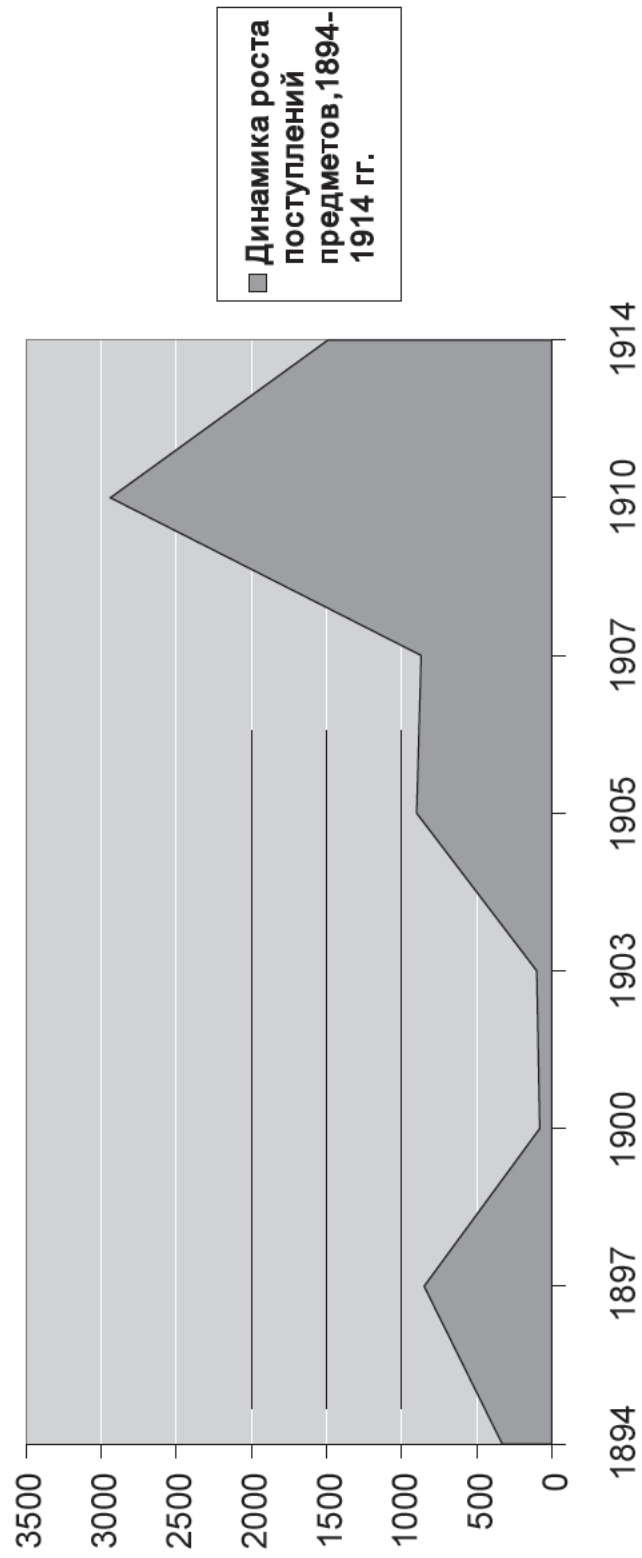
Индия, Индонезия

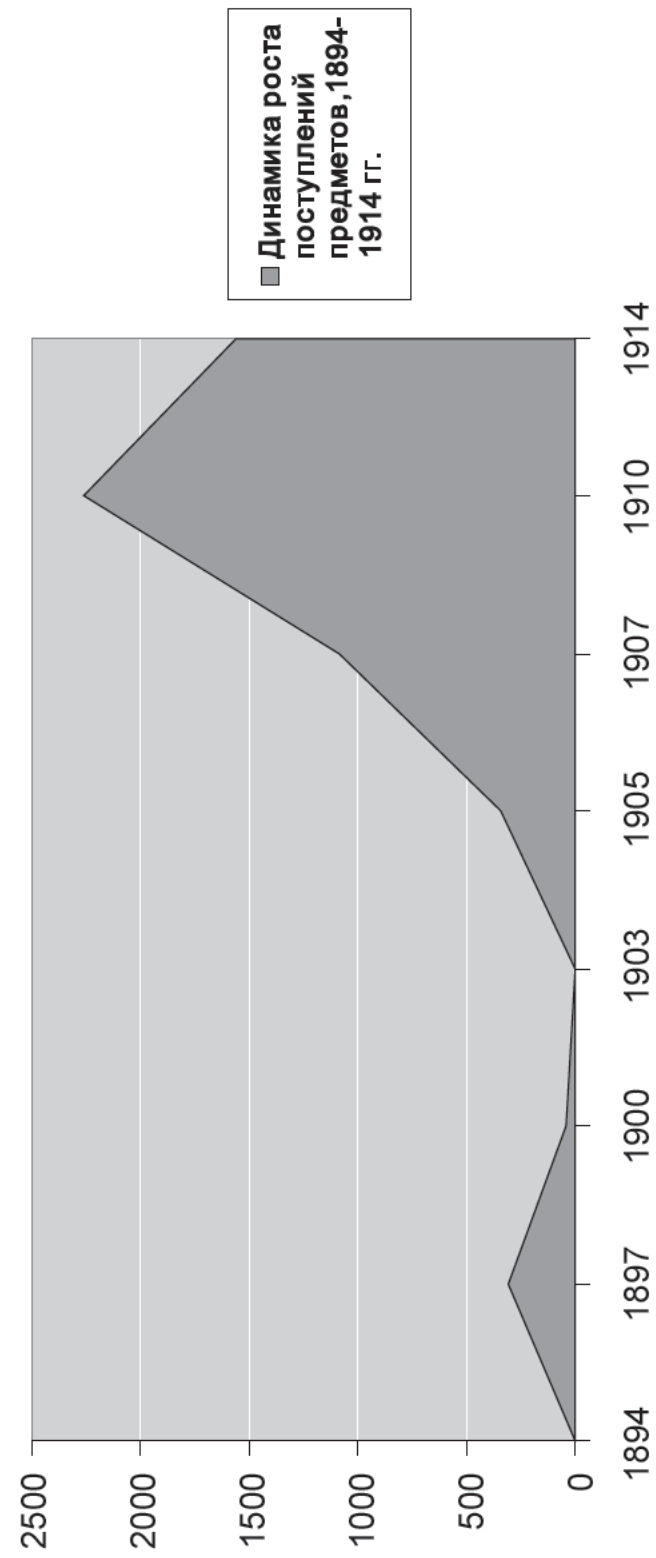
Отдел изображений

Сибирь

Средняя Азия

Приложение 2

Перечень писем разных ученых из Архива Берлинского музея народоведения (1894–1913 гг.)

Книга входящей корреспонденции Архива Берлинского музея народоведения (номера см. ниже) говорит о том, что В.В. Радлов и А. Грюнведель, директор Берлинского музея народоведения, регулярно переписывались. Одна часть этой переписки хранится в Санкт-Петербурге, другая — в Берлине. Основными темами для обсуждения были обмен мнениями о публикациях, отчеты об экспедициях и раскопках, документы, связанные с изучением коллекций и этнографических музеев мира.

№ 866, 1894: от В.В. Радлова, директора музея в Санкт-Петербурге, тема: обмен изданиями.

№ 1014, 1899: [от В.В. Радлова / К.Г. Залемана, Санкт-Петербург], тема: фрески из Турфана.

№ 1, 1900: от В.В. Радлова, тема: предложение об обмене отчетами.

№ 756, 1901: от В.В. Радлова, тема: передача документов из Южного Туркестана. Примечание: отвечено.

№ 1469, 1901: от В.В. Радлова, С.Ф. Ольденбурга, Санкт-Петербург, тема: обязанности этнографических музеев.

№ 445, 1902: от В.В. Радлова, тема: раскопки в Турфана. Примечание: отвечено.

№ 1336, 1902: от В.В. Радлова, тема: запрос для изготовления гипсовых фигур. Примечание: отвечено.

№ 1253, 1903: от В.В. Радлова, тема: результаты Турфанской экспедиции, не облагаемая налогом транспортировка предметов в Россию.

№ 1352, 1903: от В.В. Радлова, тема: запрос на трех проводников.

№ 1526, 1903: от А. Грюнведеля (A. Grünwedel), тема: письмо с благодарностью В.В. Радлову за его помощь в организации Турфанской экспедиции. Примечание: благодарственное письмо.

№ 1085, 1904: от проф. Ле Кока (Le Coq) в отношении просьбы проф. А. Грюнведеля (A. Grünwedel) о передаче документов на имя В.В. Радлова.

№ 379, 1905: от В.В. Радлова, тема: отчет по текстам из Турфана. Примечание: отвечено.

№ 816, 1905: от В.В. Радлова в Санкт-Петербурге, тема: жалобы, касающиеся деятельности Ле Кока (Le Coq) в Турфана.

№ 1346, 1905: от Герхардта Хейя (Gerhard Hey), тема: **17 ящичков из Петербурга на имя Др.Шмидта (Dr. Schmidt). Примечание: 17 ящичков прибыли, благодарственное письмо от В.В. Радлова из Санкт-Петербурга.**

№ 1667, 1905: от Гертруд Хут (Gertrud Huth), тема: по поручению мужа пересылает две рукописи из Туркестана.

№ 69, 1907: от Карла Фрича (Carl Fritsch), тема: **консультация по поездке в северные страны.**

№ 391, 1909: от Йенса Лютцена (Jens Lützen), фотографа ("Photogr. Anstalt" — Photographische Anstalt), тема: фотографии.

№ 1358, 1909: от Йенса Лютцена (Jens Lützen), тема: чек на заказ.

№ 2809, 1909: от А. Грюнведеля (A. Grünwedel), тема: отчет об академике В.В. Радлове.

№ 1915, 1910: от В.В. Радлова, тема: запрос адреса д-ра Чекановского (Czekanowski). Примечание: отвечено.

№ 74, 1912: от А. Грюнведеля (A. Grünwedel), тема: поздравление по случаю 75-летия В.В. Радлова. Примечание: поздравительное письмо.

№ 334, 1912: от д-ра Мюллера (Müller), Москва, тема: запрос на проведение исследований в Центральной Азии.

№ 1998, 1913: от проф. Ле Кока (Le Coq) (в Турфан), тема: транспортировка ящичков.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЙ ДОКУМЕНТ ИЗ АРХИВА МАЭ

За все годы руководства МАЭ В.В. Радловым сотрудниками музея готовились к печати и регулярно издавались отчеты о деятельности¹. В период работы над исследованием в фондах МАЭ был обнаружен рукописный документ², не публиковавшийся ранее и связанный с анализом деятельности МАЭ в 1915–1917 гг. Он представляет собой нумерованные листы (44 листа, 22×18 см), наклеенные по две штуки на листы большего формата (19×36 см). На страницах 7, 8, 10, 11, 16, 17, 18, 24, 25, 29 имеются вклейки-вырезки из опубликованных отчетов о деятельности МАЭ с информацией о поступивших в разные годы в музей коллекциях. Все листы вложены в картонную папку с надписью «Академия наук Союза ССР, Личное дело № 3, Институт этнографии, Андросова Наталия Владимировна, препаратор. Начато 20 августа 1910 г., окончено 15 октября 1956 г.», а затем — в картонную папку зеленого цвета. Время создания — после 1918 г. — устанавливается по содержанию документа. Вверху первой страницы имеется надпись карандашами синего и красного цветов: «С.А. Штернберг» (синим цветом), «Предполагавшаяся статья для сборника. За годы разрухи забыли про нее. С. Штернберг» (красным цветом). Текст документа составлен и написан С.А. Штернберг для публикации в сборнике, который так и не был издан. В этой связи в работе впервые приводится полный текст этой рукописи с комментариями. Документ дает полную картину существования и развития МАЭ в сложнейшие годы (1915–1917 гг.), когда коллективу, созданному В.В. Радловым, удалось не только сохранить музей, но и обеспечить его развитие.

Текст рукописи приведен ниже:

¹ См. отчеты о деятельности Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого за 1906–1918 гг.

² Автор выражает искреннюю благодарность главному хранителю МАЭ РАН П.И. Погорельскому за обнаруженный и предоставленный для изучения и публикации документ.

Деятельность Музея этнографии и антропологии за последние три года жизни В.В. Радлова

«Последние 3 года жизни и управления музеем В.В. Радлова — 1915–1917 гг. — совпали с полным разгаром общеевропейской войны и самым бурным первым периодом русской революции. Само собой разумеется, что эти события, потрясшие до основания всю страну и весь мир, не могли не отразиться в частности и на маленьком мире музейной жизни.

Не говоря уже об ученом персонале, который, подобно всем прочим русским гражданам, неожиданно был выбит из обычной колеи и так или иначе неминуемо должен был реагировать на бушевавшие вокруг события, отчего, понятно, временно ослабла интенсивность его научной работы, создавшиеся условия оказались крайне неблагоприятными и для жизни самого музея: прервались сношения не только с зарубежными странами и музеями, но и отдаленными областями России, исчезла возможность, как по недостатку людей (из-за мобилизации), так и по недостатку средств организовывать в прежнем масштабе научные экспедиции, сборы коллекций, наконец, был нарушен транспорт, и те коллекции, которые уже были собраны, в значительной части своей не могли быть доставлены в музей и остались на местах. В частности в 1917 г. тормозом для работы служила предстоявшая принудительная эвакуация в виду наступления неприятеля. К счастью, общее собрание ученого персонала, тщательно обсудив вопросы, единодушно пришло к заключению, что эвакуация грозит несравненно большей опасностью сохранению коллекций, чем оставление их на месте под надзором служащих, и постановило эвакуировать лишь в случае категорического требования правительства — и музей остался на месте в целостности и сохранности.

Несмотря, однако, на указанные выше крайне неблагоприятные условия для роста и самого существования музея и для работы его ученого персонала и многочисленных сотрудников, безропотно и с любовью трудившихся в течение ряда лет в самых отдаленных концах земли на пользу и процветание дорогого им музея по собиранию коллекций, по организации этнографических исследований и по текущей работе внутри музея все же не прерывалась.

<...> Богатейшие коллекции, собранные лицами, командированными музеем в Индии, Корее, Южной Америке, Восточном Туркестане, на Памире, Алтае, Бухаре, Маньчжурии, Амурской и Приморской областях, в Мексике и пр., по нынешним условиям сообщения и транспорта, не могли быть доставлены в Петроград. Достаточно сказать, что в одной Индии

накопилось 140 ящиков с коллекциями, собранными Г.Х. и Л.А. Мервартами³ Коллекция корейско-японская, собранная Н.И. Конрадом⁴, осталась в Японии⁵, а маньчжурско-амурская из экспедиции С. Широкогорова⁶ хранится в Благовещенске, в пакгаузах таможни. Со стороны собирателей и музея приняты все меры к сохранности и безопасности коллекций на местах, пока не явится возможность транспортировать их в Петроград.

Другая, не менее важная сторона деятельности музея — научные экспедиции, командировки и экскурсии, также не заглохла на отчетные годы. Одной из важнейших этнографических экспедиций музея за отчетный период является экспедиция в Индию весной 1914 г. Г.Х. и Л.А. Мервартов, от которой по условиям военного времени дошли только немногие из отправленных ими в музей писем-отчетов об их деятельности в Индии, но даже из того, что дошло, можно получить представление о ходе их работ.

Здесь были приобретены следующие коллекции: коллекция рыболовных сетей, корзин. Плетений, циновок (последние заменяют у местного населе-

³ Краснодембская, Соболева 2012.

⁴ Николай Иосифович Конрад (1891–1970), востоковед, академик АН СССР (с 1958 г.), в 1912 г. закончил факультет восточных языков Петербургского университета, в 1914–1917 гг. стажировался в Японии. С 1922 г. преподавал в Ленинградском институте живых восточных языков, в Географическом институте ЛГУ, с 1931 г. работал в Институте востоковедения АН СССР, занимаясь работой по изучению японских исторических документов эпохи Мэйдзи. Научные интересы — японская литература, система японского образования, классическая японская и китайская философия, лингвистика. Издал переводы на русский язык ряда памятников японской классической литературы.

⁵ В настоящее время коллекциями, собранными Н.И. Конрадом, МАЭ не располагает.

⁶ Сергей Михайлович Широкогоров (1887–1939), этнограф, окончил филологический факультет Сорбонны, в России учился на отделении физико-математического факультета Петербургского университета, прошел курс в Археологическом институте. С 1910 г. принимал участие в экспедициях на Дальний Восток и в Восточную Сибирь. С 1912 г. начал работать в МАЭ над составлением карточного каталога и регистрацией коллекций, а в 1912 г. был избран на должность сверхштатного сотрудника (младшего антрополога), затем стал заведующим отдела антропологии МАЭ. После Гражданской войны оказался во Владивостоке, принимал участие в создании Государственного дальневосточного университета. Впоследствии оказался в вынужденной эмиграции в Китае, работал в учебных заведениях Шанхая и Пекина. Основная часть его работ вышла на английском, немецком и французском языках. См. подробнее: Ревуненкова, Решетов 2003.

В настоящее время в Фонограммархиве ИРЛИ РАН находятся записи, сделанные С.М. Широкоговым во время экспедиций, всего 95 д., 125 зап.:

Ф. 21 F. 1 д. 2 зап. Дата созд. 1912, дата поступл. 1931. Чита.

Ф. 21 F. 24 д. 39 зап. Дата созд. 1912, дата поступл. 1931. Чита.

Ф. 23 F. 18 д. 26 зап. Дата созд. 1913, дата поступл. 1931. Чита.

Ф. 94 F. 35 д. 41 зап. Дата созд. 1915, дата поступл. 1931. Маньчжурия.

Ф. 112 F. 17 д. 17 зап. Дата созд. 1913, дата поступл. 1931. Забайкалье.

ния всю мебель, даже столы и постели), полная коллекция моделей судов и оросительных сооружений, земледельческих орудий и музыкальных инструментов, одежды местных каст, а также коллекции, представляющие различные производства (резьба по слоновой кости, кокосовому ореху и т.п.) и орудия к ним, и коллекцию, иллюстрирующую роль кокосовой пальмы в жизни обитателей прибрежной полосы от Мангалора до Тутикорина. Здесь же были сфотографированы драгоценности и некоторые другие предметы из дворца махараджи. Г.Х. Мерварт закончил перевод с тамильского языка поэмы Manimekhala, а Л.А. Мерварт занималась изучением религиозных представлений женщин-буддисток, что является ценным дополнением к собранным ею среди цейлонских женщин материалам из той же области.

Из Квилона г. Мерварт переехали в Коттаям, где Г. Х. (Мерварт. — П.М.) изучал жизнь обитающего недалеко от этого города племени ведара, о котором предполагает написать особую монографию. Л.А. (Мерварт. — П.М.) собирала сведения о касте сирийских христиан.

Из Коттаяма Г.Х. и Л.А. (Мерварты. — П.М.) поднялись в Траванкорские горы, где познакомились с жизнью двух горных племен — араяра и урали. За это время собраны следующие коллекции: орудия и утварь от ведара; то же от горных араяра; то же от урали; инструменты местных каст; от сирийских христиан все, что только можно было достать, начиная от письменных принадлежностей и кончая метлой; рыболовные принадлежности касты Пулаяра; принадлежность для бетеля; полный набор женских украшений. В Коттаяме Г.Х. и Л.А. (Мерварты. — П.М.) присутствовали на представлении *катакели* (сохранившийся с древних времен вид драмы). Сделаны шаги для приобретения полного набора костюмов участников этого представления.

После Траванкора исследователи попали в неблагоприятное положение вследствие задержки в присылке денег. Г.Х. (Мерварт. — П.М.) пришлось даже поступить временно на службу для того, чтобы обеспечить себя и Л.А. (Мерварт. — П.М.) в материальном отношении. По новому роду занятий Г.Х. (Мерварт. — П.М.) приходилось постоянно бывать среди туземцев в деревнях; там, после деловых разговоров, он беседовал с мужчинами об их образе жизни, верованиях, обычаях и т.п., что дало ему много материала для полного описания дравидийской деревни. Л.А. (Мерварт. — П.М.) тем временем продолжала свои исследования. Этот период времени Г.Х. и Л.А. (Мерварты. — П.М.) провели в округе Коимбатор (Мадрас). Кроме этих работ здесь собирались и коллекции, из которых наибольший интерес представляют: коллекция старинных сосудов, инкрустированных серебром

(особенно ценна „исцеляющая чаша“, сделанная благочестивым хаджой); коллекция медных вещей (утварь малабарских магометан); полная коллекция майсорских тканей; полный набор женских украшений; образцы майсорской резьбы из камня, слоновой кости, инкрустаций цветного дерева; большое собрание разнообразных предметов обихода с Малабарского берега, а также фотографий (негативы), полно рисующих жизнь края. Из предметов культа особенно интересны модель *rigam'a* (процессия во время праздника в Тригур — Малабарский берег) и глиняные фигуры, употребляемые при культе *Ayanar'a*, дравидийского сельского божества. Кроме того здесь же были приняты меры для дополнения и приведения в порядок ранее приобретенных коллекций.

Последний отчет был прислан перед отъездом из Коимбатора уже после получения денег из России и документов на продолжение командировки. В отчете излагаются дальнейшие планы экспедиции. Снова путешественники едут в Майсор, чтобы закончить сбор коллекций, ранее там начатый; оттуда в Мадрас, где будут сданы на хранение ящики с коллекциями. Далее, исследователи предполагают переселиться в Калькутту, для ознакомления с музеем; это весьма важно для получения представления о том, что можно ожидать встретить в Северной Индии. Из Калькутты они предполагают отправиться в Кашмир и начать исследование Северной Индии с севера, чтобы опуститься в равнину, когда пройдет период наибольшей жары.

В общем, за два года работы, экспедицией, кроме большого и весьма ценного рукописного материала, относящегося к наблюдениям над религией, общественным устройством, кастами и материальной культурой жителей Цейлона и южной Индии, собраны обширные коллекции, полно и всесторонне, судя по отчетам, представляющие жизнь туземного населения. Подсчитать, хотя бы приблизительно, число предметов не представляется возможным. Можно лишь указать, что ящичков с коллекциями накопилось в 1916 г. — 140, а фотографий свыше 2000. Коллекции эти, за невозможностью доставки их в Россию, сданы на хранение в различных городах Индии. <...> Дальнейшая работа гг. Мервартов выразилась в следующем:

В южной Индии ими собраны: 1) коллекция моделей *vahana* — изображений различных животных, на которых носят фигуры богов во время религиозных процессий, и 2) коллекция изображений злых духов, образцы обуви и игрушки (Малабар), лечебные снадобья и модели земледельческих орудий. В Майсоре — коллекция женских украшений, лекарств, музыкальных инструментов и лакированных деревянных игрушек. Там же удалось приобрести четыре изображения из хрусталя, в качестве образцов

поданурского хрустального промысла, как наиболее знаменитого в Индии; в Пури — музыкальные инструменты и пр.; в Лакноу, знаменитом своими вышивками, приобретены образцы таковых, штампы для нанесения рисунка на материю, коллекции деревянных богов и модель деревни со всеми деталями.

К кашмирским собраниям относятся: образцы производства из папьемаше, предметы домашней утвари, игрушки, одежда, украшения и проч., всего до 142 категорий.

Как и в Кашмире, так и далее, в Лахоре, были сняты фотографии, число которых в настоящее время у Г.Х. Мерварта достигает большой цифры — 4000 экземпляров.

В Лагорском музее приобретены археологические снимки и отливки, так как, по совершенно справедливому замечанию собирателя, такая сложная культура, как культура Индии, должна быть представлена не только в отношении современного быта и культа ее, но и в археологическом отношении — отливками и фотографиями.

Далее, собираются образцы различных отраслей кустарного производства для характеристики культурных влияний.

В Дели были собраны туалетные принадлежности, курительные приборы, кропильники, игрушки, горшки, куклы, образцы занавесок, имеющих самое разнообразное применение в Индии, от полога до картины, стоящей несколько тысяч рупий, и циновок, а также фотографии театральных представлений. Г.Х. Мерварт уделяет много внимания индийскому театру, и в *Muttra* им было организовано представление мистерии из жизни Кришны — *Rasleela*, и эта мистерия была сфотографирована.

Кроме описания собранных вещей и изложения плана работы и предложений об организации отдела, в отчетах сообщаются описания производств, празднеств и обычаев.

В заключение следует отметить, что, помимо личных сборов, на местах организованы агентуры и сделаны заказы по сборам, требующим времени, и со всеми музеями Индии установлены условия обмена⁷.

⁷ Коллекции МАЭ РАН (предметные и иллюстративные) 2970, 2975–2993, 2995–2998, 3003, 3005–3008, 3012–3020, 3027, 3062–3066, 3068, 3069–3071, 3075–3079, 3081, 3082, 3086, 3087, 3089, 3090, 3093, 3095, 3097, 3098, 3099, 3101–3104, 3106, 3107, 3109, 3110, 3111, 3130, 3151, 3154, 3158–3165, 3171, 3172, 3173, 3177–3182, 3185, 3186, 3187, 3189, 3192, 3193, 3207, 3228, 3263, 3302, 3303, 3306, 3330, 3338, 3349, 3350, 3351, 3352, 4390 (поступили в 1924 г.); 3622 (поступила в 1928 г.), 3055, 3203 (поступили в 1925 г.), 3622 (поступила в 1928 г.); См. подробнее: Краснодарская, Соболева 2012: 203–232.

Другую, также весьма важную экспедицию в лице Е.Н. (Широкогоровой. — П.М.)⁸ и С.М. Широкогорова, музей направил в Маньчжурию и верховья Амура для сборов и научного исследования культа, быта, музыки и орнамента местных тунгусских народностей. Последние были обследованы также в антропологическом отношении. Сверх этого Широкогоровы произвели археологические раскопки, причем собрана, между прочим, коллекция, достаточно характеризующая неолит Амура. Самые богатые собрания сделаны ими среди орочей бирарских Айгунского округа, а также среди кумарских и хингинских орочей. Из числа поступивших пока 415 предметов особый интерес представляет полный шаманский костюм со всеми принадлежностями, доставшийся собирателям после смерти шамана. Вместе с костюмом приобретены так называемые „вместилища“ для духов и дары, полученные покойным шаманом от его клиентов. Собрание по шаманству маньчжуров особенно важно для сравнения с шаманством. Далее, из экспедиции Широкогоровых поступила коллекция фонограмм с шаманскими напевами маньчжурских шаманов и большое собрание негативов по Северной Маньчжурии и Амуру. Укажем также на собрание орнаментов, на полную коллекцию моделей жилищ и сельскохозяйственных орудий маньчжуров. В заключение сообщаем некоторые предварительные сведения о ходе работ Широкогоровых:

20 мая 1915 г. С.М. Широкогоров, снарядившись в Старо-Цурухайтуе (против впадения в Аргунь р. Ган), отправился вверх по р. Ган. Дорога была вначале удобная, и С.М. (Широкогоров. — П.М.) довольно быстро дошел до орочен. Первая встреча с туземцами была не особенно благоприятна, так как орочены этой области незнакомы с русскими и крайне недружелюбно настроены; тем не менее, благодаря умению обходиться с инородцами, а также знанию языка, С.М. Широкогорову удалось не только оградить себя от неприязненного отношения, но и собрать интересный материал об этой столь мало известной группе орочен. Они коневоды, не имеют никаких воспоминаний об оленеводстве, живут в конических юртах, совершенно отличных по устройству от юрт оленных орочен, говорят на языке, весьма близком к урульгинскому диалекту. Шаманство резко отличается от шаманства забайкальских орочен. У них сохранилось родовое устройство и старинное погребение, с примесью, впрочем, китайских обрядов. Далее, С.М. Широкогоров

⁸ Елизавета Николаевна Широкогорова (поженились в 1908 г. в Париже), сопровождала С.М. Широкогорова в экспедициях. Музыкант по профессии, она опубликовала ряд работ по географии и музыкальной культуре тунгусов и маньчжур, в частности занималась изучением шаманских песен. См. подробнее: Ревуненкова, Решетов 2003: 104.

обследовал другую группу орочен <...> обитающих в бассейне р. Быстрой в количестве 25 юрт. Здесь исследователь провел 1,5 месяца, собрав материал лингвистический и этнографический. С р. Быстрой он направился к манеграм, обитающим по р. Кумаре. Манегры — это те же орочены, ничем не отличающиеся от обитающих по рр. Ган и Дербул: имеют один род <...> от которого получили свое название; они — коневоды и охотники. В этнографическом отношении находятся под сильным китайско-маньчжурским влиянием; по языку подходят больше всего к ороченам р. Ган. У них были собраны этнографические коллекции и материалы по этнографии и языку. В ноябре 1915 г. исследователь был уже в Сахаляне (против Благовещенска), где переждал зиму, занимаясь маньчжурским языком, исследуя по окрестным селениям шаманство, родовой быт, производя антропометрические измерения и делая диалектологические записи; для этой цели С.М. Широкогоров воспользовался также большим скоплением в Сахаляне самых разнообразных племен, посещающих этот пункт главным образом с коммерческими целями. Кроме того, исследователь перевел, с помощью туземцев, с маньчжурского языка книгу по шаманству, давшую очень интересный материал. Шаманство у маньчжуров сохранилось значительно полнее, чем у орочен, частью благодаря письменности, частью вследствие того, что маньчжуры живут оседло, вполне сохранив родовое устройство. Весной 1916 г. С.М. Широкогоров значительно расширил круг своих разъездов и посетил многие места в Северной Маньчжурии, продолжая свои исследования. За это время была приобретена этнографическая коллекция (более 150 предметов, не считая моделей фанз, мельниц, земледельческих орудий, рыболовных снастей и т.п.). Особое внимание исследователь уделил шаманству маньчжур и отчасти китайцев. Июнь месяц он провел среди так называемых бираров. Здесь, помимо различных записей (касающихся грамматики и словаря, шаманских призываний, сказок, родового быта и т.д.), собрана весьма интересная этнографическая коллекция (125 предметов, из которых особенно надо выделить кожаную покрывку зимней юрты, богато орнаментированную 32-мя различными орнаментами, — очень старинный экземпляр). Число антропометрических измерений этого района доведено до 365.

Кроме указанных исследований С.М. Широкогоров занимался еще и археологией края. Совместно с гг. Толмачевым, Федоровым и казаком Гурьевым, давно уже по собственной инициативе занимавшимся археологическими поисками, при шести рабочих, исследователь на катере, представленном местным Управлением водных путей сообщения, посетил семь

пунктов, расположенных на протяжении 425 верст вниз по Амуру, считая от Благовещенска, где произвел раскопки разведочного характера 26 местонахождений. По предварительным данным эти находки можно отнести к четырем периодам истории жизни этого края: I — позднейшие остатки с явной печатью китайского влияния; сюда придется отнести целые города и крепости значительных размеров; II — более древние жилища в виде ям без боковых выходов; III — могильники, максимальный возраст которых можно будет определить при помощи китайских монет, употреблявшихся в качестве украшений; IV — неолит. Неолитических стоянок было найдено четыре; эти стоянки были исследованы с целью установления характера залегания предметов и культурной последовательности. На одной стоянке обнаружена была культура, которую следует отнести, по-видимому, к самому раннему неолиту (не найдено ни керамики, ни полированных орудий). Результатом этих археологических исследований и раскопок явились коллекция предметов, достаточно характеризующая неолит Амура, и ряд данных, сообразуясь с которыми можно будет в дальнейшем планомерно поставить раскопки в области этой реки. В работах исследователя все время длительное участие принимала его жена Е.Н. Широкогорова. Большое содействие оказала своими познаниями в ороченском языке интеллигентная туземка г-жа Афанасьева. После кратковременного перерыва, с мая по октябрь 1917 г., проведенного Широкогоровыми в Петрограде, они вновь отправились на Дальний Восток для продолжения своих научных исследований⁹.

Памирская экспедиция проф. Р. Готью¹⁰, снаряженная им в 1914 г. при деятельном участии музея на средства Русского комитета по изучению Восточной и Средней Азии, деятельность которого протекала все время в тесном контакте с деятельностью музея, после смерти Готью продолжает его ближай-

⁹ В настоящее время в МАЭ хранится ряд коллекций, собранных С.М. и Е.Н. Широкогоровыми: 2462, 2500, 2569, 2638, 2639, 2646, 2647, 2648, 2649, 2650, 2651.

¹⁰ Робер Готью (Gauthiot) (1876—1916), французский языковед (германские, балтийские, финно-угорские языки), занимался сравнительной индоевропеистикой. Опубликовал ряд работ по общей иранистике, ряд текстов и исследований по согдийскому языку. В 1913—1914 гг. во время экспедиции в Среднюю Азию собирал материалы для изучения живых иранских языков. В 1914 г. возглавил экспедицию на Памир (организована русским и французским Комитетами по изучению Средней Азии), в основном работа проводилась в районах распространения бартангских и рушанских диалектов.

ший сотрудник по экспедиции И.И. Зарубин¹¹, который в течение отчетного периода вел с перерывами самостоятельные обследования припамирских стран вплоть до 1918 г., причем в общей сложности им проведено в экспедиционной обстановке около 26 месяцев. Собранные им по поручению музея этнографические коллекции¹² (657 предметов) и фотографические снимки (пока поступило 497 видов и пр. из Нагорной Бухары), преимущественно среди припамирских таджиков <...> поступили целиком в музей, обогатив собрания по отделу Средней Азии. Кроме того, И.И. Зарубиным произведено около 100 антропометрических измерений и зафиксированы местные напевы (около 15 фонографических валиков)¹³. Сообщаем краткие сведения об экспедиции И.И. Зарубина, результаты которой, несомненно, не замедлят быть опубликованными им по возвращении в Петроград.

<...> Большое значение для музея имела также экскурсия в Ю.Америку пяти отважных молодых людей — Г.Г. Манизера, И.Д. Стрельникова, Н.П. Танасийчука, Ф.А. Фиельструпа и С.В. Геймана¹⁴. Прослушав ряд лекций у старшего этнографа музея Л.Я. Штернберга, как теоретического, так и инструкционного характера, и получив от музея лишь самые необходимые научные пособия, фотографический аппарат и т.п., почти без всяких средств, с ничтожной материальной подорожной со стороны академических музеев, но полные отваги и жажды исследований, экскурсанты пустились

¹¹ Иван Иванович Зарубин (1887—1964) учился в Петербургском университете на юридическом и историко-филологическом факультетах, в 1910 г. был арестован за участие в студенческих выступлениях и исключен из университета. Как лингвист и этнограф находился под влиянием Л.Я. Штернберга, В.В. Радлова, К.Г. Залемана. С 1918 г. возглавлял отдел мусульманских народов Средней Азии МАЭ, преподавал в Ленинградском университете. Доктор филологических наук, профессор (1938 г.). И.И. Зарубин является автором работ по малоизученным в то время памирским языкам, положил основу формированию отечественного таджиковедения. Важным результатом его деятельности стала публикация текстов и словарей по малоизвестным иранским языкам.

¹² Коллекции МАЭ РАН от И.И. Зарубина: 2499, 2621, 2674, 2680, 2682, 2779, 2879.

¹³ Фонограммы, сделанные И.И. Зарубиным, ни в МАЭ, ни в Фонограммархиве ИРЛИ РАН обнаружить не удалось.

¹⁴ В 1914—1915 гг. МАЭ частично финансировал экспедицию в Южную Америку, в состав которой вошли Г.Г. Манизер (1889—1917), Ф.А. Фиельструп (1889—1933), И.Д. Стрельников, Н.П. Танасийчук и С.В. Гейман. МАЭ выдало им небольшую сумму для приобретения коллекций; впоследствии в связи с началом Первой мировой войны им пришлось остаться в Америке на полтора года. Всего участниками экспедиции было собрано более 750 предметов. Подробнее см.: Корсун С.А. Роль академика Радлова в формировании американского собрания МАЭ <<http://radloff.livejournal.com/13035.html>>.

в дальний путь (8 апреля 1914 г.). Палубными пассажирами, с большими лишениями, они 9 мая прибыли в Буэнос-Айрес, а 3 июня поплыли вверх по Парагваю <...>

Студенты-этнографы Манизер, Фиельструп и Гейман 2 июля 1914 г. <...> а 20 июля были уже в Налике главном поселении племени кадиувео. 31 июля Гейман оставил там товарищей и вернулся в Буэнос-Айрес, продолжая путешествовать один в Уругвае, Чили, Аргентине, Боливии и т.д. Манизер и Фиельструп продолжали работать в Налике до 17 сентября и, отправив собранные материалы с доверенным лицом в ближайший порт на р. Парагвае, сами посетили другое поселение кадиувео (с 22 по 29 сентября), а затем вышли на железную дорогу около города Miranda. Отсюда посетили группу индейцев шавантов (с 6 по 13 октября), а также индейцев терено. Собранные материалы были доставлены в Порт Эсперанса на р. Парагвае, откуда Манизер и Фиельструп спустились вниз по течению в однодревках. 18 октября однодревки опрокинулись, причем погиб весь багаж — коллекции, записки, фотографический аппарат и пр. 31 октября вернулись опять к теренам, и Манизер снова посетил кадиувео, заказав им роспись лиц, нарисованных на бумаге. 18 ноября приехали в поселение индейцев каинганг в штате Сан Пауло. Отсюда Фиельструп вернулся в Буэнос-Айрес и затем совершил (по 28 сентября 1915 г.) поездку вокруг Америки на аргентинском военном судне, собирая этнографические и археологические материалы по поручению профессора Амбросетти, который часть материала отдаст в академический музей. Манизер оставался у каингангов по 16 января 1915 г. и оттуда с материалами приехал в Рио-де-Жанейро (20 января). Во время пребывания у каингангов он посетил два раза селение индейцев гуарани. Из Рио-де-Жанейро, при поддержке ныне покойного русского посланника П.В. Максимова, Манизер проехал к ботокудам, у которых оставался с 13 февраля по 26 августа 1915 года. 21 сентября 1915 г. Манизер оставил Бразилию, взяв с собой собранный им материал.

В 1916 г. четверо из экскурсантов вернулись, привезя с собой свои собрания (513 предметов), которые ими же тщательно зарегистрированы. Сверх того получены несколько ящиков с коллекциями пятого участника экспедиции — С.В. Геймана¹⁵.

Коллекция Г.Г. Манизера состоит из предметов, собранных им главным образом у ботокудов, каинганг, гуарани-каюа и ньямбиквара. Тем же собирателем совместно с его спутником Ф.А. Фиельструпом добыты

¹⁵ В МАЭ хранятся фотоколлекции С.В. Геймана 4216—4220.

различные этнографические предметы (домашняя утварь, оружие и пр.) от индейцев племен *шаванто* и *террене* и, наконец, совместно с С.В. Гейманом и Ф.А. Фиельструпом, собрана очень большая коллекция у индейцев племени *кадиувео*.

И.Д. Стрельников и Н.П. Танасийчук произвели сборы среди племени *Kaá-ihwá* из группы *гуарани*. Эти поступления, не считая сбора г. Геймана, значительно обогатили отдел (составляя более 10 % общего числа предметов по Южной Америке), причем большинство из указанных выше племен до сих пор не были представлены в музее; привезенные ими предметы от каинганг и кадиувео послужили весьма ценным дополнением к богатым коллекциям Фрича. Особенно интересна и редка коллекция от племени *Kaá-ihwá* (Rio-Monday — Парагвай), состоящая из оружия, музыкальных инструментов, амулетов и пр., всего 83 предмета. Коллекции, собранные г. Манизером у ботокудов (116 предм.) и *каинганг* (58 предм.), заслуживают особенного внимания, так как составлены очень разносторонне и дают полное представление о названных племенах. За полгода своего пребывания среди ботокудов он успел настолько изучить их язык, что привез обширный лингвистический материал, который он, как и прочие материалы, также успел приготовить к печати незадолго до своей преждевременной кончины (в 1917 г.). Успеху его экспедиции он был обязан тем, что обладал всеми данными необходимыми для серьезной работы в такой энциклопедической дисциплине, как этнография <...>

Н.И. Конрадом в 1916—1917 гг., согласно поручению музея, были собраны в Корее коллекции по быту и культуре; собраны, главным образом, предметы, относящиеся к обрядам: 1) совершеннолетия; 2) брачным; 3) похоронным; 4) культу предков; 5) к обрядам при рождении детей; 6) при новогодних праздниках, а также различные принадлежности геомантов, знахарей и гадателей. Кроме того, им же приобретены предметы домашней утвари и обстановки. По получении всех этих предметов музей будет обладать весьма полным отделом Кореи. Сверх того им же собран большой материал по этнографии и лингвистике Кореи.

Г.Д. Федоров, командированный в Архангельскую губ. Для изучения языка местных самоедов, попутно сделал, по поручению музея, сборы для пополнения музейных коллекций по быту, и, в особенности, по культуре этих инородцев. Им собрано более 160 предметов, из которых около 60 шаманских принадлежностей и изображений самых различных божеств и духов¹⁶.

¹⁶ Коллекция 2427.

В.А. Иванов собрал для музея образцы керамики и других предметов быта в Бухаре, именно утварь, игрушки, образцы орнамента¹⁷.

А.А. Ромаскевич¹⁸, магистрант восточного факультета, собрал по поручению музея, коллекции персидскую, именно одежду, вышивки, обувь, куклы, домашнюю утварь, одеяние дервиша, амулеты и проч.¹⁹

С.Д. Майнагашев²⁰, давнишний сотрудник музея, в свое время обогативший его весьма ценными собраниями, в течение отчетного периода продолжал делать сборы и обследование народностей Минусинского округа. К несчастью, собранные им за эти годы материалы, по-видимому, бесследно пропали²¹.

А.В. Анохин²² производил сборы коллекций и материалы по шаманству на Алтае, но и то, и другое до музея еще не дошло, по причинам, указанным выше.

¹⁷ Коллекции МАЭ РАН 2428, 2472, 2542, 2543, 2548, 2567, 4209.

¹⁸ Александр Александрович Ромаскевич (1885—1942), ученик ираниста-филолога профессора В.А. Жуковского, в 1909 г. закончил факультет восточных языков по арабско-персидско-турецкому разряду. В 1911 г. сдал испытания на степень магистра персидской филологии и через год 1912 г. был командирован в Персию. Сразу же по возвращении из Ирана был назначен на должность приват-доцента, а затем доцента Петербургского университета. С 1938 г. заведовал рукописным отделом Института востоковедения АН СССР.

¹⁹ Коллекции МАЭ РАН 2471, 3194.

²⁰ Степан Дмитриевич Майнагашев (1886—1920), в 1906 г. поступил в Красноярскую духовную семинарию, где проучился один год, в 1910 г. он уезжает в Томск для поступления в университет, где целый год проводит в качестве вольнослушателя. По-видимому, именно в Томске произошла встреча С.Д. Майнагашева с Г.Н. Потаниным, исследователем Центральной Азии, а затем — с В.В. Радловым, Л.Я. Штернбергом и А.Н. Самойловичем. По поручению Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в 1913 г. С.Д. Майнагашев отправился в командировку для сбора лингвистического и этнографического материала. Результатами этой поездки стали доклад на заседании секции отделения этнографии ИРГО («Из материалов по шаманству у сагайцев и соседних племен»), публикация отчета о поездке в «Известиях Русского комитета» («Отчет по поездке к турецким племенам долины реки Абакан летом 1913 года»). Снимки и негативы С.Д. Майнагашева являются наиболее значительной частью авторского фонда фотоматериалов по быту и нравам хакасов отдела этнографии Сибири МАЭ РАН. Расстрелян в 1920 г. в Минусинске как белогвардеец.

²¹ В настоящее время в МАЭ в ряде прочих собраний от С.Д. Майнагашева хранится одна коллекция, датированная 1916 г. — 2568.

²² Андрей Викторович Анохин (1869—1931) учился в Московском синодальном училище церковного пения и Петербургской придворной певческой капелле. Являлся членом Томского общества изучения Сибири, которым руководил исследователь Сибири общественный деятель Г.Н. Потанин. Под его влиянием А.В. Анохин начал изучать культуру тюркских народов Южной Сибири. В 1908—1909 гг. участвовал в экспедициях в Туву, Хакасию, Монголию и Горный Алтай, а в 1910—1912 и 1913—1914 гг. по поручению Комитета для изучения Средней и Восточной Азии собирал материалы по шаманству у алтайцев. В целом с 1906 по 1931 г. совершил ряд этнографических поездок по Южной Сибири, Монголии и Восточному Казахстану. С 1923 г. — член-корреспондент АН СССР.

М.В. Михайловская, народная учительница, хороший знаток быта и языка карелов, сотрудница музея с 1912 г., собрала дополнительную коллекцию из 213 образцов вышитого орнамента тверских карелов. Этой коллекцией можно считать завершенным дело собирания орнамента карелов данного района. М. В. Михайловская объездила все поселения своего района и собрала в каждом отдаленном месте <...> характерные для него орнаменты <...> ею собрано 825 образцов, что можно считать если не исчерпывающим, то вполне достаточным материалом для научной обработки и опубликования. Наряду со сборами по орнаменту М.В. Михайловская собрала фольклорный материал и тексты среди тех же карелов Тверской губ.²³

Кроме этнографических экспедиций, за отчетное время музеем снаряжено было несколько экспедиций и командировок археологических. Таковы экскурсия В.М. Лемешевского в 1915 г. вдоль правых притоков верхней Волги, в Ржевском и Зубцовском у. Тверской губ. Собранный им материал²⁴ служит дополнением и разъяснением ранее приобретенной музеем коллекции, также относящейся к каменному веку Тверской г. Затем, в 1916 г., Б.Э. Петри²⁵ был командирован на Байкал для продолжения начатых им в 1913 г. раскопок и из ряда стоянок и пещер добыл интересный материал (керамику и кремневые поделки) по неолитической и железной культуре.

Наконец, туркестанская экспедиция 1914—1915 гг. с академиком С.Ф. Ольденбургом во главе и с активным участием заведующего отделом туркестанских древностей музея, С.М. Дудина, хотя организована на средства Русского комитета по изучению Восточной и Средней Азии, обогатила всецело своими коллекциями наш музей (фрагменты стенописи, скульптуры и образов, писанных на шелку и холсте).

Третью сторону деятельности музея составляет его научно-издательская работа. Музей издает, помимо путеводителей по различным своим отделам, еще так называемый „Сборник музея“²⁶, где ученый персонал музея и прочие его сотрудники помещают статьи этнографического, антропологического и археологического характера. Редакторами этих „Сборников“ являются старший этнограф музея, проф. Л.Я. Штернберг, и хранитель Петровской галереи, Э.К. Пекарский. Последний ведет также всю корректуру по

²³ Коллекции МАЭ РАН 2551, 2640.

²⁴ Коллекции МАЭ РАН 2517, 2527, 3598.

²⁵ Коллекции МАЭ РАН от Б.Э. Петри: 2529, 2583, 2596, 2612, 2613, 2622, 2623, 2624, 2625.

²⁶ С 1900 по 1918 г. вышло 5 томов (22 выпуска) Сборника МАЭ.

музейным изданиям. За отчетные годы музеем изданы: 1) Путеводитель по отделу культуры стран Азии, проф. А.И. Иванов; 2) путеводитель по Галерее Петра I, Э.К. Пекарский; 3) путеводитель по отделу археологии, Б.Э. Петри; 4) путеводитель по отделу Сев. Америки, С.А. Ратнер-Штернберг; 5) Сборник музея, Т. II, вып. 4, К.З. Яцута. Систематическое описание коллекции уродов. Сросшиеся грудной клеткой; 5) Сборник музея, Т. III²⁷, содержащий следующие статьи: Л.Я. Штернберг. Некролог И.Т. Савенкова; К.К. Гильзен. И.Г. Вознесенский. К столетию дня его рождения (1816—1871). Очерк жизни и деятельности старейшего сотрудника академических музеев; С.М. Широкогоров. Задачи антропологии в Сибири; Гудмунд Гатт. Искусственное формирование головы ребенка у скандинавских лапландцев. Перевел с немецкой рукописи К.К. Гильзен; К.З. Яцута. О теменной кости гигантских размеров; М.А. Филаретова-Кржевская. К статистике нахождения блокового шипа (*spina trochlearis*) в глазницах различных черепов; К.З. Яцута. К вопросу о технике изучения профиля черепов; А.И. Иванов. Из музейных материалов по религии китайцев; А.И. Иванов. Из музейных материалов по быту китайцев. Головные уборы китайских невест; К.К. Гильзен. Смычковый музыкальный инструмент у арауканов; И.И. Зарубин. Обувь горных таджиков долины Бартанга; С.Д. Майнагашев. Жертвоприношение Небу у бельтиров; И.Н. Шухов. Из отчета о поездке весной 1914 г. к казымским осяткам; Б.Э. Петри. Неолитические находки на берегу Байкала. Предварительное сообщение о раскопках стоянки „Улан-Хада“; Л.Я. Штернберг. Античный культ близнецов при свете этнографии. С приложением заметки „культурные домики близнецов у гиляков“; К.В. Щенников. Меры протяжения у киргизов Акмолинской области; Е.М. Романова. Библиотека Музея антропологии и этнографии, ее основание и рост за 11 лет; Деятельность музея за 1914 г. (извлечение из годового отчета).

Сверх того сдано в печать: А.В. Анохин „Материалы по шаманству у алтайцев“, имеющие законченный собою IV том Сборника²⁸; Путеводитель по Африке, 2-е издание, исправленное и дополненное, и, наконец, V том Сборника. <...> Для того же V тома „Сборника музея“²⁹ в портфеле ре-

²⁷ Сборник МАЭ. Т. III. Пг., 1916. 212 с.

²⁸ Анохин А.В. Сборник МАЭ. Т. IV, 2. Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю 1910—1912 гг. по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. С предисловием С.Е. Малова. Л., 1924.

²⁹ Сборник МАЭ Т. V. Вып. 1. Ко дню 80-летия академика Василия Васильевича Радлова. Пг., 1918. 400 с.

дакции хранятся следующие рукописи: Л.Я. Штернберга „Сексуальный мотив в идее избранничества“³⁰; В.И. Иохельсона „Натуралистический сюжет о происхождении комаров и других гадов в сибирско-американских мифах“³¹; Б.Э. Петри „Орнамент кудинских бурят“³²; С.М. Дудина „Техника стенописи и скульптуры в древних буддийских пещерах и храмах Западного Китая, с иллюстрациями по теме же коллекции“³³.

Кроме перечисленных выше уже напечатанных в сборниках работ ученого персонала музея, укажем еще и на их же работы за отчетный период, которые имеют близкое отношение к музею, или вообще к этнографии, антропологии и археологии. Так, В.И. Иохельсон поместил в Энциклопедическом словаре Граната статьи: осятки, самоеды, сарты, сибирские инородцы, снохачество, фетишизм, а также приготовил к печати и представил в Академию наук на соискание премии <...> на 1916 г. „Раскопки на Алеутских островах“ — 1-ую часть его трудов по этнологическому отделу Камчатской экспедиции, снаряженной в Москве на средства Рябушинского³⁴. Сверх того, он же приготовил к печати для I тома своих „Материалов по алеутскому

³⁰ Эта статья Л.Я. Штернберга не была опубликована в V томе Сборника МАЭ. Идея была реализована в более поздних его работах („Избранничество в религии» (1927), «Первобытная религия в свете этнографии» (1936).

³¹ Сборник МАЭ Т. V. Вып. 1. Ко дню 80-летия академика Василия Васильевича Радлова. Пг., 1918. С. 201—204.

³² Там же: 215—252.

³³ Там же: 21—92.

³⁴ Экспедиция по комплексному изучению полуострова Камчатка, которая была проведена в 1908—1910 гг. РГО на средства банкира Федора Павловича Рябушинского (1886—1910), происходившего из семьи известных российских промышленников и банкиров, стала одной из крупных и значимых в начале XX в. Ф.П. Рябушинский обратился в несколько научных учреждений Москвы и Петербурга, в результате чего РГО приняло в ней самое активное участие. Самое активное участие в организации экспедиции приняли океанограф Ю.М. Шокальский и П.П. Семенов-Тянь-Шанский. К участию в Камчатской экспедиции были привлечены известные ученые, которые возглавили отряды по отдельным направлениям: ботанический (В.Л. Комаров), зоологический (П.Ю. Шмидт), метеорологический (В.А. Власов), этнографический (В.И. Иохельсон), геологический (С.А. Конрад). Этнографический отряд В.И. Иохельсона начал работу летом 1910 г.: были проведены археологические раскопки в районе Авачинской губы, затем отряд занялся изучением языка, быта и фольклора коряков. Не все участники смогли подготовить и опубликовать итоговые отчеты о проведенных исследованиях: законченной работой стала монография по результатам исследований ботанического отряда, подготовленная в 1915 г. В.Л. Комаровым („Флора полуострова Камчатки»), которая вышла в свет в 1927—1930 гг. В целом Камчатская экспедиция Ф.П. Рябушинского по охвату изучаемых территорий была одной из самых значимых после Второй Камчатской экспедиции (1733—1743), а собранный материал был использован в дальнейших работах по разным научным направлениям.

языку и фольклору“, подаваемых Академией наук, десять алеутских текстов с русским переводом и примечаниями. Б.Э. Петри напечатал в „Известиях“ Русского комитета для изучения Восточной и Средней Азии, серия II № 3, статью „Вторая поездка в Прибайкалье“. Он же подготовил к печати „Библиография по этнографии за 1912 и 1913 гг.“ (для помещения в „Живой старине“)³⁵, а также „Программу для собирания орнаментов“ и „Обзор трудов финских ученых по орнаменту финских народностей“. Э.К. Пекарский напечатал IV и V выпуски своего „Словаря якутского языка“, закончив, таким образом, I том этого труда; он же выпустил 2-е издание своего „Краткого русско-якутского словаря“ и закончил редактирование I выпуска 1 части 3-го тома „Образцов народной литературы якутов“. К.К. Гильзен сдал в печать „Путеводитель по отделу Средней и Южной Америки“³⁶, закончив статью „Описание путешествия И.Г. Вознесенского по северо-западной Америке“ и разрабатывал материалы Архива конференции академии наук, относящиеся к истории музея. С.М. Дудин напечатал статью „Архитектурные памятники Китайского Туркестана“ („Художественный архитектурный еженедельник“ за 1916 г.) с рядом иллюстраций, исполненных по коллекциям музея и статью „Ковры Средней Азии“ (журнал „Столица и усадьба“, 1917 г.). С.А. Ратнер-Штернберг закончила свою монографию о тлинкитах³⁷, одобренную к напечатанию в изданиях Академии наук, и, совместно с Е.Л. Петри, перевела с английского объемистый труд „The customs of the world“, напечатанный в виде приложения к журналу „Природа и люди“.

В заключение обзора научной деятельности персонала музея, укажем еще на немужейную работу в различных учреждениях, имеющих более или менее близкое отношение к этнографии, антропологии, археологии и лингвистике. Старший этнограф Л.Я. Штернберг состоял членом и секретарем Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, председателем II отдела Комиссии по составлению этнографических карт России при

³⁵ В выпуске III–IV издания «Живая старина» им была опубликована статья «Библиография за 1911 год по этнографии, религии, языкознанию и фольклору». См. подробнее: Петри 1914: 441–468.

³⁶ Гильзен 1919.

³⁷ Судя по всему, эта монография так и не была издана. Однако были изданы три статьи по этой теме: Ратнер-Штернберг С.А. Музейные материалы по тлинкитскому шаманству // Сборник МАЭ. 1927. Т. 6. С. 79–114; Ратнер-Штернберг С.А. Музейные материалы по тлинкитам. Очерк II. Церемониальные принадлежности // Сборник МАЭ. 1929. Т. 8. С. 270–301; Ратнер-Штернберг С.А. Музейные материалы по тлинкитам. Очерк III. Предметы вооружения и военные обычаи и обряды // Сборник МАЭ. 1930. Т. 9. С. 167–180.

Русском географическом обществе, членом Комитета и председателем этнографической секции Еврейского историко-этнографического общества. Читал курс этнографии на Высших географических курсах. Э.К. Пекарский состоял секретарем Отделения этнографии Русского географического общества и принимал участие в редактировании II–IV выпусков „Живой старины“. Б.Э. Петри состоял секретарем Комиссии по орнаменту народов России при Этнографическом отделении Русского географического общества. К.Э. Яцута, заведующий антропологическим отделением, был секретарем Общества анатомии и антропологии при Военно-медицинской академии, где он, кроме того, читал лекции по антропологии.

Кроме перечисленных выше разнообразных сторон деятельности музея, с осени 1916 г. организован был ряд лекций и демонстраций слушателям и слушательницам Высших географических курсов и Высших женских курсов. В 1917 г. возобновился курс лекций для преподавателей средней школы, причем прочитано было 14 двухчасовых лекций.

Обычная текущая работа музейного персонала заключалась по-прежнему в регистрации, составлении карточного каталога, в перестановках коллекций в отделах в связи с новыми поступлениями или с новыми планами их распределения, в работах о сохранности коллекций от моли, выцветания и пр., в научной обработке музейных материалов для их опубликования, в составлении путеводителей и т.п. Кроме того, в некоторых отделах были проведены специальные разборы. Так, заведующий отделом туркестанских древностей, С.М. Дудин, посвятил много времени приведению в порядок вывезенного Второй туркестанской экспедицией С.Ф. Ольденбурга собрания фрагментов стенописи, скульптуры и образов, писанных на холсте и на шелку <...> скульптуры, грозившие разрушением и находившиеся в кусках, собраны и скреплены при помощи каркаса, гипса и глины; образы очищены от покрывавшей их грязи, проглажены и монтированы заведующим на бумагу и картон и выставлены в специально приготовленных шкафах. Деятельное участие в приведении в порядок упомянутых сейчас образов принимала временная сотрудница музея, М.А. Саско.

Далее в отделе археологическом, под руководством заведующего, В.М. Лемешевского, произведена большая работа по изготовлению ряда муляжей типичных предметов для распространения их среди учебных заведений и провинциальных музеев. Кстати, интересно отметить, что некоторые из провинциальных музеев были даже снабжены коллекциями

учебного характера по каменному веку России (из дублетных собраний). В большей части отделов инородцев России и в отделе Северной Америки (заведующий Л.Я. Штернберг) были произведены систематическая перепись по шкафам всех предметов с нанесением на карточки регистрационных номеров, и проведены ревизии обоих отделов. В Галерее Петра Великого, кроме обычной повседневной работы, за отчетный период составлена библиография печатных произведений об эпохе Петра I и начат А. Пиотровским сравнительный указатель источников для описания предметов галереи; также оставлено подробное описание „Библиотеки Петра Великого“, хранящейся при галерее³⁸. Поступления отчетного периода по галерее состоят из 25 предметов и 29 томов книг (23 названия).

Библиотека³⁹ (заведующая Е. Романова) музея к концу отчетного периода насчитывала 5895 томов против 4959 к 1 декабря 1914 г. Указанное число книг по категориям распределяется так: русских книг — 1672, иностранных — 1214, брошюр — 540, атласов географических, археологических и этнографических — 19, карт — 65 и альбомов с рисунками — 61. Сравнительно малый прирост библиотеки (936 т.) за отчетные три года объясняется тем, что с 1915 г. прекратился обмен изданиями с зарубежными музеями и учеными учреждениями, и лишь немногие иностранные журналы продолжали поступать. Кроме того, по условиям военного и революционного времени сильно упала издательская деятельность и нарушена была регулярность почтовых сношений, что очень-таки неблагоприятно отразилось на росте библиотеки.

Посещаемость музея за отчетные три года шла скачками. На 1915 г. цифры посещаемости, по-видимому, в связи с первыми пертурбациями, связанными с войной, резко падает с 202 040 в 1914 г. до 128 950, причем из этого числа на школьные экскурсии пришлось 33 718 чел., т.е. около 30 %, а на раненых воинов — 1839 ч. Но уже в 1916 г. естественный рост посещаемости снова поднимается, достигнув в 1916 г. сравнительно высокой цифры в 34 650 ч.; интересно отметить, что число школьных экскурсантов возросло абсолютно (5969 чел.), учащихся экскурсантов относительно упало, составив всего около 17 % всех посетителей. Что касается 1917 г., то ввиду совершившихся в Петрограде эксцессов, в связи с происходившими общественными событиями, музей в целях безопасности был закрыт для публики.

³⁸ Библиотека Петра I 1978; 2003.

³⁹ Романова 1916: 191–204.

Указанное выше число новых поступлений музея (13 239 предметов) по способу приобретения распределяется следующим образом: 5302 предметов, т.е. около 40 % получено в дар от частных лиц и учреждений, 1078 подготовлено в фотографической мастерской (негативы), 547 предметов зарегистрировано из старых коллекций <...> и, наконец, 930 предметов, т.е. 7 % приобретено покупкой. Последняя цифра служит наглядным доказательством крайней ограниченности музея в материальных средствах, этой хронической его болезни с самого начала его существования.

По отдельным годам отчетного периода поступления распределяются следующим образом:

Годы	Общее число поступлений	По командировкам	В дар	Куплено	Изготовлено в фотографической мастерской	Перерегистрировано из старых коллекций
1915	5871	1876	2077	805	232	366
1916	3108	1523	1169	121	644	172
1917	4260	1903	2142	4	202	9
Итого	13 239	5302	5382	930	1078	547

Что касается распределения новых поступлений по отделам, то оно далеко неравномерно в зависимости отчасти от наличности в данный период плана очередных сборов, отчасти от общих условий отчетного периода, отчасти от случайных обстоятельств, случайных пожертвований, покупок, экскурсий и т.п. Во всяком случае, в течение отчетных годов, по примеру прошлых лет, насколько позволили научные силы и средства, музей стремился к обследованию и сборам среди народностей, которые либо были до сих пор слабо изучены вообще, либо слабо представлены в музее. С этой целью были организованы упомянутые выше командировки и экскурсии в Индию, Сибирь, Дальний Восток, Памир, Японию, Персию и пр. По отделам новые поступления распределяются так:

Годы	Этнографич. отдел	Археологич. отдел	Антропол. отдел	Отдел негативов	Отдел фотогр. изображений	Изготовлено фотографий
1915	1662	1377	3	2266	460	33
1916	1036	852	45	893	257	6
1917	1080	2224	13	894	29	41
Итого	3778	4453	61	4053	746	88

Кроме собраний, сделанных планомерно лицами командированными и охарактеризованных вкратце выше, заслуживают быть отмеченными многие поступления из числа пожертвованных или купленных. Такова, например, коллекция по Тибету (одежда, утварь и вооружение), в свое время <...> переданная музеем в 1916 г. Географическим обществом, <...> коллекция А.Д. Руднева⁴⁰ из Восточного Туркестана (92 пр.), коллекция японского фарфора, бронзы и пр., пожертвованная музеем, согласно завещанию, от полковника С.А. Алексеева⁴¹ в 1917 г. Из коллекций С.Д. Майнагашева по качинским татарам отметим полный охотничий костюм, из коллекции А.Н. Липского⁴² — деревянный столик и стул <...> Укажем также на вновь приобретенные головные уборы невесты у бурят, в том числе один старинный из лисьего меха, в котором невеста идет к жениху <...>

Подводя итоги деятельности музея за отчетные три года, можно с чувством удовлетворения подчеркнуть, что никакие бури и невзгоды, ни холод, ни голод <...> ни крайняя ограниченность средств — ничто не могло помешать безостановочному росту его и просветительскому влиянию как в строго научном отношении, так и в деле популяризации этнографических знаний среди многочисленных групп учащихся, рабочих и прочих посетителей, для которых он является неисчерпаемой сокровищницей в смысле иллюстрации различных сторон эволюции материальной и духовной культуры.

Так как последний из трех отчетных годов совпадает с кануном двадцатипятилетнего управления музеем В.В. Радловым, то считаем уместным очертить в нескольких строках результаты его деятельности как директора музея за эти четверть века.

К моменту вступления В.В. Радлова в управление музеем, последний занимал два зала II этажа нынешнего своего здания, и часть подвального помещения, где хранились антропологические собрания и коллекция уродов времени Петра I. В 1917 г. музей занимает трехэтажное здание с надстройкой фотографической мастерской, со вновь пристроенными шестью кабинетами для ученого персонала и сверх того имеет особое помещение для отдела антропологического в здании Академии наук. Хранивший-

ся материал не был ни систематизирован, ни зарегистрирован. В книгах записей указывались даты и давались общие характеристики коллекций в целом. При выставлении преследовалась, главным образом, сторона эстетическая, причем мало считались с научной важностью выставленного. Первым делом нового директора была поездка за границу для изучения постановки там музейного дела и выбора лучшей системы регистрации. Он остановился на системе копенгагенской, в которую внес некоторые изменения. Система эта перешла отсюда в Русский музей и многие другие, и почти весь материал был зарегистрирован по этой новой системе двойной нумерации (на каждом предмете обозначается № коллекции и № предмета в ней) и выставлена в шкафах, причем преследовались преимущества по научной важности выставляемого, хотя бы в ущерб стороне эстетической.

До В.В. Радлова коллекции поступали случайно, от частных пожертвований и учреждений, и музей рос пассивно. Со вступлением в управление В.В. Радлова начинается активная инициатива по сбору коллекций и притом по возможности планомерно. В.В. Радлов прежде всего обратил внимание на бедность музея коллекциями по России и русским иностранцам. Им были приняты самые энергичные меры, чтобы завязать сношения со всеми областями России для пополнения указанного пробела. Следующим шагом была организация командировок, экспедиций и экскурсий — самостоятельных или в сотрудничестве с другими учреждениями для научного исследования и этнографических сборов среди т.н. первобытных народов — в результате музей широко развернул свою деятельность, и создал ряд новых отделов и собрал более 150 000 предметов вместо прежних 50 000, которые числились в начале вступления В.В. Радлова в музей. Кроме этнографических отделов в музее появился отдел археологический, отдел туркестанских древностей, обширный отдел фотографий и других изображений, и, наконец, в последние годы положено основание отделу фонограмм. Наконец, большая работа, была сделана музеем по перенесению из Эрмитажа назад Петровской галереи, т.е. собраний, относящихся к петровской эпохе. Все предметы были тщательно отремонтированы, зарегистрированы, выставлены. С перенесением в музей Петровской галереи начался приток других предметов, а также книг, относящихся к этой же эпохе. Наряду с этим шло регулярное инструктирование командированных и всех лиц, уезжавших в путешествие с научными целями,

⁴⁰ В МАЭ хранятся предметные и иллюстративные коллекции 759, 763, 782, 792, 793 (1903 г.), 800, 812, 827, 841, 843, 852, 901, 1034 от А.Д. Руднева (Руднев Андрей Дмитриевич, приват-доцент Петербургского университета).

⁴¹ Коллекции МАЭ РАН 2645, 2653 (поступили в 1917 г.)

⁴² Коллекция МАЭ РАН 2452 (поступила в 1915 г.).

что имело своим результатом не только приток новых коллекций, но и появление новых сотрудников музея и ряда молодых этнографов, внесших ценные вклады в науку.

За этот же период приведен в порядок, разобран, зарегистрирован и выставлен отдел антропологический, вмещающий также коллекции уродов Петра I и знаменитейшую коллекцию Рюйша. Крупной заслугой В.В. Радлова является также основанная им при музее специальная этнографическая библиотека⁴³. В 1894 г. в музее имелось всего 19 томов, а к 1917 г. в библиотеке числилось 5895 томов, из которых около половины было пожертвовано В.В. Радловым.

Параллельно с ростом музея рос и ученый персонал: вместо одного учебного хранителя и одного сторожа в 1894 г. теперь в музее числится 20 хранителей и сотрудников и восемь сторожей.

Полная оценка деятельности В.В. Радлова как директора музея, будет, конечно, своевременно сделана его сотрудниками».

Итак, приведенный выше текст наглядно доказывает, что взрывообразная динамика развития МАЭ не прекращалась даже в самые трудные для страны годы: в музей продолжали поступать коллекции, пусть и не в таком объеме, как до Первой мировой войны, шла работа по подготовке кадров для их сбора на местах, не прекращалась просветительская деятельность. Только у плохих руководителей дело умирает вместе с уходом из жизни его вдохновителя и организатора. История МАЭ показывает, что импульс, который в свое время В.В. Радлов дал музею, продолжал определять его развитие на протяжении многих десятилетий. Значение публикуемого документа состоит также и в том, что он отчетливо отражает понимание сотрудниками В.В. Радлова его исключительной роли. Сегодня и библиотека, и коллекции, и экспозиции, и безусловные научные достижения Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН, несомненно, являются памятником этому замечательному человеку.

⁴³ Панеях 1995: 141–142.

Рис. 1. Сотрудники МАЭ. 1901–1903 гг.

Справа налево: В.В. Радлов, И.П. Субоч, Б.Ф. Адлер, Е.Л. Петри
Архив МАЭ

Рис. 2. Группа сотрудников МАЭ. 1914 г.

Слева направо: К.В. Щенников, ? , Я.В. Чекановский, С.М. Дудин,
В.Л. Лемешевский, Э.К. Пекарский
МАЭ РАН. № И-1371–3

Рис. 3. Л.Я. Штернберг в ссылке на Сахалине в 1894 г.
Архив МАЭ

Рис. 4. Е.Л. Петри
Передано в дар от О.О. Петри.
Электронный архив МАЭ

Рис. 5. Б.Э. Петри
Передано в дар от О.О. Петри.
Электронный архив МАЭ

Рис. 6. В.И. Иохельсон
Архив МАЭ

Рис. 7. Е.М. Кубиш
Из личного архива и с любезного
разрешения В.П. Барабанова

Рис. 8. Картина-свиток. Китай
 Бумага, дерево, ксилография,
 живопись. 123 × 31,5 см.
 МАЭ РАН. № 1187-1а

Рис. 9. Картина-свиток
 Китай. Бумага, дерево, ксилография,
 живопись. 117 × 32 см.
 МАЭ РАН. № 1187-1д

Рис. 10. Картина-свиток
 Китай. Бумага, дерево,
 ксилография, живопись
 143 × 38 см
 МАЭ РАН. № 1187-2

Рис. 11. Китайская вышивка шелком по материи желтого цвета
Китай. Шелк, вышивка. 15,5 × 10 см
МАЭ РАН. № 1825-2

Рис. 12. Китайская вышивка шелком по материи белого цвета
Китай. Шелк, картон, вышивка. 17 × 9 см
МАЭ РАН. № 1825-3

Рис. 13. Весы
Китай
МАЭ РАН. № 429-1abcd

Рис. 14. Богослужebные принадлежности для молитв
Монголы. Монголия
МАЭ РАН. № 451-1

Рис. 15. Богослужebные принадлежности для молитв
Монголы. Монголия
МАЭ РАН. № 451-2

Рис. 16. Богослужбные принадлежности для молитв
Монголы. Монголия
МАЭ РАН. № 451-3

Рис. 17, 18. Вексель
Китай. Кигайцы
МАЭ РАН. № 1033-1

Рис. 19. Национальный музей в Нюрнберге: вид восточной части музея
МАЭ РАН. № 1166-1

Рис. 20. Северный музей в Стокгольме: здание Северного музея
МАЭ РАН. № 1166-13

Рис. 21. Бронзовая статуэтка Авалокитешвары
Тибетцы. Тибет
МАЭ РАН. № 1489-1

Рис. 22. Бронзовая статуэтка Авалокитешвары
Тибетцы. Тибет
МАЭ РАН. № 1489-1

Рис. 23. Фотографии с изображениями Стокгольмского Северного музея и Скансена. Зимний вид Скансена
МАЭ РАН. № 1689-1

Рис. 24. Фотографии с изображениями Стокгольмского Северного музея и Скансена
Девушка из Гардангер.
Норвежцы
МАЭ РАН. № 1689-30

Städtisches Rautenstrauch-Joest-Museum für Völkerkunde in Köln — Amerika-Saal *1744-*

Städtisches Rautenstrauch-Joest-Museum für Völkerkunde in Köln

Städtisches Rautenstrauch-Joest-Museum für Völkerkunde in Köln
Treppe mit Treppenhäusern. *1744*

Рис. 25. Виды Кельнского этнографического музея
МАЭ РАН. № 1744

Рис. 26. Скульптурные изображения людей без голов из Монголии
Монголия. МАЭ РАН. № 2479-5

Рис. 27. Камень с китайскими иероглифами на скале Субур-Ула
Монголия. МАЭ РАН. № 2479-6

Рис. 28, 29. Черепа из курганов бронзового периода
Зап. Сибирь, устье р. Июсы
МАЭ РАН. № 5565-1,2,3

Рис. 30. В.В. Радлов на экспозиции
Архив МАЭ

Рис. 31, 32. Тучков
буян
Фото П.А. Матвеевой

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Уже после смерти В.В. Радлова, в 1930-е гг., в том числе и на волне интереса к марксистской науке, французские организаторы науки Поль Ривэ (Paul Rivet) и Жорж Ривьер (Georges Riviére) при создании парижского Музея человека будут ориентироваться в первую очередь на Ленинградский музей антропологии и этнографии, *единственный в СССР музей общечеловеческой культуры*¹ и даже пытаться установить с ним обмен². «Цель музея нового типа — не просто показывать предметы материальной культуры, как это делалось в XIX веке, но демонстрировать единство всей эйкумены человека и в то же время разнообразие ее форм <...> панораму эволюции и деятельности человека»³.

В 1920-е гг. Л.Я. Штернберг напишет, что нынешний академический Музей антропологии и этнографии вместе со своим археологическим отделением является **единственным в СССР музеем общечеловеческой культуры**. Однако этот уникальный для российской науки рубежа XIX—XX вв. проект так и не был реализован в полном объеме. После смерти сначала В.В. Радлова, а потом и Л.Я. Штернберга в условиях новой идеологической конъюнктуры МАЭ получил новые задачи, а в начале 1930-х гг. ряд выдающихся коллекций был передан в Государственный Эрмитаж. С инициативой такой передачи в начале 1920-х гг. выступил академик С.Ф. Ольденбург.

Предварительное обсуждение этого проекта состоялось 24 марта 1925 г. Возникшую дискуссию и доводы сторон отражает сохранившиеся в архиве МАЭ документы (рис. 1, 2), включая протокол заседания⁴, на котором речь шла о концепции *научного музея общечеловеческой культуры*. В ходе обсуждения С.Ф. Ольденбург неоднократно подчеркивал, что при решении проблемы не следует опираться на историю музея и что Берлинский музей народоведения, в котором в равной степени хранились и этнографические собрания, и ценнейшие восточно-

¹ Штернберг 1925; Musée d'anthropologie et d'ethnographie 1925.

² Grognet 2009: 366.

³ Ibid.: 378.

⁴ НА МАЭ РАН. Ф. К-IV. Оп. 6. Кн. 2.